
3 1761 04460 2258

UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

ДЖЕМС ГИЛЬОМ.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

(Воспоминания и материалы 1864 — 1878 г. г.)

С биографическими заметками о Гильоме **П. Кропоткина** и **Ф. Брупбахера**.

Том I - II.

Перевод с французского Н. А. Критской.
под. редакц. и с дополн. Н. К. Лебедева.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1922.

Типография „ГОЛОС ТРУДА". Петербург.

От Издательства.

Выпуская в свет настоящее сочинение Джемса Гильома об Интернационале; мы считаем необходимым сказать по этому поводу несколько слов.

Во-первых, наше издание *„Интернационала“* не представляет дословного перевода всех четырех томов подлинника, а является скорее изложением. В некоторых случаях текст подлинника сокращен, а в некоторых местах нами внесены значительные дополнения и прибавления. Об'ясняется это следующим: Джемс Гильом, близкий друг Бакунина и один из виднейших деятелей первого Интернационала в Швейцарии, писал свое сочинение, имея ввиду, главным образом, своих соотечественников швейцарских рабочих (об этом он говорит в своем предисловии к Интернационалу). Вследствие этого Гильом в своем труде уделяет очень много места фактам и событиям из жизни швейцарских секций Интернационала

Для русского читателя, в особености, русских рабочих, большинство приводимых Гильомом фактов из жизни швейцарских секций, имеющих чисто местный характер, не представляют никакого интереса ни с обще-революционной, ни с чисто исторической точки зрения.

Во-вторых, сам Гильом, называя свой труд „воспоминаниями и материалами“, указывает в предисловии, что его произведение представляет лишь сборник материалов по истории Интернационала и должно „послужить скромным пособием при изучении этого великого движения, которое ждет еще своего историка“.

Вследствие этого, Гильом отмечает в своем произведении, главным образом, лишь те факты и события в которых он принимал или непосредственное участие, или же был с ними хорошо знаком. Он старается упоминать

лишь очень кратко о тех фактах, которые хотя и имеют большое значение в истории Интернационала, но которые были известны Гильому лишь по книгам и газетам; вот почему он почти ничего не говорит в своей книге ни о рабочей французской делегации на выставку в Лондон, в 1862 г., ни о знаменитом митинге 28-го Сентября 1864 г. в Сен-Мартинс-Холле, на котором было положено фактическое основание Интернационала, и т. д.

Между тем, все эти факты имеют огромную историческую ценность и почти совершенно неизвестны русским рабочим, или же знакомы им в неверном освещении.

Вследствие этого мы и решили внести в текст оригинала некоторые дополнения, чтобы дать русским товарищам по возможности полную картину развития великой международной пролетарской организации, которая является исходным пунктом всего современого мирового рабочего социально-революционого движения.

Конечно, наше издание не может считаться полной историей Интернационала. Этой истории пока еще нет и Интернационал ждет еще своего историка. Нет даже более или менее беспристрастного исторического очерка развития Интернационала и изложения главнейших фактов и идей этой великой пролетарской организации.

В особености этот пробел чувствуется в русской литературе. Большинство из нас знакомилось с историей Интернационала по плохой книжке, чтобы не сказать больше, немецкого социал-демократа Иекка, который развязно позволяет себе извращать самые важные факты из истории Интернационала.

Недавно вышедшая в свет книга Стеклова об Интернационале, хотя и выше по своему достоинству книги Иекка, также не может быть назвача вполне об'ективным историческим изследованием. Это сочинение представляет довольно поверхностную компиляцию, составленную по наиболее известным французским и немецким источникам и, в значительной мере, по сочинению Джемса Гильома.

Иекк и Стеклов освещают историю Интернационала с

марксистской точки зрения и стремятся доказать, что великая пролетарская международная организация,—если не зародилась по инициативе Карла Маркса,—то, по крайней мере, обязана Марксу своим развитием. По Иекку и Стеклову, Маркс был вдохновителем первого Интернационала, он был душой движения и его идейным вождем Чтобы наиболее ярко оттенить роль Маркса в Интернационале, Иекк и Стеклов совершенно не упоминают о многих фактах из истории Интернационала и ничего не говорят, или же говорят отрицательно, о роли многих других выдающихся деятелей Интернационала, в особенности, Бакунина.

В этом отношении сочинение Гильома в значительной мере заполняет пробел и довольно подробно обрисовывает нам наравне с ролью Маркса в Интернационале, и роль Бакунина.

Конечно, социал-демократы и авторитарные коммунисты-марксисты не могут согласиться с мнением Гильома и тот же Стеклов называет сочинение Гильома в этом смысле „слишком тенденциозным“. Нечего говорить, что то же самое вполне можно сказать и о работе самого Стеклова.

Без сомнения Гильом, как близкий друг Бакунина, говоря о роли и значении Бакунина и Маркса в Интернационале, находит более теплые выражения по отношению к Бакунину, чем к Марксу. Вполне естествено, что в его отзывах о Марксе мы иногда слышим отголоски той вражды, в результате которой Маркс настоял на Гаагском конгрессе Интернационала (в 1872 г.) на исключении из членов Интернационала Бакунина и Гильома.

На страницах предлагаемого сочинения читатели найдут обстоятельное изложение зарождения и развития этой борьбы между Марксом и Бакуниным, которая в значительной степени способствовала распадению Интернационала. Очень многие исследователи истории Интернационала сводят эту борьбу на чисто личную почву, но, в действительности, эта борьба имела глубокий идейный

характер и именно с этой точки зрения она для нас и представляет интерес.

Борьба Бакунина и Маркса в Интернационале олицетворяет собой борьбу двух течений социально-революционной мысли — государственного авторитарно-централистического мировоззрения с одной стороны, и безвластно-федералистических анти- суд ственых тенденций — с другой.

Главная заслуга Джемса Гильома и заключается в том, что он с достаточной полнотой и об'ективностью (насколько можно требовать об'ективности от человека, которой был жертвой интриг и нападок со стороны марксистов) показал нам все перипетии борьбы и познакомил нас с основными пунктами расхождения этих двух течений.

Конечно, вывод после прочтения сочинения Гильома получается не в пользу Маркса и, в этом отношении, можно сказать, что соч ение Гильома написано в „бакунистском духе“.

Но, в защиту Гильома мы можем сказать то, что он, обвиняя Маркса в интригах и нападках на Бакунина, нигде не ограничивается только голословными утверждениями, но всегда приводит фактические данные и оправдательные документы, черпая их большей частью или из писем и памфлетов самого Маркса, или же основываясь на словах его ближайших друзей.

Непредубежденный читатель, стремящийся узнать историческую истину, легко разберется, прочтя сочинение Гильома, на чьей стороне была правда.

„Голос Труда“.

Дж. Гильом

Джемс Гильом.

(воспоминания П. А. Кропоткина [1]).

Я познакомился с Джемсом Гильомом в 1872 г. Получив отвращение от всего того, что мне пришлось увидать в Романской Федерации Интернационала, в Женеве, где марксисты, во главе с Утиным, старались повернуть рабочее движение на путь парламентаризма — я решил познакомиться с другим течением в Интернационале, во главе которого стояла „Юрская Федерация“. С этой целью я обратился к „бакунисту“ Жуковскому и просил его дать мне рекомендательные письма к деятелям Юрской Федерации. Жуковский направил меня к Джемсу Гильому, в Невшатель.

Здесь я попал в совершенно иную среду, чем в Женеве.

В Женеве во главе движения стояли небольшие комитеты вожаков, которые и стремились руководить всем движением и говорили от имени рабочих. Так, например, когда женевские строительные рабочие хотели об'явить всеобщую стачку, вожаки движения старались подавить эту стачку. „Стачка, говорил мне Утин, отрицательным образом отзовется на кандидатуре Амберни“. А этот Амберни, который выставил свою кандидатуру в члены Кантонального Совета, был адвокат—радикал, для которого насущные интересы строительных рабочих имели такое же значение, как прошлогодний снег, но, вожаки Романской Федерации хотели провести Амберни в депутаты так как, говорили они, „он может многое сделать“. В виду этого следовало принести в жертву интересы рабочих.

В Невшателе поведение вождей рабочего движения было иное. Я нашел Джемса Гильома,—которого Утин

[1]) Написано в феврале 1914 г. по поводу 70-тилетия со дня рождения Гильома.

и его друзья называли вожаком Юрской Федерации—в рабочей блузе в его небольшой типографии, где он работал как корректор. В этот момент он исправлял последние оттиски своего небольшого журнала. Он сам заготовлял также и бандероли с адресами друзей и товарищей, которым должен был быть послан этот журнал. „Сегодня у меня не будет свободного времени вплоть до 11 часов ночи, сказал он мне, продолжая работать,— „и так я буду занят дня три“.

Я предложил ему мою помощь в надписывании адресов, чтобы он мог таким образом уделить несколько минут для разговора со мной. Но, фактически оказалось, что я помочь ему не могу. Адреса он писал на память, или же с листка, покрытого какими то кабалистическими знаками вроде следующих: „Ж. м. С. Н. р. Ш. Р. Н“ что означало: „Жиро, монтер, в Сонвилье. Николэ, рессорщик, в Шо-де-Фоне; Робер в Невшателе,“ и т. д. Что мог понять в этих знаках иностранец?.

„Сегодня после обеда, добавил Гильом, придется складывать журнал и заклеивать бандероли“.

Это дело было гораздо легче писания адресов и я немедленно же предложил свои услуги.

„Уж это я, наверное, сумею сделать так же хорошо, как и вы сами; за это я ручаюсь“.

Я тут же взял пачку нумеров журнала, бандероли и горшок с клеем и принялся за работу. Рядом со мною работал один наборщик и сам Гильом, быстро писавший адреса, обменивая в то же время замечаниями и шутками с другими наборщиками.

Какой контраст по сравнению с женевскими вождями Интернационала! Я не мог придти в себя от удивления.

В этот же вечер у меня была очень оживленная беседа с Гильомом, во время которой он познакомил меня с рабочим интернационалистическим движением в Европе. На следующий день я отправился „в горы“, в промышленные местечки Бернской Юры—в Сонвилье и Сент—Имье, где я находил ту же атмосферу равенства, тот же дух независимости и братства.

Здесь я нашел очаг, где вырабатывались новые идеи, которые помогут пролетариату создать новый общественный порядок...

После этой моей первой поездки в Европу я снова попал туда спустя четыре года после этого, т. е. в 1876 г.

Первое письмо, которое я написал, когда я прибыл в Англию, после моего побега из России,—было письмо к Джемсу Гильому. Это было накануне Бернского конгресса Интернационала, на котором, как мне писал Гильом, он надеялся, над свежей еще могилой Бакунина, об'единить, или, по крайней мере, установить дружеский союз, между федералистическим Интернационалом и немецкой социал-демократией. Гильом считал это возможным и горячо над этим работал. Как известно, это были тщетные надежды.

Несколько месяцев спустя я снова очутился в Юре, в Невшателе и в Шо-де-Фоне; я прожил там целую зиму и близко подружился с Гильомом, глубоко полюбив его.

Некоторые представляют Гильома фанатиком, сухим и резким человеком. Это совершенно неверно. Когда дело требует работы, Гильом, действительно, являлся суровым и прилежным работником. Когда нужно дать отпор идейному противнику—он едкий полемист. Но когда нужно серьезно обсудить линию поведения, которую следует выбрать, или когда приходится сделать какой либо решительный шаг,-то трудно было найти человека более примирительного, более готового искать практического разрешения; более устойчивого, стремящегося сохранить нетронутыми лишь самые основные свои принципы. Его глубокая искренность всегда поражала даже его противников; она ярко светилась в его глазах.

Чтобы иметь ясное и действительное представление о Гильоме, как человеке, его нужно было видеть в тесном кругу среди рабочих. Здесь он был всегда готов ответить шуткой, всегда был готов спеть какую нибудь из своих многочисленных революционных песенок, или

же серьезно обсудить какой нибудь вопрос теории и практики рабочего движения. Нужно было видеть его в этой среде, чтобы понять хорошо тот глубоко народный дух равенства, который одушевлял его.

Как Бакунин, Элизе Реклю и Энрико Малатеста,— Джемс Гильом пришел в рабочее движение не для того, чтобы руководить этим движением, а чтобы отдать ему свои способности, свои знания и свой энтузиазм. И он, с своей стороны, содействовал тому, чтобы придать характер равенства во взаимных отношениях людей и антиавторитарный дух в стремлениях рабочих; как раз именно то, чего недоставало в движениях политических, начиная от жирондистов 1792 г. и кончая современными „жирондистами" социал-демократами двадцатого века.

Я написал эти строки и знаю, что читатель из социалистов-политиков не поймет почему я придал такое значение этой „народнической" черте.

„Разве не все мы демократы?"—спросит он. Но в этом „народническом" направлении, которое принял Интернационал в латинских странах, особенно после конгресса в Гааге в 1872 г. есть нечто бесконечно более важное и ценное, чем „демократизм". Это *пробуждение пролетарского духа.*

Для того чтобы восторжествовать, Социальная Революция *должна быть созидательницей новых форм общественной жизни*, а эта созидательная сила может явиться только из самой среды народных масс—от тех, кто сам своими руками добывает, обрабатывает и изменяет продукты природы и образует в своей совокупности общество производителей.

Созидательная сила социальной революции не может явиться из книг и ученых трактатов. Книги—это прошлое, они могут, иногда, разбудить дух критики и возмущения. Но они совершенно не способны предсказать будущее и начертать план новой жизни. Для этого необходимо следовать внушениям *самой жизни.* Наилучшие книги рисуют нам только прошлое. Фаланстер Фурье, Коллективистическое государство Видаля, Пеккера

и марксистов—это, в сущности говоря, все та же *Республика* Платона, даже с ее рабством, которое воскресает под видом заработной платы. А то, что есть ценного у Фурье—взято им из народного движения II года Республики, когда французский народ думал социализировать обмен продуктов первой необходимости

„Но, как вы удалились от нашего друга, Джемса Гильома,“—скажут мне. Этого я не думаю. Но, если бы это и было так, то он простит меня. Сказать, что он был—по своей природе, по своему образу мысли, по своему чувству ненависти ко всякой власти,—одним из тех, которые содействовали пробуждению созидательного гения рабочих масс,—он знает, что я не смог бы сказать большей похвалы своему другу.

Петр Кропоткин.

Джемс Гильом

(Биографическая заметка)

Мы не являемся приверженцами культа героев. Но, если нам приходится столкнуться с человеком действительно выдающимся, мы внимательно присматриваемся к нему и стараемся брать его примером для себя. Для каждого из нас нет никакой возможности проделывать весь тот опыт, какой был проделан всеми предшествовавшими поколениями. Мы должны брать только итоги этого опыта, только результат всего того, чего достигли все предыдущие поколения. В свою очередь, мы сами ко всему унаследованному нами должны прибавить результаты своего личного опыта и передать все это последующим поколениям. Если я хочу быть слесарем или столяром, я поступаю в ученики в слесарную или столярную мастерскую, чтобы изучить ремесло, то есть те приемы и методы работы, какие были выработаны до меня. Если я обладаю некоторой долей творческого ума и инициативой, то я могу ввести в изученное мною ремесло некоторые усовершенствования; быть может сделаю даже революцию в этой области, но эта революция будет вытекать из опыта.

В области техники существует своя традиция, передающаяся из поколения в поколение. Точно такая же традиция существует и в области умственной или духовной. Каждое поколение вносит в эту традицию нечто свое, каждое поколение производит в области этой традиции свою революцию. Но, тем не менее нам необходима эта традиция и нам нужны люди, которые передадут нам великие идеи человечества. Наша обязанность состоит в том, чтобы усвоив эти идеи, обновить их и передать их последующим поколениям. Было бы одина-

ковой ошибкой с нашей стороны—как безусловное преклонение перед авторитетом наших предшественников, так и безусловное игнорирование их идей и опыта. Мы должны критически отнестись к тем, кого мы называем своими учителями, а не слепо любить их и подражать им. Истинная любовь состоит в том, чтобы верно усвоив и поняв идеи своего учителя, разработать и развить их дальше в том же направлении, в котором развивал их наш учитель. Для этого мы должны, прежде всего, не только тщательно изучить идеи и мысли наших великих предшественников, но и познакомиться с их жизнью и делами, так как идеи и мысли неразрывно связаны с фактами и являются верным отражением самого человека.

II

Джемс Гильом родился 16-го февраля 1844 г. в Лондоне. Его отец, Швейцарец из Невшателя, приехал в Лондон почти юношей, когда ему было 20 лет, к дяде, у которого в Лондоне был часовой магазин. Мать Джемса Гильома была француженка. Дед Джемса Гильома жил в местечке Флерие, находящемся в Юрских горах. Здесь он основал в 1815 г. фабрику карманных часов и вскоре открыл отделение в Лондоне, куда и послал своего брата. Дед Гильома был республиканец по своим убеждениям и свои республиканские убеждения он передал и своему сыну, т. е. отцу Джемса Гильома Отец Гильома был далеко не заурядным человеком и торговля часами его мало привлекала. Он много работал над своим самообразованием и в свободное время изучал языки (кроме английского, он хорошо знал немецкий и испанский), кроме языков он интересовался естественными науками и философией. В 1873 г. он женился на молодой девушке, дочери одного француза музыканта,

В 1848 г., когда в Невшателе была провозглашена республика, отец Гильома, как ярый республиканец, не мог оставаться в Лондоне и вернулся на свою роди-

ну. Вскоре он был избран в Невшателе судьей, а затем был назначен префектом в Валь-де-Травер, и с этого времени он не оставлял общественной деятельности вплоть до своей смерти. Избранный в 1853 году государственным советником, он неизменно переизбирался на эту должность в течение тридцати пяти лет.

Когда отец Гильома вернулся в Швейцарию, Джемсу Гильому было четыре года. Девяти с половиной лет он был отдан в латинский коллеж, а шестнадцати лет поступил в Невшательскую Академию, где пробыл два года. Как ученик, Джемс Гильом отличался довольно непокорным нравом и у него бывали нередко стычки с учителями и школьным начальством. Но, хотя он и был на плохом счету у начальства, тем не менее он шел всегда первым учеником. Он выделялся своими знаниями среди остальных учеников, но эти знания ему давала не школа, а книги, которые он находил в библиотеке своего отца. Он прочитал всю библиотеку отца и очень увлекался историей древности, французской революцией, философией, в особенности философией Спинозы; кроме этого много читал по литературе; любимыми его писателями были Гомер, Шекспир, Гете, Байрон, Раблэ, Мольер и Вольтер.

Он интересовался также естественными науками, астрономией, геологией, энтомологией; его привлекали также поэзия и музыка. Он написал несколько сотен лирических стихотворений, сочинял драмы и романы, а в области музыки принялся за композицию оперы и оратории. Политика интересовала его не меньше, чем поэзия и музыка. В то время в Невшателе шла отчаянная борьба между роялистами и республиканцами. С этой поры история французской революции очаровывает Гильома и его героями становятся монтаньяры: Марат (который был уроженцем из Невшателя), Робеспьер и Сен-Жюст.

... Как бы мы не относились критически, всетаки достойна удивления эта бурнокипящая молодость Гильома. Позволительно спросить, был ли действительно

Гильом настоящим поэтом, философом, ученым и общественным деятелем, каким мы узнали его потом?. Результаты долгой научной и литературной деятельности Гильома дадут наш красноречивый ответ на поставленный нами вопрос. Смотря на эти результаты невольно только ставишь себе другой вопрос: чем мог бы быть этот человек в свободном обществе, когда он и теперь сделал так много?

В сентябре 1862 г. Гильом поступил на философский факультет Цюрихского университета. Он решил готовиться на профессора древних языков и стал заниматься по филологии под руководством профессоров Кэхли и Фишера. В Цюрихе Гильом хорошо изучил немецкую литературу и философию; здесь же он основательно изучил и древне-греческих писателей. В Цюрихе Гильом начал заниматься литературной работой и перевел с немецкого на французский сборник разсказов швейцарского писателя Келлера „Жители Селдвилы“. Этот труд был напечатан в 1864 г. В это время Гильом не был еще социалистом. Когда один из его товарищей познакомил Гильома с произведениями Прудона, Гильом сказал, что Прудон—софист.

Весной 1864 г. Гильом был вынужден вернуться в Невшатель. Вскоре он решил уехать в Париж учиться, но это желание ему осуществить не удалось. В конце 1864 г. он выдержал экзамен на преподавателя промышленных школ и получил место учителя в колleже города Локля.

Выше мы сказали, что в это время Гильом еще не был социалистом; до сих пор он был поглощен всецело наукой и был погружен только в книги. Но, в Локле он попадает в среду рабочих. Он знакомится с их жизнью и его сердце и ум охватываются возмущением и гневом при виде эксплуатации, которой подвергаются рабочие. Отныне он решает посвятить себя на борьбу за достижение социальной справедливости. Будучи поэтом, он перестает петь и начинает внимательно прислушиватся к суровой песне живой действительности. Как

историк он задает себе вопрос—кончилась-ли революция и собственно, началась-ли она еще? Чтобы помочь народу в его борьбе за освобождение, Гильом организует в Локле вечерние курсы для рабочих, работая в то же время над своим собственным самообразованием. Он начинает читать сочинения Фейербаха, Дарвина, Фурье, Луи Блана и Прудона. Под влиянием прочитанного в его голове зарождаются новые идеи. Как ученый и философ, Гильом понимает в начале равенство как Робеспьер и Луи Блан, исходившие из той идеи, что все люди равны потому, что у них у всех одинаковая душа Но, каким же образом, согласовать учение о равенстве с дарвинизмом, с теорией происхождения человека естественным путем, благодаря эволюции? Если у человека не существует свободы воли, то как тогда обосновать мораль? Все эти вопросы долгое время волновали Гильома. Но, когда он познакомился более подробно с естественными науками и когда сознал, что метафизическая теория свободы воли не имеет под собой никакой научной почвы, он твердо стал на научно-реальную точку зрения.

В 1865 г. в Шо-де-Фоне была основана первая швейцарская секция Интернационала. Для Гильома это событие не прошло незамеченным. Он видел перед собою народ, стремящийся к освобождению. Он видел, что народ нуждается в помощи. В это время Гильом знакомится с ветераном Невшательского восстания 1831 г., с пылким республиканцем и революционером, Констаном Мероном и вместе с ним в 1866 г. основывает секцию Интернационала в Локле. Осенью 1866 г. Гильом делегируется секцией в Локле на первый конгресс Интернационала в Женеве.

До этого момента Гильом был занят, главным образом, культурно-просветительной работой среди рабочих; он принимал также активное участие в политической и общественной жизни своего кантона. Но, вскоре он пришел к убеждению, как и большинство других интернационалистов Швейцарской Юры, что рабочему классу

в политической и парламентской борьбе делать нечего. Второй конгресс Интернационала в Лозане в 1867 г. и конгресс международной Лиги Мира и Свободы в Женеве глубоко изменили весь образ мышления Гильома:— на этих конгрессах были ярко выявлены два течения социальной мысли—радикально-демократическое и революционно-социалистическое. Гильом становится на сторону второго и с этих пор делается убежденным пропагандистом всемирной социальной революции.

В 1869 г. он познакомился с Бакуниным и сразу же близко с ним подружился. Установлению дружбы способбтвовала общность их взглядов; Бакунин и Гильом, оба стремились к организации общества без государства, где не будет больше ни правительства, ни писанных законов, а где будет царить свобода и равенство. Познакомившись друг с другом, Бакунин и Гильом, нашли себя друг в друге. Конечно, Бакунин, как более старый и опытный революционер оказал свое влияние на Гильома и сам Гильом признает это. Так, например, в одном из своих писем он пишет:

„Я обязан Бакунину следующим: до знакомства с ним я считал себя стоиком и был занят, главным образом, вопросом о нравственном усовершенствовании своей личности, стараясь сообразовать мою жизнь с известным идеалом. Под влиянием Бакунина я отказался от этого; я понял что лучше направить свои усилия к моральному усовершенствованию по пути более человеческому, более общественному; я решил искать основ морали в *коллективном* сознании людей, объединенных общностью пропаганды и революции“.

Нам известно, как взялся за это дело Гильом. С 1866 г. по 1878 г. Гильом жил только для интернационала. В 1869 г. он вынужден был отказаться от места учителя в Локле, так как начальство этой школы нашло неподходящим иметь в стенах своей школы опасного революционера. После этого Гильом стал типографом и почти все свое время посвящал социально-революционной работе. Описать его жизнь между 1866 и

1878 гг.—это значило бы написать историю Интернационала; вот почему его собственные воспоминания и являются таковой. Он был одним из самых ревностных ораторов того левого фланга, который образовался на Базельском конгрессе Интернационала. Он принадлежал к тем, кто вызвал отделение авторитарных социалистов от антиавторитарных на знаменитом конгрессе в Гааге в 1872 г.

Большое влияние на развитие идей Джемса Гильома оказал тот факт, что он жил и действовал среди рабочего класса, исключительного по своим умственным способностям. Рабочие часовщики швейцарской Юры почти все отличались своим умственным развитием, способностью быстро схватывать сущность социального вопроса и ясно его формулировать. Очень трудно, почти невозможно, отличить то, что Гильом дал своим товарищам, от того, что он сам получил от них. Юрские рабочие социалисты той эпохи составляли, буквально, одно общее целое—они вместе и одинаково чувствовали, сообща думали и коллективно действовали. Там не было руководимых—были лишь люди более или менее решительные люди широкой инициативы и действия.

Таким образом, мы можем смотреть на Гильома, как на произведение коллектива. Он является блестящим доказательством того, что человеческая личность, действительно выдающаяся, ничего не теряет и нисколько не принижается, как многие это думают, от того, что вступила в общение с массой, а, наоборот, она только обогащается умственно и возвышается. При общении с коллективом индивидуальные силы личности как будто бы вырастают. Коллективная умственная работа рабочих часовщиков Юрской Швейцарии, работа, в которой участвовал Джемс Гильом, дала в результате в высшей степени оригинальные и глубокие идеи, которые в наше время получили название революционного синдикализма.

Уже в 1870 г. в Швейцарии можно было различить в рабочем движении два течения, которые позднее стали называться социал-демократией и революционным

синдикализмом. В 1870 г. на конгрессе Романской Федерации в Шо-де-Фоне произошел первый раскол между этими двумя течениями; здесь произошло в малом масштабе то, что два года спустя произошло на общем конгрессе Интернационала в Гааге.

После разгрома Парижской Коммуны борьба этих двух течений в Интернационале сильно обострилась. На Лондонской конференции Интернационала в 1871 г. Маркс яростно напал на антиавторитарных социалистов, в особенности, на Юрскую Федерацию, главным деятелем которой был Гильом. Следствием этого было то, что все антиавторитарные элементы сблизились теснее между собою для защиты и самообороны. Известно, что на конгрессе в Гааге 1872 г. Бакунин и Гильом, по настоянию Маркса, были исключены из членов Интернационала. Маркс думал, что таким способом он может убить в Интернационале дух федерализма и автономии. Здесь не место говорить о тех способах и средствах борьбы, к каким прибегал Маркс и его друзья в своей борьбе с антиавторитарными социалистами,—об этом можно узнать из документального произведения Гильома—*Интернационал.*

Если до конгресса Интернационала в Гааге Гильом всегда был в первых рядах борцов, то после этого конгресса невозможно себе представить дальнейшее развитие Интернационала без него. До 1872 г. он состоял редактором печатных органов Романской Федерации Интернационала „Прогресс“ и затем „Солидарность“. В 1872 г. он становится редактором органа Юрской Федерации—„Бюллетеня Юрской Федерации;“ который он издает без перерыва до 1878 г.

После Гаагского конгресса большинство секций Интернационала были возмущены поведением Маркса и оппозиция против Маркса охватила широкие круги европейских рабочих. Для того, чтобы об‘единить эту оппозицию и направить ее по определенному руслу, был необходим широкий ум, способный понять и оценить все индивидуальные оттенки и направления. В это время

Бакунин был болен и он отказался совсем от общественной деятельности. Во главе движения стал Гильом и он блестяще выполнил выпавшую на его долю роль. Очень редко встречаются среди людей такие личности, которые, обладая сами ясными и твердыми идеями, умеют проникать в идеи других, которые совершенно отличны от их собственных, и оценить эти идеи по достоинству. Эта способность и была присуща Гильому и этим об'ясняется почему он так успешно проводил свою линию в Интернационале. Во всем, что он говорил или писал, чувствуется выдающаяся нравственная личность, одинаково свободная и от узкого фанатизма и широкого эклектизма. Я думаю, что я не ошибусь если скажу, что такая личность есть следствие обширного образования, долголетнего изучения истории, науки и искусства.

После 1870 г. Интернационал, по экономическим и политическим причинам, должен был замереть. Европейское рабочее движение разбилось и замкнулось в национальные рамки. В 1878 г. перестала существовать и Юрская Федерация и вместе с ней прекратился и ее „Бюллетень" редактором которого и главным сотрудником был Гильом. Реакция в Швейцарии, как и в других европейских странах, все более и более становилась смелой и против Гильома было возбуждено судебное преследование. Он был осужден в тюрьму, но ему удалось уехать во Францию прежде чем он был арестован.

Благодаря своей дружбе с известным французским общественным деятелем Фердинандом Бюиссоном, Гильом еще живя в Швейцарии, сотрудничал в издававшемся Бюиссоном *Педагогическом словаре.* Он работал также в *Географическом словаре,* выходившем на английском языке в Лондоне. В 1878 г. Гильом окончательно покинул Швейцарию и поселился в Париже.

Конечно, о пропаганде социализма во Франции ему не приходилось уже и думать. Он был иностранец, кроме того, война 1871 г. и Парижская Коммуна нанесли интернационалистическому движению во Франции смер-

тельный удар. Реакция, распространившаяся во Франции после Коммуны, захватила и рабочий класс.

Вследствие всего этого, Гильом ушел всецело в научно-литературную работу. В 1879 г. он стал секретарем редакции журнала *„Педагогическое обозрение“*, продолжая в то же время сотрудничать в *„Педагогическом словаре“* Бюиссона. В этом же году он начал свои исследования по истории народного образования в эпоху великой революции и составил план обширного сочинения по этому вопросу.

Несмотря на то, что Гильом был во Франции иностранцем эмигрантом, он был избран в 1887 г. в Комиссию, которая должна была издавать по его плану материалы Архива Французской Революции. Он принял деятельное участие в работе этой комиссии и на его долю выпало разработать материалы *Комитета Народного Образования*. В 1889 г. он закончил книгу о Законодательном Комитете во время Французской Революции; в этом же году Гильом принял французское подданство. Начиная с 1891 г. во Франции появляется целый ряд его книг о Комитете Конвента.

После окончания *„Педагогического Словаря“* в 1887 г. Гильом становится главным сотрудником *„Географического Словаря Франции“*. Он принял также участие в изданиях Французского Альпийского Клуба. В 1890 г. появилась в печати его книга о *Песталоцци*—одна из самых простых и прекрасных книг, какия были написаны об этом великом педагоге. Кроме этого, за этот же период Гильом написал значительное количество различных статей для журнала *„Французская Революция“*, которые были частью собраны затем и изданы отдельно в двух томах под общим заглавием *„Революционные Очерки“*.

На закате своих дней Гильому выпало счастье увидеть как оживают старые идеи Юрской Федерации и как под влиянием их растет и крепнет рабочее движение.

Очень долгое время идеи, для создания и распространения которых так много сделал Гильом, казались умершими. В рабочем движении господствовали идеи Маркса и государственного социализма. Но, в самом конце девятнадцатого столетия рабочий класс, сначала во Франции, а затем и в других странах, стал оказывать признаки пробуждения и снова написал на своем знамени великие слова первых интернационалистов, что *„Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся;* и что это освобождение является задачей не национальной, *но Интернациональной.*

В то время как все усилия социалистов политиков были направлены на парламентскую борьбу, рабочие организовали свои синдикаты, об‘единили их в местные федерации и профессиональные союзы. Все эти рабочие организации об‘единились во Франции в 1895 г. в единый рабочий союз—*Всеобщую Конфедерацию Труда*, которая, начиная с 1904 года стоит на почве революционного синдикализма. Этот синдикализм представляет собою возрожденные и обновленные идеи старого федералистического Интернационала, главным деятелем которого был Гильом.

Таким образом, Джемс Гильом дождался возрождения своих идей, за которые он боролся в течение своей молодости и зрелого периода своей жизни. Смотря на это возрождение, он сам почувствовал прилив новых сил и вошел в соприкосновение с молодыми деятелями французского революционного синдикализма.

III.

Гильом снова встал в ряды борющихся рабочих, он принес своим молодым товарищам свой опыт и видя, как их мысль снова и снова наталкивается на те же вопросы, какие приходилось разрешать и деятелям Интернационала, он решает познакомить современных рабочих с историей Интернационала. Он с жаром прини-

мается за эту историю и в течение шести—семи лет заканчивает ее. Эта работа вышедшая в свет в период 1905—1910 гг., представляет четыре больших тома. Она принесла рабочим целый клад революционной теории и практики, и помогла им наилучшим образом понять и осветить многие вопросы рабочей борьбы.

В это же время Гильом предпринимает издание сочинений Бакунина и Швицгебеля. Своей историей Интернационала и сочинениями Бакунина и Швицгебеля Гильом познакомил европейских рабочих с целым периодом рабочего движения, который до этого времени был почти неизвестен, или известен в ложном освещении. Благодаря, Гильому современное революционное рабочее движение приобрело историческую преемственность, и благодаря Гильому европейские рабочие избавились от необходимости проделать снова весь тот опыт со всей борьбой и со всеми ошибками, какой проделали их предшественники в Интернационале.

С этой точки зрения заслуга Джемса Гильома перед рабочими чрезвычайно велика. Тем более, что в своих сочинениях Гильом никогда не является догматиком, никогда не говорит авторитетным тоном учителя. Он говорит и действует всегда с изумительной простотой. Он не старается нас направлять, а только идет рядом: он нас учит и в то же время учится у нас; без малейшего признака самовозвышения он живет с нами, как друг, и как брат...

Фриц Брупбахер.

Введение. [1])

Первые стремления французских и английских рабочих к об единению.—Рабочая французская делегация в Лондоне 1862 г.—Митинг 28-го сентября 1864 г. в Лондоне и основание Интернационала.

Международное товарищество рабочих, или как принято его называть, *Интернационал*, не является созданием какого либо одного лица или какой либо одной партии. Оно представляет организацию, возникшую всецело благодаря самостоятельным усилиям самих западно-европейских рабочих, главным образом, французских и английских.

Однако, большинство авторов, писавших об Интернационале, а также и все историки и писатели из социал-демократического лагеря, приписывают как самую идею о международном об'единении трудящихся, так и самое создание Интернационала, Карлу Марксу. В доказательство истинности своих слов они, обыкновенно, приводят тот факт, что в конце 1847 г. Маркс написал по поручению немецкого союза коммунистов известный „Коммунистический манифест", заканчивающийся словами: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и что с первого дня основания Интернационала Маркс состоял членом Главного Совета этого товарищества.

---

1) Ввиду того, что Джемс Гильом начинает свой труд прямо с основания швейцарских секций и первого конгресса Интернационала в Женеве, и ничего не говорит об истории возникновения самого Интернационала, что представляет главный интерес для русских читателей, мы и решили предпослать сочинению Гильома настоящее „введение", знакомящее с зарождением и с первыми шагами великой международной ассоциации трудящихся.

Редакция.

Бесспорно, Карл Маркс играл большую роль в Главном Совете Интернационала и оказал сильное влияние на развитие рабочего движения в Европе. Но, при всем том, Карл Маркс ни в каком случае не может быть назван основателем и творцом Интернационала и приписываемые марксистами Марксу великие лозунги Интернационала провозглашены впервые не Марксом.[1])

Идея международного об'единения всех трудящихся зародилась и развилась среди самих рабочих масс под влиянием уроков жизни и социальной борьбы. Эта идея зародилась среди западно-европейских рабочих почти одновременно с развитием современного капитализма, который всюду и везде, где он появлялся, эксплуатировал трудящихся и совершенно не считался с национальными и политическими границами государств.

Современный капитализм по своей природе *интернационален*, он стремится утвердить свое господство, там где есть возможность получать больше прибыли и дохода. Благодаря такому свойству капитала, мы видим, как в первой половине прошлого столетия почти во всех странах западной Европы возникли тысячи фабрик и заводов; вместе с ними на исторической арене появились огромные пролетарские армии, наполнившие собою обширные предместья больших городов и промышленные центры. Эти армии обездоленных, угнетенных и эксплуатируемых капиталом рабочих, под влиянием железной необходимости, предприняли великую социальную борьбу—борьбу труда с капиталом, которая и является самым характерным явлением нашего времени.

Борясь первоначально в узких пределах национальных границ, рабочие западно-европейских стран скоро поняли, что интересы трудящихся какой либо одной страны солидарны с интересами трудящихся других стран; всюду рабочие эксплуатируемы и всюду они имеют перед собою одного общего врага—капитал. Это

[1]) О роли Маркса в Интернационале говорится с достаточной полнотой в брошюре *Д. Гильома* „Карл Маркс и Интернационал,“ издание „Голос Труда“ 1921 г.

сознание общности интересов и единства цели всех борющихся рабочих всего мира и явилось причиной создания Интернационала.

Здесь мы не будем говорить о многочисленных попытках создания международного союза трудящихся, не имеющих прямого отношения к Интернационалу. [1]) Мы начнем с изложения фактов, имеющих непосредственное значение для истории Интернационала.

Волна реакции, прокатившаяся по всей Европе после революции 1848 г. к началу шестидесятых годов стала постепенно спадать. Во Франции рабочее движение начинает в это время снова развиваться; около 1860 г. в Париже и в других крупных городах стали возникать тайные рабочие профессиональные союзы, или синдикаты. Эти союзы поставили вопрос о необходимости об'единения с рабочими других стран, в особенности Англии.

Весною 1856 г. из Парижа была отправлена в Лондон рабочая делегация, чтобы совместно с представителями английских рабочих обсудить вопрос об основании *Всемирного Рабочего Союза*. Целью этого союза должна была быть борьба с капиталом и достижение социального освобождения рабочих, при чем инициаторы этого союза думали достичь этой цели не политической борьбой, а при помощи экономической.

Спустя шесть лет после этого, т. е. в 1862 г. в Лондоне была устроена всемирная промышленная выставка. Французские рабочие воспользовались этим случаем и послали под предлогом познакомиться с этой выставкой, рабочую делегацию в составе двухсот человек. Эта делегация по приезде в Лондон вошла в сношения с английскими тред-унионами и 5-го августа 1862 г. в

---

1) Интересующихся зарождением и развитием идеи о необходимости международного об'единения трудящихся, мы отсылаем к брошюре *Н. К. Лебедева*—„К истории Интернационала. Этапы международного об'единения трудящихся". Петерб. Изд. „Голос Труда" 1921 г.

Лондоне было организовано большое собрание из представителей английских рабочих и французских делегатов.

На этом собрании произошел оживленный обмен мнений между французами и англичанами по вопросу о международном об'единении. Английские рабочие обратились к французским с особым адресом, в котором говорилось, что „время изолированности народов и войн между ними прошло и что теперь настает эпоха братства и труда.“ В адресе указывалось также, что наиболее важной задачей, стоящей перед человечеством и требующей своего разрешения является *вопрос о праве рабочего на полный продукт его труда, при чем указывалось, что этот вопрос могут разрешить лишь сами рабочие и только путем совместных организованных усилий.*

Далее в адресе английских рабочих говорилось, что благодаря усовершенствованию машин и введению в промышленность пара и электричества, перед рабочими встала новая огромной важности задача—„обновление труда и изменение условий производства.“

„Мы думаем, говорилось в адресе, что обмениваясь мыслями и наблюдениями с рабочими различных стран, мы скорее сможем открыть тайны экономической жизни общества и найти средства избавления рабочих от эксплотации капитала.“

Адрес английских рабочих заканчивался следующими словами: „будем надеяться, что теперь, когда мы узнали ближе друг друга и увидели, что мы имеем, и как люди, и как граждане, одни и те же интересы, мы не позволим разбить наш братский союз тем, чьи интересы состоят в том, чтобы видеть нас раз'единенными, будем также надеяться, что мы сумеем найти пути и средства международного общения и что каждый новый день будет прибавлять все новые и новые звенья к той братской связи, которая об'единит в конце концов работников всех стран.“

В ответ на этот адрес французские делегаты выразили свое горячее пожелание „остаться друзьями и

об'единиться со своими братьями рабочими Англи
других стран, для защиты общих интересов" Фран
ские делегаты предложили тотчас же организовать
менный „Рабочий Комитет Международных Сношени
Это предложение было принято всем собранием еді
гласно и с этого момента Интернационал в прині
был основан.

Многие французские рабочие делегаты остались
Лондоне и поступили на английские фабрики, чтобы і
чить английский язык и облегчить таким образом пе
писку и ведение переговоров по поводу организа
Интернационала. В числе оставшихся был, между п
чим, талантливый рабочий Евгений Дюпон, который
тем и сделался одним из видных деятелей в Интер
ционале.

В 1863 г. в Париже и Лондоне были основа
рабочие комитеты для организации Интернационала
этом году, 22-го июля, из Парижа в Лондон езді
рабочая делегация в составе шести человек во главе с
рабочим прудонистом Толэном. На устроенном в Лондоне 22-го июля международном митинге английский рабочий тред-унионист Оджер, после своей речи о всеобщем мире, выразил пожелание, чтобы рабочие всех стран устраивали бы ежегодные международные с'езды для совместного обсуждения о способах борьбы против капитализма; одной из задач таких с'ездов должно быть изыскание средств устранения международной конкуренции рабочих, так как в это время капиталисты очень часто во время стачек привозили рабочих из заграницы, которые понижали заработную плату местных рабочих. Это предложение было принято собранием единодушно.

Вернувшись из Лондона в Париж, Толэн с товарищами продолжали свою работу по подготовке создания международного рабочего союза. В это время в Париже рабочее движение быстро развивалось и во всех профессиях возникали рабочие синдикаты.

В эту эпоху большинство наиболее передовых французских рабочих находились под влиянием идей Прудона.

Идеи Маркса были совершенно неизвестны среди французских рабочих в этот период. Прудоновские идеи оказали вначале огромное влияние на Интернационал и его виднейших деятелей. В Интернационале эти идеи столкнулись позднее с идеями Маркса, который с перваго же момента своего участия в Интернационале об'явил непримиримую борьбу прудонистам.

В чем же заключалось учение Прудона?

В настоящее время идеи Нрудона мало известны широким слоям рабочих, в особенности, у нас, в России. Русские рабочие, знакомясь с учением социализма, главным образом, по социал-демократическим книгам, привыкли считать Прудона „мелко-буржуазным“ социалистом, как называл его Маркс, а за ним и все его последователи.

Но, в действительности, Прудон был глубоким социалистическим мыслителем и у него мы находим, правда, очень часто в туманном и неясном выражении, в высшей степени оригинальные идеи. Сам Маркс очень много заимствовал у Прудона, не называя, конечно, источника; отсюда, может быть, и вытекала злостная критика Маркса действительно слабых сторон учения Прудона.

Прудон, критикуя организацию современного капиталистического строя, признавал, как и все социалисты что основной причиной гнета и неравенства людей является право частной собственности на орудия труда и на землю. Исходя из идеи справедливости, Прудон говорил, что ради торжества справедливости и свободы необходимо разрушить капиталистический строй и вместо него создать новый общественный порядок, который обеспечил бы *экономическую и социальную свободу личности*, так как „современный человек не хочет больше, чтобы его организовали бы и употребляли бы как машину“.

Признавая необходимость уничтожения капиталистического строя и замены его социалистическим, Прудон, в отличие от Маркса и его последователей, не ставил

своим идеалом социалистическое рабочее государство. Являясь страстным поборником свободы челове личности, Прудон опасался, что в централизо социалистическом государстве эта свобода будет н нарушаема во имя блага всего общества. С этим дон не мог примириться, так как свободу иници свободу труда и творчества он считал наиболее п и важными правами человека. Вот почему он не чтобы в будущем строе существовало государство, бы и называвшее себя социалистическим, ибо „го ство, говорит Прудон, на всем протяжении и олицетворяло собою лишь жестокость и насилие“.

Вместо политического государства Прудон предлаг дующий план экономической организации общества. сно Прудону социалистическое общество должно со из свободных промышленных и земледельческих р союзов, об'единенных между собою на федерат началах. Эти союзы, федерируясь между собою с национально, а затем и интернационально, об новое общество свободных людей, которое вполне нит собою современное государство, основанное на принуждении и насилии. При этой системе человечество сможет избежать и современного капиталистического рабства и будущего рабства государственного коммунизма.

Прудон настаивал, что уже теперь необходимо приступить к ликвидации Государства, „уменьшая, упрощая, децентрализуя государственные функции и уничтожая одно за другим колеса этой машины, носящей название правительства или государства“.

В новом обществе, освобожденном от государственной власти и опеки, не должно быть больше разделения народов на отдельные нации; в будущем строе, говорит Прудон, „не будет больше *отечества* в политическом смысле этого слова, будет лишь только *родина*. Человек, какой бы расы и цвета кожи он ни был,—является гражданином мира и имеет право жительства на всей планете“.

В 1863 г. Прудон, уже больной и умирающий, написал свою последнюю книгу „*О политической правоспособности трудящихся классов.*“ Эта книга представляет как бы завещание Прудона, оставленное им своим собратьям, французским рабочим, из среды которых он происходил сам. В этой книге Прудон говорит, что рабочий класс, если он хочет добиться своего освобождения, должен организоваться самостоятельно и отдельно от всех других классов общества, так как его интересы непримиримы с интересами буржуазии. „Пусть рабочий класс, говорит Прудон, прежде всего постарается освободиться от всякой опеки и отныне начнет действовать самостоятельно для себя“.

Прудон указывал вместе с тем на историческую роль пролетариата. „Буржуазия, говорит он, победила в 1789 г. дворянство и уничтожила его привилегии, теперь настала очередь пролетариата; для этого ему необходимо сорганизоваться, чтобы преобразовать весь социальный строй. Час победы близок, ибо теперь народ не представляет более собою бесформенную и невежественную массу, напротив, со всех сторон в его среду проникают лучи света, он начинает сознавать свои права, и народ призван положить конец социальной несправедливости и добиться собственными усилиями свободы и равенства.“

Воодушевляемые этими идеями, парижские рабочие прудонисты, вели деятельную пропаганду среди своих товарищей, организуя рабочие профессиональные союзы и синдикаты.

Под предлогом выражения сочувствия польской революции английские рабочие решили созвать осенью 1864 г. новый международный митинг. Они послали приглашение парижским рабочим прислать на этот митинг своих делегатов. Митинг был назначен на 28 ое сентября в зале Сен-Мартинс-Голл.

В ответ на это приглашение парижские рабочие делегировали в Лондон троих своих товарищей, это были рабочие—Толэн, гравер, Перрашон, бронзовщик, и

Шарль Лимузен, басонщик. Эти делегаты взяли с собою приветственный адрес от парижских рабочих и проект организации международной рабочей ассоциации. Митинг состоялся 28-го сентября под председательством профессора — радикала Эдварда Спенсера Бизли, который, открывая митинг, произнес горячую речь в защиту угнетаемых народов. В своей речи Бизли указывал на насилия правительств и выражал надежду, что предполагаемый союз между рабочими всех стран будет осуществлен на настоящем собрании. После этого английский рабочий Оджер прочитал адрес, посланный парижским рабочим.

В ответ на это Толен, в свою очередь, прочитал приветствие от парижских рабочих английским, в котором говорилось:

„Рабочие всех стран, желающие стать свободными, настала ваша очередь иметь свои с'езды. Ныне народ выступает на историческую арену, имея сознание о своей силе; народ поднимается против тирании в области политической и против монополии в области экономической... Рабочие всех стран, нам необходимо об'единиться между собою, чтобы противопоставить непроходимую преграду пагубной системе, разделяющей человечество на два класса."

Присутствовавший на митинге молодой профессор французского языка, Ле-Любез, перевел на английский язык приветствие Толэна, а затем изложил план организации международной ассоциации рабочих, представленный французами. Этот проект был встречен восторженными аплодисментами. Английский рабочий Уиллер предложил после этого свою резолюцию. В своей речи Уиллер с дружеской иронией заметил, что „французы всегда шли впереди англичан: в то время, как англичане послали свое приветствие в Париж по почте, французы привезли свое приветствие английским рабочим лично, в Лондон, и вдобавок вместе с ним представили проект организации международной ассоциации, и этот проект служит прекрасным доказательством того, что

всякий прогресс исходит всегда из Франции, даже и тогда, когда французы являются наиболее угнетенными из народов". Предложенная Уиллером резолюция была составлена в следующих выражениях.

„Собрание, выслушав ответное приветствие наших французских братьев, еще раз посылает им свое приветствие, и считая, что представленная ими программа может послужить к улучшению положения рабочих, принимает эту программу как основу *международной* организации. Митинг избирает временный комитет, предоставляя ему право кооптации других членов, и поручает этому комитету выработать устав этой ассоциации".

Эта резолюция была принята единогласно и временный комитет, местопребывание которого было назначено в Лондоне, был выбран на этом же митинге. В комитет вошли, главным образом, англичане, среди которых прошли рабочие тред-юнионисты Оджер, Кремер, Уиллер, Люкрафт, и последователь Роберта Оуэна, Уэстон. Ле-Любез и еще два—три француза, жившие в Лондоне были избраны как представители от Франции, Фонтана и Вольф (секретарь Мадзини) были избраны представителями от Италии, немец, портной Эккариус и Карл Маркс прошли как представители Германии.

Так было основано знаменитое *Международное Товарищество Рабочих* более известное под сокращенным названием *Интернационала*. Этот союз является по образному выражению одного французского социалиста, Бибаля, „ребенком, рожденным в мастерских Парижа и отданным на воспитание в Лондон."

Сам Карл Маркс, в письме от 4-го ноября 1864 г. к своему другу Энгельсу, (который жил в то время в Манчестере) так рассказывает об этом событии:

„Несколько времени тому назад лондонские рабочие послали парижским рабочим адрес относительно польских событий и приглашали французов к общему выступлению в защиту польского народа. Парижане, с своей стороны, послали в Лондон свою делегацию, во главе которой был Толен, выставлявший на последних выбо-

рах свою кандидатуру в Парламент,—человек очень порядочный. (Его товарищи также славные ребята). 28-го сентября в Сент-Мартинс-Голле был созван большой митинг по инициативе Оджера (сапожник председатель *Лондонского Совета тред-унионов*, а также и *Общества агитации в пользу всеобщего избирательного права*) и Кремера (каменщик, секретарь трэд-юниона каменщиков). Недавно этими лицами был организован также большой митинг. под председательством Брайта, [1]) в Сент-Джемс-Голле, по поводу американцев, и манифестация в честь Гарибальди. Некто, Ле-Любез, прислал мне приглашение принять участие в созываемом митинге, как представителю немецких рабочих; он просил также меня не могу ли я указать какого нибудь немецкого рабочего, живущего в Лондоне, который мог бы выступить на митинге оратором от Германии и проч. Я указал на Эккариуса, который согласился и хорошо выполнил свою роль, *я сам присутствовал на митинге в качестве безмолвного зрителя* [2]). Я пошел на митинг потому, что знал, что, как со стороны англичан, так и со стороны парижан, будут выступать на этот раз действительные „силы"; поэтому я решил на этот раз изменить своему обычному правилу—отказываться от приглашений подобного рода".

На своем первом заседании временный Исполнительный Комитет, выбранный 28-го сентября, избрал из своей среды комиссию для выработки особой Декларации и проекта устава. Маркс вошел в эту комиссию, как один из членов; другие члены уставной комиссии были Вольф, Ле-Любез, Кремер и Уэстон. Благодаря своему нездоровью Маркс не присутствовал на первых двух заседаниях уставной комиссии, а также и на втором общем заседании Исполнительного Комитета, так что работа комиссии по выработке устава Интернацио-

---

[1]) Джон Брайт—глава радикальной партии.

[2]) Курсив мой Н. Л.

нала совершалась без участия Маркса. На первом заседании уставной комиссии Вольф предложил взять как основу уставы итальянских рабочих обществ (мадзинистов); оуэнист Уэстон, с своей стороны, представил свой проект. На втором своем заседании Исполнительный Комитет, рассмотрев проекты Вольфа и Уэстона, уполномочил уставную комиссию переделать их и внести некоторые изменения. На втором заседании уставной Комиссии (также в отсутствии Маркса) Ле-Любез представил выработанную им Декларацию и переделку проекта устава Вольфа. Эти два документа были приняты комиссией, чтобы представить их на третье общее заседание Исполнительного Комитета, которое должно было состояться 18-го октября.

Маркс в своем письме, из которого мы заимствовали вышеприведенные сведения, рисует последующие факты так:

„Эккариус сообщил мне обо всем этом, указывая на опасность моего отсутствия, и поэтому я пришел на заседание Комитета (18-го октября). Действительно, я пришел в ужас когда Ле-Любез стал читать введение к уставу, полное страшной фразеологии, скверно написанное, и совершенно детское произведение... кроме того, в уставе были всецело сохранены характерные черты итальянских уставов... Я сделал несколько замечаний, ничего не затрагивая по существу; после долгих обсуждений, Эккариус предложил, чтобы уставная комиссия собралась еще раз и вновь пересмотрела бы и „проредактировала“ проекты. Собрание согласилось, высказав, однако, пожелание, чтобы *дух* представленной Ле-Любезом декларации был оставлен.“

Для окончательного редактирования проектов введения к уставу и самого устава Интернационала уставная комиссия собралась 20-го октября на квартире Маркса. По предложению Маркса комиссия занялась постатейным обсуждением устава. В течение всего вечера комиссия успела проредактировать только первую статью устава. Решено было собраться еще раз 27-го октября. Все

проекты введения и устава были оставлены Марксу. Маркс решил сам лично просмотреть их и выработать на основании их свой проект. Вот как он рассказывает об этом в письме к Энгельсу:

„Прочитав все проекты, я увидал, что из всей этой галиматьи нельзя ничего сделать. Чтобы оправдать свое обещание „исправить“ проекты, я решил написать „*Воззвание к рабочим классам*“ (первоначально это не входило в наш план). Это воззвание представляет нечто вроде обзора фактов и действий рабочих с 1845 г. [1]) Затем, под тем предлогом, что все исторические факты указаны в этом „Воззвании“ и что мы не можем говорить три раза об одном и том же, я изменил все Введение к уставу, уничтожил Декларацию, и, наконец, убавил из сорока параграфов устава тридцать, оставив лишь десять статей. Мои предложения были все приняты комиссией; меня заставили лишь добавить в текст Введения к уставу две фразы о правах и обязанностях, и о правде, нравственности и справедливости; однако, я вставил эти фразы таким образом, что они не могут принести большого зла“.

Эти две фразы, которые Маркс вынужден был вставить в Введении были следующие:

Интернационал, и все входящие в него общества и лица, принимают истину, нравственность и справедливость как основу своих отношений к людям... „и“ *...они считают своим долгом требовать для всех равных прав человека и гражданина. Нет прав без обязанностей, и нет обязанностей без прав*“ [2]).

Таким образом, сам Маркс признает, что эти великие слова не принадлежат ему. Точно также и большая часть других фраз во Введении к уставу принадлежат

---

[1]) Это „воззвание“ известно под именем „*Первого манифеста Интернационала*“. На французский язык оно было переведено Шарлем Лонге в 1866 г.

[2]) Полный текст Введения к уставу и самого устава Интернационала см. ниже, в первой главе.

не Марксу, а лишь несколько изменены им в первоначальных проектах. Но благодаря тому, что Введение и устав Интернационала были опубликованы *вместе* с упоминавшемся выше *„Воззванием к рабочим классам“*, написанном Марксом и это воззвание иногда называлось в печати „Первым манифестом Интернационала“ или „Вступительным обращением“, многие историки и были введены в заблуждение, приписав Марксу и само введение или вступление к уставу [1]).

Однако, если мы будем внимательно рассматривать оба эти документа—*„Введение к уставу“* и *„Вступительное обращение“*, написанное Марксом, то мы тотчас же заметим, что эти два документа не могут принадлежать перу одного и того же лица. Дух и тенденции этих двух документов не только различны, но и прямо противоположны друг другу. Так, например, в то время, как во „Введении“ ясно и определенно говорится что *„экономическое“* освобождение рабочих есть та великая цель, к которой должно стремиться рабочее движение, в „Вступительном адресе“ Маркс пишет: *„первый долг рабочего класса состоит в завоевании политической власти,“* то-есть целью рабочего движения ставится уже не экономическое освобождение рабочих, а политическое.

Все время Маркс говорит в своем манифесте о *политике* и заканчивает манифест словами: рабочим следует проникать в тайны международной политики, следить за поведением своих правительств, бороться с ними в случае надобности имеющимися в их руках средствами—и, наконец, если они окажутся бессильными помешать чему либо, то столковаться для выступления с общим протестом во имя законов нравственности и справедливости... бороться за такую иностранную поли-

---

[1]) „Вступительное обращение“ Маркса и Устав с введением были опубликованы в конце 1864 г. в Лондоне под заглавием: Adress and Provisional Rules of the International Working Mens Association.

тику—это значит учавствовать в общей борьбе за освобождение рабочих".

Таким образом, Карл Маркс, остался верен во „вступительном адресе" своей теории что борьба рабочих за их освобождение должна быть борьбой *политической, борьбой за властъ*, тогда как сами рабочие, основатели Интернационала, как английские рабочие, так и французские, думали, что борьба за освобождение трудящихся должна вестись *непосредственно* с капиталом, *на экономической почве.*

Ниже мы увидим, как эти два различных взгляда на социальную борьбу, постепенно обособляясь друг от друга и кристаллизуясь, вошли друг с другом в столкновение, что и послужило одной из причин распаденья самого Интернационала.

Н. К. Лебедев.

Предисловие автора.

Во время моего путешествия по Невшательской и Бернской Юре, предпринятого мною в 1901—904 г. г. с целью повидаться со своими старыми товарищами по Интернационалу и познакомиться с деятелями современного швейцарского рабочего движения, я убедился, что в Швейцарии, бывшей некогда одним из крупных центров деятельтельности Интернационала, в настоящее время история, характер и идеи Интернационала для широкой массы швейцарских рабочих остаются почти неизвестными.

Вот почему после своего путешествия я пришел к заключению, что было бы полезно познакомить рабочую молодежь французской Швейцарии с главными принципами и идеями Интернационала и историей его развития. Вследствие этого я решил переиздать некоторые из моих статей, написанных мною в период 1868—1870 гг. и напечатанных в газетах *„Прогресс“*, издававшейся в Локле, *„Равенство“*, выходившей в Женеве, *„Солидарность“*—в Невшателе и в *„Бюллетене Юрской Федерации Интернационала“*.

Некоторые из моих друзей посоветовали мне прибавить к этим статьям краткие примечания и пояснения, дабы познакомить читателей с теми событиями, по поводу которых писались эти статьи, а также обрисовать и ту среду, в которой возникали и зарождались новые идеи.

Я вполне согласился с этим, но решил, что лучше было бы дать вместо сухих примечаний последовательное и связное изложение событий, свидетелем которых я был, прибавив к этому различные постановления и резолюции конгрессов Интернационала, неизданные

письма наиболее видных деятелей этой ассоциации и т. д.

Таким образом, моя книга должна была стать как бы сборником материалов по истории Интернационала и моих личных воспоминаний, чтобы послужить скромным пособием при изучении этого великого движения, которое ждет еще своего историка.

Приступив к составлению своего сочинения по настоянию друзей, я не скрывал от себя всей трудности принимаемой на себя задачи.

Я стремился быть об'ективным, стараясь, по возможности, не говорить о своих личных переживаниях и симпатиях, упоминая лишь о том, что необходимо для понимания общего характера движения.

Я очень признателен моим друзьям за то, что они помогли мне при составлении моей книги, просматривая и дополняя мои воспоминания. Благодаря в значительной степени их содействию, мне и удалось собрать и об'единить в настоящем сочинении все то, что читатель найдет на его страницах.

Джемс Гильом.

Это сочинение, по мысли автора, должно было иметь заглавие „Материалы и Воспоминания“. — Пособие к изучению истории Интернационала. Но, издатель выпустил его в свет под заглавием; „Интернационал“. — Материалы и воспоминания.

Все настоящее сочинение должно состоять из трех томов. [1]) Первый том посвящен периоду от 1864 до конца 1870 г. (т.-е. от начала основания Интернационала до Парижской Коммуны). Так как автор стремился, главным образом, говорить лишь о том, что он видел лично и в чем сам принимал участие, то поэтому он и уделяет в своей книге главное место описанию событий, происходивших в Швейцарии. О событиях же, имевших место в других странах, упоминается лишь постоль-

[1]) В своем законченном виде „Интернационал“ Гильома составляет четыре тома.

ку, поскольку они отражались на деятельности и развитии швейцарских секций Интернационала.

Второй том настоящего сочинения охватывает период от 1870 до 1873 гг. Он содержит в себе описание раскола в Интернационале, возникновение и падение Парижской Коммуны и говорит о борьбе в среде Интернационала, возникшей между защитниками централизма и авторитаризма с одной стороны, и представителями идей автономии и федерализма с другой. Этот том заканчивается описанием общего конгресса Интернационала в Гааге (в 1872 г.) и торжеством автономистов.

Третий (и четвертый) том содержит историю Интернационала со времени Гаагского Конгресса, при чем автор останавливается, главным образом, на событиях, происходивших в Швейцарии и подробно рассказывает историю знаменитой Юрской Федерации Международного Товарищества Рабочих со дня ее основания в 1873 г. до ее конца в 1878 году.

Интернационал.

Интернационал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

От основания Интернационала до учреждения Романской Федерации.

I.

Основание Интернационала (1864 г.). Начало деятельности интернационалистов в Романской Швейцарии (1865-1866 г)

В мою задачу не входит подробное описание зарождения и развития Международного Товарищества Рабочих (Интернационала), имеющего своими предшественниками с одной стороны „Союз Коммунистов" 1847г ., а с другой —„Рабочую Федерацию", основанную в Париже Дельбруком, Жанной Деруан и Полиной Роланд. Вследствие этого я не буду говорить ни о делегации французских рабочих на всемирную выставку в Лондон в 1862 г., когда были заложены первые основы Интернационала, ни о знаменитом митинге в Сен-Мартинс-Холле в Лондоне 28 сентября 1864 г., на котором был фактически основан Интернационал и был избран временный комитет, ставший во главе новой ассоциации и впоследствии превратившийся в Главный Совет Международного Товарищества Рабочих.

В моей книге читатель не найдет также сведений и о том, как вырабатывались вышеуказанным Комитетом Декларация Интернационала и временный устав, редактирование которого было поручено Карлу Марксу.

Я буду говорить возможно меньше о тех событиях, о которых знаю лишь из разговоров моих друзей и из

печатных источников. Главной моей задачей является лишь описание деятельности Международного Товарищества Рабочих во французской Швейцарии.

В Романской Швейцарии секции Интернационала были основаны в 1865 году. Первым пропагандистом Интернационала в Швейцарии был известный в Швейцарской Юре врач и демократ, Петр Куллери; в 1865 г. он вошел в сношения с Главным Советом Интернационала в Лондоне и положил основание секции Интернационала в Шо-де-Фоне (которая вскоре насчитывала уже около 500 членов).

Под влиянием пропаганды Куллери, в скором времени были основаны секции Интернационала в Бонкуре, Бьенне, Сонвилье, Сент-Имье, Поррентрюи и Невшателе. Секция Интернационала в городе Локле была основана в августе 1866 г. Констаном Мероном и Джемсом Гильомом [1]).

С 1865 г. начали основываться также секции Интернационала в Женеве, Лозанне, Веве и Монтре. Женевская секция была основана под влиянием немецкого социалиста Иоганна Беккера, [2]) который начал издавать с января 1866 г. ежемесячный журнал Vorbote, вскоре сделавшийся органом немецких секций Интернационала.

У большинства членов всех этих секций были вначале довольно смутные представления о задачах и

---

[1]) Мерон был одним из республиканских вождей при восстании 1831 г. в Невшателе. Арестованный в Берне в 1832 г., он был выдан Прусскому правительству и приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена вечной каторгой и Мерон был заключен в одиночную тюрьму, откуда ему удалось бежать в 1831. Джемс Гильом родился в 1844 г. После окончания философского факультета в Цюрихе, он был преподавателем истории и литературы в промышленной школе в Локле. Здесь он и познакомился с Мероном, с которым и основал в Локле секцию Интернационала. Гильом умер в Париже в 1916 году.

[2]) Беккер был одним из вождей баденского восстания 1849 г.

целях Международного Товарищества Рабочих. Во многих местностях в секциях значительное количество было радикальной интеллигенции и нередко секции действовали совместно с радикальной партией. Кроме того, многие честолюбцы смотрели на новую ассоциацию как на средство для быстрого достижения видных общественных мест.

Первый пропагандист Интернационала в Швейцарии врач Куллери в своей газете „Голос Будущего“ защищал довольно смутную программу гуманитарного нео-христианства, призывая всех к братству и об‘единению. Газета Куллери имела обширный круг читателей и пользовалась влиянием не только в Швейцарии, но и во Франции.

Первый общий конгресс Интернационала был назначен, в Брюсселе в 1865 г. Однако, он не мог состояться, вследствие того, что бельгийское правительство издало в это время особый закон против иностранцев с целью закрыть в Бельгию доступ революционным элементам.

Ввиду такого запрещения решено было созвать в Лондоне конференцию, которая и состоялась 25 — 29 сентября 1865 г. Делегатами на этой конференции от Франции были рабочие прудонисты Толэн, Фрибур, Лимузен и Варлен; от Бельгии - Цезарь де-Пап, от Швейцарии,--Дюплекс, от немецких секций--Беккер, от Англии— Оджерс и Кремер. На конференции присутствовали и некоторые эмигранты, жившие в Лондоне, в их числе были Дюпон, Лелюбез, Герман Юнг и Карл Маркс.

Кроме чисто-профессиональных вопросов, интересовавших рабочих делегатов в программу конференции были поставлены вопросы международной политики, как, например, о реакционной роли русского самодержавия в Европе, об угнетении Россией Польши и др. По поводу этих вопросов делегат от Бельгии заметил, что Интернационал не должен оказывать предпочтение только одному польскому вопросу. К нему присоединились и другие делегаты, указывая, что такой же гнет испыты-

вают и многие другие народы, а не только одни поляки.

На конференции было постановлено, что первый общий конгресс Интернационала должен открыться осенью 1866 г. в Женеве.

II.

Первый общий конгрес Интернационала в Женеве (3—8 сентября 1866 г.). Устав Интернационала и введение к нему.

Первый общий конгресс Интернационала открылся 3 сентября 1866 г. в Женеве. На нем были представлены почти все секции Романской Швейцарии.

В это время швейцарские секции не понимали еще значения Международного Товарищества Рабочих и его роли в социальной борьбе. Большинство швейцарских рабочих видели разрешение экономических вопросов в кооперации и в законодательных реформах. Газета, издаваемая Куллери, „Голос Будущего“ вполне верно отражала тогдашние стремления швейцарских рабочих.

На конгресс в Женеву прибыло 60 делегатов от секций и пять делегатов от Главного Совета (Эккариус, Герман Юнг, Кремер, Оджерс и Евгений Дюпон). Большинство делегатов от секций были французы и швейцарцы. В числе французских делегатов на конгрессе присутствовали известные деятели рабочего движения Бенуа Малон, Мюра, Перрашон, Толен, Варлен, Камелина и др. От швейцарских секций на конгресе были делегированы Дюпле, Беккер, Куллери, Виллемье, Джемс Гильом и Швицгебель.

На обсуждение конгресса были поставлены следующие вопросы:

1) Объединение усилий рабочих в их борьбе с капиталом путем организации союзов.

2) Уменьшение длины рабочего дня.

3) Труд женщин и детей в промышленности.

4) Рабочие союзы, их прошлое, настоящее и будущее.

5) Кооперация.

6) Прямые и косвенные налоги.

7) Организация международного кредита.

8) Необходимость уничтожения реакционного влияния России на Европу путем создания на началах самоопределения целого ряда отдельных государств. (Воссоздание Польши на демократических началах).

9) Существование постоянных армий.

10) Религия и ее влияние на социальное, политическое и умственное движение народов.

11) Общества взаимопомощи.

По вопросу о борьбе труда с капиталом конгресс принял резолюцию, в которой говорилось, „что при современном состоянии промышленности необходима взаимная поддержка рабочих в их борьбе за повышение заработной платы“. Указывая, что конечной целью рабочего движения является „уничтожение системы наемного труда“, конгресс рекомендовал серьезное „изучение экономических путей и способов достижения этой цели, основанных на справедливости и взаимности“.

Наиболее важным актом конгресса было окончательное утверждение устава Международного Товарищества Рабочих.

Во время обсуждения устава французскими делегатами рабочими был поднят вопрос о том, кто может быть членом Интернационала? Должны-ли приниматься в среду Интернационала представители умственного труда (интеллигенты), или же только рабочие физического труда? Французские делегаты указывали на опасность допущения в ряды Интернационала представителей буржуазной интеллигенции, говоря, что возможно при этом проникновение в Интернационал разного рода честолюбцев и партийных политиков, которые будут стремиться использовать Интернационал в своих личных целях.

Большинство английских и немецких делегатов были противоположного мнения и резолюция французских делегатов о недопущении в члены Интернационала представителей умственного труда была отвергнута.

Для окончательного редактирования устава из членов конгресса была избрана особая комиссия, в состав которой вошли три француза, три англичанина, два швейцарца и четыре немца.

В основу был положен текст временного устава Интернационала, принятого на митинге в Сен Мартинс-Холле в 1864 г. Устав Интернационала был составлен на трех языках: французском, немецком и английском. К уставу было приложено особое введение, в котором были указаны общие принципы, цель и задачи Международного Товарищества Рабочих.

При голосовании устава французские делегаты голосовали за текст устава, переведенный с английского языка в 1864 г., тогда как делегаты английские голосовали статьи по английскому тексту. Между этими двумя редакциями оказалась некоторая неточность перевода, на которую долгое время никто не обращал внимания. Между тем позднее по поводу этой разницы возникла борьба и взаимное обвинение в „подделке“ устава. В особенности много споров вызвал третий параграф введения к уставу, где, согласно английскому тексту, говорилось, что „экономическое освобождение рабочих есть великая цель рабочего движения, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, *как средство*“. Во французском тексте 1864 г. этот перевод сделан в такой редакции: „экономическое освобождение рабочих есть великая цель (рабочего движения), которой должно быть подчинено всякое политическое движение“. Слов „как средство“ в этой редакции мы не встречаем.

Должен заметить, что никто не придавал этому никакого значения и ни я, ни мои друзья из швейцарских секций, не знали до 1870—71 г.г., что английский текст введения к уставу Интернационала разнился в некоторых пунктам с французским текстом.

Ввиду исторической важности этого знаменитого документа мы здесь приводим как текст устава и введения принятый женевским конгрессом во французской

редакции, так и текст устава и введения по-английски, редактированный комиссией Главного Лондонского Совета Интернационала в 1864 г.

Английский текст „Provisional Rules“ 1864.

Considering:
Принимая во внимание:

That the emancipation of the working classes must be
Что освобождение рабочего класса должно
conquered by the working classes, themselves; that the struggle
быть делом самого рабочего класса, что борьба
for the emancipation of the working classes means not
за освобождение рабочих ни в коем случае
a struggle for class privileges and monopolies,
не должна быть борьбою за классовые привилегии
but for equal rigth and duties,
и монополии, но за установление равных для всех прав
and the abolition of all class
и обязанностей и за уничтожение всякого классового
rule.
господства,

That the economical subjection of the man of labour
Что экономическое подчинение трудящихся облада-
to the monopolizer of the means of labour, that is the
телям орудий труда, то есть
sources of life, lies at the bottom of servitude in all
всех источников жизни, является причиной рабства во всех
its forms, of all social misery, mental degradation and
его видах, социальной нищеты, умственного вырождения и
political dependence;
политической зависимости;

That the economical emancipation of the working
Что экономическое освобождение рабочего
classes is therefore the great end to which every politi-
класса есть следовательно великая цель, которой всякое по-
cal movement ought to be subordinate as a means;
литическое движение должно быть подчинено как средство;

That all efforts aiming at the great end
Что все усилия к достижению этой великой цели
have hitherto failed from the want
до сего времени оставались безуспешными за недостатком
of solidarity between the manifold divisions of labour
солидарности между рабочими различных профессий
in each country, and from the absence of a fraternal
в каждой стране и вследствие отсутствия братского
bond of union between the working classes of diffe-
единения и союза между трудящимися классами различ-
rent countries;
ных стран;

That the emancipation of labour is neither a local
Что освобождение труда не является местной
nor a national, but a social problem, em-
или национальной задачей, но социальной проблемой, охва-
bracing all countries in which modern society
тывающей все страны, в которых существует современ-
exists, and depending for its solution on the con-
ный строй, и разрешение этого вопроса зависит от прак-
currence, practical and theoretical of the most advanced
тического и теоретического содействия наиболее передо-
countries;
вых стран;

That the present revival of the working classes in
Что настоящее возрождение рабочего класса в наи-
the most industrious countries of Europe, while it raises
более промышленных странах Европы, вызывая новые
a new hope, gives solemn warning against a relapse
надежды, торжественно предостерегает от впадения в
into the old errors and calls for the immediate com-
старые ошибки и призывает к немедленному об'единению
bination of the still disconnected movements.
всех пока еще разрозненных движений.

For these reasons:
Вследствие этого:

The undersigned members of the
Ниже подписавшиеся члены

Committee holding its powers by resolution of the public
Комитета, избранного по постановлению публичного
meeting held on September 28, 1864 at Saint
митинга, состоявшегося 28-го Сентября 1864 в Сент
Martin's Hall, London, have taken the steps necessary
Мартинс Холле, в Лондоне приняли необходимыя
for founding the International Working
меры чтобы основать Международную
Men's Association.
Рабочую Ассоциацию.

They declare that this International Association
Они заявляют, что эта Международная Ассоциация
and all societies and individuals adhering to it
и все общества и лица, входящие в ея
will acknowledge truth justice and morality
состав признают истину, справедливость и вравственность,
the basis of their conduct towards each other,
как основу своего поведеения по отношению друг к другу
and towaras all men, without regard to colour,
и ко всем людям без различия расы,
creed or nationality;
верования или национальности.

They hold it the duty of a man to claim
Они считают своим долгом требовать
the rights of a man and a citizen not only
прав человека и гражданина не только
for himself but for every man who does his
для себя но для всех лиц выполняющих свой
duty. No rights without duties, no
долг. Нет прав без обязанностей, нет
duties without rights.
обязанностей без прав.

And in this spirit they have drawn up the
И в этом духе они составили
following provisional rules of the International
следующий временный устав Международной
Association.
Ассоциации.

Далее следовал устав Интернационала, который мы помещаем ниже, после французского текста введения к уставу.

Французский текст введения к уставу Интернационала 1864 года, принятый на Женевском конгрессе.

Considèrant:
Принимая во внимание,

Que l'émancipation des travailleurs doit être l'oeuvre
Что освобождение трудящихся должно быть
des travailleurs eux-mêmes;
делом самих трудящихся;

Que les efforts des travailleurs pour conquèrir leur
Что в борьбе за свое освобождение трудящиеся не
émancipation ne doivent pas tendre à constituer de nouveaux
должны стремиться к установлению новых
veaux privilèges, mais à établir pour tous les mêmes droits
привилегий,но к завоеванию для всех равных прав
et les mêmes devoirs.
и обязанностей.

Que l'assujetissement du travailleur au capital est
Что порабощение трудящихся капиталу является
la source de toute servitude, politique, morale
источником всякого рабства--политического, духовного
et matèrielle;
и материального;

Que pour cette raison, l'émancipation économique
Что, вследствие этого, экономическое освобождение
des travailleurs est le grand but auquel doit être
трудящихся есть та великая цель, которой должно быть
subordonné tout mouvement politique;
подчинено всякое движение политическое;

Que tous les efforts faits jusqu'ici ont échoué
Что все усилия сделанные до сих пор оставались
faute de solidarité entre les ouvriers des diverses
безуспешными за недостатком солидарности между ра-
professions dans chaque pays et d'une union
бочими различных профессий в каждой стране и вслед-

fraternelle entre les travailleurs des diverses
ствие отсутствия братского союза между трудящимися
contrées;
разных стран;

Que l'émancipation des travailleurs n'est pas un
Что освобождение трудящихся не является вопросом
problème simplement local ou national, qu'au contraire ce
местным или национальным, но наоборот эта проблема
problème intèresse toutes les nations civilisées, sa solu-
касается всех цивилизованных наций и ее разрешение
tion étant necessairement subordonnée à leur concours
необходимо зависит от их теоретического и практического
théorique et pratique;
содействия;

Que le mouvement qui s'accomplit parmi les ouv-
Что движение, которое происходит теперь среди ра-
riers des pays les plus industrieux de l'Europe, en faisant
бочих наиболее промышленных стран Европы, порождая
naître de nouvelles espèrances, donne un solennel avertis-
новые надежды, в то же время торжественно предосте-
sement de ne pas retomber dans les vieilles erreurs, et
регает не впадать в старые ошибки и советует об'еди-
conseille de combiner tous les efforts encore isolés.
нить все усилия пока еще разрозненные.

„Вседствие этого:

„Общий конгресс Международного Товарищества Рабочих, состоявшийся в Женеве 8 сентября 1866 г., заявляет, что Международное Товарищество Рабочих и все входящие в него общества и лица признают как основу своих отношений к людям, независимо от расы, вероисповедания и национальности,—истину, нравственность и справедливость.

„Конгресс считает своим долгом требовать прав человека и гражданина не только для членов Товарищества, но и для каждаго человека, выполняющего свои обязанности. „Нет обязанностей без прав и нет прав без обязанностей“.

Устав Интернационала был принят конгрессом в следующем виде:

Статья первая. Настоящее товарищество основано с целью создать центральный пункт для сношений и совместного действия между рабочими различных стран, стремящихся к одной и той же цели: к взаимной поддержке, прогрессу и полному освобождению рабочего класа.

Статья вторая. Настоящее общество принимает название: Международное Товарищество Рабочих.

Статья третья. Главный Совет Товарищества образуется из рабочих представителей разных национальностей, входящих в состав Международного Товарищества Рабочих. Главный Совет избирает из своей среды членов президиума, т. е. председателя, главного секретаря, казначея и секретаря для отдельных стран.

Общий конгресс товарищества определяет ежегодно местопребывание Главного Совета, избирает его членов и назначает место и время для следующего конгресса... Делегаты конгреса собираются в определенный конгрессом срок, не дожидаясь особых приглашений. В случае невозможности созвать конгресс в назначенном предыдущем конгрессом месте, Главный Совет имеет право изменить место заседания конгреса, но отнюдь не время его созыва.

Статья четвертая. Главный Совет должен представлять на каждый годичный конгресс Товарищества подробный отчет о своих работах за истекший год. В случае крайней необходимости он может созвать общий конгресс ранее назначенного срока.

Статья пятая. Главный Совет Товарищества устанавливает связь между отдельными секциями и союзами рабочих для того, чтобы рабочие каждой страны были постоянно осведомлены о движении рабочих в других странах, дабы они смогли предпринять одновременно в

одном и том же духе [1]) исследование о социальном положении рабочего класса в своей стране.

Для облегчения своих сношений с различными секциями товарищества Главный Совет издает периодический бюллетень.

Статья шестая. Ввиду того, что успех рабочего движения может быть обеспечен в каждой стране только путем об'единения и организации рабочих, и, что, с другой стороны, полезность Главного Совета зависит от его более или менее тесной связи с рабочими обществами, национальными и местными, то члены М. Т. Р. всеми своими силами должны стремиться, каждый в своей стране, к об'единению существующих в ней различных рабочих обществ в один национальный союз.

Само собою разумеется, что применение этой статьи устава будет зависеть от существующих в каждой стране законов, но каждое местное общество обязано входить в непосредственные сношения с Главным Советом, если к этому нет препятствий со стороны местных законов.

Статья седьмая. Каждый член М. Т. Р. при переезде на жительство в другую страну имеет право на братскую поддержку со стороны местных членов товарищества; ему даются все сведения, относящиеся к его профессии в той местности, куда он направляется и ему оказывается кредит, на условиях, определенных уставом его секции и под гарантией последней.

Статья восьмая. Каждый, кто принимает и разделяет принципы М. Т. Р. может стать его членом, но лишь с поручительством принимающей его секции.

---

[1]) В английском тексте сказано under a common direction (под общим руководством) Главного Совета, а во французской редакции мы читаем dans un même esprit (в одном и том же духе). Здесь мы видим характерное различие между централистической тенденцией стремящейся *управлять* движением, и федералистической автономной.

Статья девятая. Каждая секция имеет право избирать своих членов корреспондентов в Главный Совет Товарищества.

Статья десятая. Рабочие секции, составляющие Международное Товарищество Рабочих, хотя и об'единены друг с другом братскими узами солидарности и взаимной поддержки, сохраняют тем не менее свойственные им виды организации.

Статья одиннадцатая. Все, что не предусмотрено настоящим уставом, будет дополнено особыми постановлениями, подлежащими пересмотру на каждом годичном общем конгрессе товарищества.

В дополнение к этому уставу на Женевском конгрессе были выработаны и приняты следующие:

ОСОБЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ.

1. Главный Совет обязан выполнять постановления конгрессов.

Для этого он собирает и хранит все документы и материалы присылаемые ему центральными секциями.

Главному Совету поручается организация и созыв общего конгресса и в его задачу входит ознакомление с программой предстоящего конгресса всех секций, составляющих М. Т. Р.

2. Главный Совет должен издавать столько раз и так часто как ему позволяют денежные средства печатный бюллетень, где должно печататься все, что касается Межд. Товар. Рабочих, и что может интересовать его членов.

3. Этот бюллетень, издаваемый на различных языках, должен рассылаться бесплатно всем центральным секциям товарищества, которые, в свою очередь, должны разослать по одному экземпляру каждой своей подсекции.

4. Чтобы облегчить Главному Совету выполнение этих обязанностей, каждый член товарищества и все входящие в состав товарищества общества обязаны вносить в кассу товарищества (в виде исключения за 1866 г. по 30 сантимов) с каждого члена. Суммы, полученные от этих взносов, должны расходоваться на жалование главному секретарю, на рассылку корреспонденции, на издание бюллетеня, на подготовительные работы по созыву конгрессов и т. п.

5. Всюду, где позволят обстоятельства должны быть учреждены национальные комитеты, об'единяющие секции одной и той же нации.

6. Издержки по управлению и содержанию этих комитетов должны ложиться на составляющие этот комитет отдельные секции.

7. Центральные комитеты национальных секций, так же как и Главный Совет обязаны оказывать кредит членам товарищества лишь в том случае, когда их членские книжки будут визированы секретарем той секции, членом которой состоит данное лицо.

8. Центральный Комитет Национальной Секции, а также и отдельные секции, обязаны знакомить каждого члена товарищества с бюллетенями Главного Совета.

9. Каждая секция, не взирая на число своих членов, имеет право посылать своего делегата на общий конгресс товарищества. Если секция не в состоянии послать делегата на конгресс, то она может об'единиться для этого с другими подобными секциями и послать одного общего делегата от всех секций.

10. Делегаты получают от делегирующих их секций суточное содержание за дни проведенные ими на поездку на конгресс.

11. Каждый член М. Т. Р. имеет право избирать делегатов и быть избираемым.

12. Каждая секция или группы об'единенных секций, насчитывающие более 500 членов имеют право посылать еще по одному делегату от каждых 500 членов.

13. Каждый делегат пользуется правом одного го-

лоса на конгрессе безразлично представляет-ли он одну или несколько секций.

14. Каждая секция может составлять свои уставы и постановления, сообразуясь с местными условиями и национальными законами и с тем, чтобы эти уставы и постановления не противоречили общему уставу М. Т. Р.

15 Уставы и настоящие постановления могут быть пересматриваемы и изменяемы каждым Общим Конгрессом по требованию двух третей присутствующих на конгрессе членов.

Женевский конгресс, избрав членов Главного Совета, назначил местом пребывания Главного Совета Товарищества Лондон Местом следующего общего конгресса в 1867 г. был избран город Лозанна в Швейцарии.

В заключение ко всему сказанному следует прибавить, что конгресс получил много приветственных писем из разных стран, как от отдельных лиц, так и от рабочих групп и союзов. В числе этих писем одно было, между прочим, от Людвига Бюхнера, знаменитого автора книги *„Материя и Сила“;* в этом письме Бюхнер, приветствуя конгресс, говорит, что „вопросы труда имеют для будущности человечества более важное значение, чем все другие проблемы“.

Интересно отметить, что Карл Маркс, которого большинство социал-демократов признает основателем Интернационала, не счел нужным сам присутствовать *на первом* конгрессе Товарищества, и даже не прислал приветствия конгрессу. Между тем он не мог не интересоваться тем, как пойдут дела на конгрессе и какие решения будут приняты делегатами.

В одном из своих писем к своему другу Кугельману Маркс писал: „я не мог и *не хотел* присутствовать на конгрессе, но сам составил программу для лондонских делегатов. Я намеренно ограничил ее только теми пунктами, которые не могут вызвать разногласия и допускают соглашение между рабочими, поощряя, таким

образом, потребность классовой борьбы и организации рабочих как класса. У господ парижан головы набиты самыми пустыми прудоновскими фразами; они болтают о науке, а сами ничего ни знают. Они отвергают всякую революционную борьбу, т. е. тактику, вытекающую из самой классовой борьбы, и всякое концентрированное социальное движение, осуществимое *политическими* средствами (напр. *законодательное* сокращение длины рабочего дня).

„Под предлогом свободы и антигосударственности или непризнающего власти индивидуализма, эти господа, спокойно выносившие в течение шестнадцати лет самый свирепый деспотизм, в действительности проповедуют самый буржуазный строй, только идеализированный по прудоновскому образцу! Прудон принес страшно много зла. Его кажущаяся критика и мнимая ненависть к утопистам (тогда как он сам является ярким мелкобуржуазным утопистом) соблазнили и подкупили вначале „блестящую молодежь" студентов, а затем и рабочих, в особенности, парижских, которые, как рабочие, изготовляющие предметы роскоши, крепко держатся, сами того не сознавая, за старый буржуазный мир. Невежественные, тщеславные, заносчивые, болтливые, пустые и самонадеянные,—они чуть было не испортили все, явившись на конгресс в таком количестве, которое совершенно не соответствовало числу членов их секций [1]).

---

[1]) Среди „невежественных, тщеславных, заносчивых ботливых и самонадеянных" французских делегатов, как выражается Маркс, на женевском конгрессе были, между прочим, такие выдающиеся личности французского рабочего движения, как *Варлен,* деятельный член Парижской Коммуны, расстрелянный версальцами, *Бенуа Малон,* также член Парижской Коммуны и автор известного пятитомного сочинения „История Социализма". Кроме них было еще несколько человек, принимавших также участие в Коммуне 1871 г. и пожертвовавших жизнью ради идей социализма. Таково было большинство „болтунов" на женевском конгрессе, являвшихся истинными инициаторами и основателями Интернационала.

Прим. ред.

III.

Стачка парижских рабочих металлистов.—Секция Интернационала в Локле и ее протест против войны.

Вскоре после Женевского конгресса в Париже произошло одно из первых крупных забастовочных движений: стачка рабочих металлистов. Парижские стачечники металлисты обратились с призывом о помощи к английским тред-юнионам. Для этого в Лондон была послана специально особая делегация, в состав которой вошли видные деятели парижской секции:—Камелина, Толен и Фрибур. Английские рабочие собрали для парижских металлистов значительную сумму денег и обещали дальнейшую поддержку. Узнав об этом факте парижские предприниматели пошли на уступки и стачка окончилась победой рабочих.

Но, в то время как международная рабочая солидарность в первый раз получила такое практическое проявление, правители Европы готовились к европейской войне. Возник так называемый „люксембургский вопрос“, т.-е. вопрос о захвате Люксембурга. Претендентами на Люксембург явилась Франция и Пруссия; между этими двумя странами готова была разразиться война.

Немецкими рабочими, членами Интернационала, был послан в Париж французским рабочим адрес с выражением братских чувств; в ответ на него французские рабочие, в свою очередь, послали свой адрес, в котором также выражали свою готовность поддержать „всемирную солидарность и нерасторжимый союз рабочих“.

Секция Интернационала в Локле, где работал Джемс Гильом, также напечатала в местной газете следующий призыв к рабочим всей Европы по поводу войны [1].

---

[1] Призыв этот был написан Д. Гильомом.

Прим. ред.

К РАБОЧИМ ВСЕЙ ЕВРОПЫ.

В тот момент, когда правители готовятся подвергнуть Европу всем ужасам войны, секция Межд. Тов. Рабочих в Локле спешит присоединить и свой голос к протесту рабочих Парижа и Берлина и призывает секции Швейцарии примкнуть также к этому, чтобы заклеймить позором тех, кто хочет вызвать братоубийственную бойню, исход который, каков бы он ни был, будет гибелен для труда и свободы.

Тщетно лицемеры хотят оправдать убийство тысяч людей, называя национальной войной эту безумную борьбу между Германией и Францией...

В ожидании дня, когда М. Т. Р. об'единит всех гуманно-настроенных и наиболее прогрессивных людей в один мощный союз, который будет достаточно сильным, чтобы сказать Европе: „Довольно войн! Долой войну, потому что мы не хотим больше пролития человеческой крови!“ в ожидании прихода того момента, когда наши братья поймут задачи и цели нашего Товарищества, и войдут в наши ряды, мы против пролития крови.

Секция Межд. Тов. Рабочих, в городе Локле.

28 апреля 1867 г.

IV.

Второй общий конгресс Интернационала в Лозанне (2—7 сентября 1867).

Второй конгресс Интернационала состоялся с 2-го по 7-ое сентября 1867 года в Лозанне. Через несколько дней после его закрытия предстояло открытие конгресса Международной Лиги Мира и Свободы, на котором должны были выступить со своими речами виднейшие деятели европейского демократического движения, в том числе, Гарибальди, Эдгар Кинэ и Бакунин.

Международное Товарищество Рабочих получило

приглашение принять участие на конгрессе Лиги Мира и Свободы. В качестве делегатов на этот конгресс были избраны Толэн, Цезарь де-Пап и Джемс Гильом.

На Лозаннском конгрессе Интернационала присутствовало 71 делегат. Из них от Франции было 20 делегатов (в числе которых находились Толэн, Мюра, Фрибур, Обри, Шарль Лонге), от Германии 6 делегатов (в их числе были преданный друг Маркса, доктор Кугельман, и Людвиг Бюхнер), от Англии делегатами были Оджер и Уольтон, от Бельгии—Цезарь де-Пап; от Швейцарии—восемь делегатов из Женевы, восемь из Лозанны и семь из других частей Швейцарии, в том числе Карл Беркли из Цюриха, доктор Куллери из Шо-де-Фона и Джемс Гильом из Локля.

Главный Совет послал своими делегатами на конгресс Дюпона, Эккариуса, Лесснера и Картера [1]).

Заслушав доклад Главного Совета и доклады национальных секций, конгресс перешел к обсуждению следующих вопросов:

1) *Каковы те практические меры, благодаря которым М. Т. Р. могло бы сделаться центром об'единенного действия для рабочих в их освободительной борьбе против капитала?*

По этому вопросу конгресс постановил вменить в обязанность Главному Совету рассылать центральным Комитетам национальных секций свои отчеты за каждые три месяца и установил годовой членский взнос в кассу Главного Совета в размере 10 сантимов.

2) *Каким образом рабочий класс может использовать в целях своего освобождения те сбережения, которые он вносит в буржуазные и правительственные финансовые учреждения.*

Докладчик по этому вопросу Шарль Лонге предлагал

---

[1]) Карл Маркс и на этот раз „не захотел“ лично выступить на конгрессе. *Прим. ред.*

мютюэллистскую организацию кредита и учреждение национальных рабочих банков, которые оказывали бы рабочим бесплатный кредит. Эккариус, выступивший по этому вопросу, предлагал, чтобы ремесленные рабочие артели и союзы, вместо того, чтобы помещать свои капиталы в буржуазные банки и правительственные сберегательные кассы, употребляли бы их на организацию производственных товариществ.

3) Не приведут - ли усилия рабочих ассоциаций для освобождения четвертого сословия (пролетариата) к созданию нового пятого сословия, положение которого при социализме будет еще более ужасным, чем положение пролетариата при капитализме? Взаимопомощь как основа социальных отношений. Равноценность функций. Солидарность. Рабочие общества.

По этому вопросу конгресс высказался в том смысле, что для того, чтобы избежать опасности образования нового эксплоатируемого пятого сословия, рабочие союзы должны проникнуться идеями взаимопомощи и солидарности. Необходимо, чтобы борющийся пролетариат проникся мыслью, что социальный переворот должен внести в общество справедливость, а не создание новых привилегий для одной части общества.

4) Труд и Капитал.—Безработица.—Машины.—Уменьшение длины рабочего дня.—Разделение труда. — Преобразование и уничтожение системы наемного труда.

По этому вопросу конгресс вынес ту же резолюцию что и на Женевском конгрессе 1866 г.

5) Социальные функции. — Обязанности мужчины и женщины в обществе. — Воспитание детей.—Интегральное воспитание—Свобода преподавания. — Фонография. — Научное профессиональное преподавание.—Организация школы-мастерской.

По всем этим вопросам конгрессом были заслушаны

доклады и по вопросу о воспитании была вынесена резолюция, где говорилось, что в области преподавания и воспитания должна быть допущена полная свобода. Вмешательство государства допустимо лишь в том случае, если отец ребенка не имеет средств для воспитания своих детей.

Конгресс высказал также пожелание о необходимости введения единого всемирного языка, который способствовал бы сближению и об'единению народов между собою.

6) Назначение и роль государства. -Общественные службы, — средства транспорта и сообщения. Государство, как судья и охранитель договоров.—Право наказания.

По этому вопросу конгресс вынес следующие постановления: 1) государство, как таковое, должно быть лишь простым исполнителем законов, принятых большинством граждан при помощи всеобщего голосования; 2) все нации должны стремиться к передаче в руки государства всех средств транспорта и сообщения, для того, чтобы уничтожить в этой области народного хозяйства частную эксплоатацию.

7. Не является-ли отсутствие политических свобод препятствием к социальному освобождению рабочих и если—да, то каковы могут быть те средства, с помощью которых можно ускорить завоевание политической свободы.

После обсуждения этого вопроса конгресс принял следующую резолюцию: „принимая во внимание, что отсутствие политической свободы в стране является препятствием для социального воспитания народа и освобождения пролетариата, конгресс заявляет: 1) что социальное освобождение трудящихся неотделимо от их политического освобождения, 2) и что установление политической свободы является первой и безусловной необходимостью для каждой нации.

Решив принять участие на конгрессе Лиги Мира и Свободы и избрав для присутствия на конгрессе трех

делегатов, конгресс Интернационала принял по этому поводу следующую резолюцию:

„Конгресс Международного Товарищества Рабочих, собравшийся в Лозанне,

„Принимая во внимание,

„Что война ложится тяжелым бременем главным образом на рабочий класс, что она не только лишает его средств к существованию, но и заставляет рабочих проливать свою кровь;

„Что вооруженный мир парализует производительные силы страны, заставляет производить бесполезные предметы;

„Что *мир*, основное условие общего благосостояния, в свою очередь, должен быть упрочен новым порядком вещей, свободным от деления общества на два класса, из которых один эксплоатируется другим,—

„постановляет всецело присоединиться к Конгрессу Лиги Мира и Свободы, который соберется 9-го сентября в Женеве, энергично его поддержать и принять участие в проведении всех тех мер, которые он предпримет для того, чтобы осуществить отмену постоянных армий и сохранение мира, в целях скорейшего освобождения рабочего класса и избавления его от власти и влияния капитала, равно как в целях образования союза свободных государств во всей Европе“.

На последнем своем заседании конгресс утвердил прежних членов Главного Совета, предоставив Совету право кооптации новых членов. Местопребывание Совета было также оставлено в Лондоне. Следующий конгресс Интернационала постановлено было созвать в Брюсселе осенью 1868 года [1]).

---

[1]) Как мы уже упоминали выше К. Маркс не присутствовал сам лично на Лозаннском конгрессе, но он тщательно следил за его работами и стремился через своих друзей проводить свою политику в Интернационале. Видя, однако, что на конгрессах его взгляды все еще не разделяются большинством, Маркс глубоко возмущался этим и в своем письме по поводу Лозаннсаого конгресса к Энгельсу он писал:

V.

Первый конгресс Лиги Мира и Свободы в Женеве (9—12 сентября 1867).

Конгресс Лиги Мира и Свободы открылся 9 сентября 1867 в Женеве в Избирательном Дворце в присутствии шеститысячной толпы, заполнившей весь дворец.

После вступительной речи председателя конгресса Жюля Барни, профессора Женевского университета, и после речи Эмиля Акколя, председателя Парижского Комитета Лиги и инициатора организации Лиги, были прочитаны представителями рабочих союзов заявления о своих сочувствиях и симпатиях к Лиге. Делегат от Интернационала Джемс Гильом прочитал по-французски приведенную выше резолюцию Лозаннского конгресса Интернационала, а доктор Людвиг Бюхнер прочитал эту резолюцию по-немецки. В этот момент раскол между буржуазной демократией, большинство которой составляли члены Лиги и пролетариатом еще далеко не назрел и поэтому резолюция Интернационала не только не возбу-

---

„На следующий конгресс в Брюсселе я отправлюсь лично, чтобы прикончить этих ослов-прудонистов. Я все это устроил очень дипломатично. Я не хотел являться лично, прежде чем выйдет в свет моя книга („Капитал") и пока не окрепнет Товарищество. Впрочем, несмотря на все свои усилия, болтуны-парижане не могли помешать нашему вторичному избранию... Дела идут так, что к моменту будущей революции, которая, быть может, ближе, чем сейчас кажется, —эта мощная машина (Интернационал) будет в наших (т. е. в твоих и моих) руках. Сравни с результатами, достигнутыми Мадзини за тридцать лет! И при том, без денежных рессурсов! И несмотря на все интриги прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, этих завистников - Оджера, Кремера и Поттера в Лондоне, несмотря на Шульце-Делича и Лассальянцев в Германии! Положительно, мы можем испытывать удовлетворение". Письмо к Энгельсу от 11 сентября 1867 г. (Briefwechsel III 406—407).

Примечание редактора.

дила враждебного к себе отношения, но даже вызвала бурные аплодисменты.

Но, во время последующих заседаний конгресса в речах буржуазных представителей Лиги и в речах рабочих делегатов уже ясно наметились две различных точки зрения на вещи, что и привело позднее к расколу в среде Лиги Мира и Свободы.

На первом же заседании конгресса выступил с большой речью знаменитый борец за об‘единение Италии Джузеппе Гарибальди.

Основными тезисами речи Гарибальди были следующие:

1) Все народы братья.

2) Война между ними противоестественна.

3) Раздоры и споры, которые могут возникнуть между нациями должны быть разбираемы особым конгрессом.

4) Члены этого конгресса должны избираться демократическими организациями каждого народа.

5) Каждая нация имеет право голоса на конгрессе какова бы ни была ее численность.

6) Папство, как самая вредная религиозная секта подлежит уничтожению.

7) Религия единого Бога признается всеми участниками конгресса. (Это заявление Гарибальди было встречено молчанием и Гарибальди поспешил прибавить, что под религией он понимает религию истины и разума).

На одном из последующих заседаний выступил с речью делегат Интернационала, член Главного Совета, Евгений Дюпон. Подчеркивая в своей речи, что рабочие сильнее всех желают наступления эпохи мира, так как они больше всех страдают от войн, Дюпон резко критиковал предложение Гарибальди о необходимости создания новой гуманитарной религии, как средства против развития военщины. „Не создавать новые религии мы должны, а разрушать все существующие, так как все религии, как и деспотизм, имеют свои постоянные армии—священников и жрецов. Разве эти армии, спра-

шивал Дюпон, не нанесли человечеству более глубоких ран, чем те, которые оно получило на полях битв? Не разрушайте казармы для того, чтобы на их развалинах построить церкви"...

Обращаясь затем к защитникам идеи народной милиции, Дюпон спрашивал: „думаете-ли вы, что заменив постоянные армии национальной милицией, мы достигнем мира? Нет, граждане, это ошибка, и революция 1848 г. красноречиво подтверждает это. Чтобы установить постоянный мир необходимо уничтожить законы, которые позволяют эксплоатировать труд одного человека другим, необходимо уничтожить все привилегии и сделать из всех граждан класс трудящихся. Одним словом признать необходимость социальной революции со всеми ее последствиями"...

Присутствовавший на конгрессе Бакунин выступил в одном из заседаний конгресса с речью на общеполитические вопросы, указав на реакционную роль русского правительства и на необходимость вследствие этого водворить на место самодержавия в России новый политический строй, основанный на свободе и федерализме.

Принципы свободы и федерализма, по мнению Бакунина, должны лечь и в основу организации всех европейских государств, если народы Европы желают жить в мире между собою. „Если мы в самом деле желаем мира между нациями, говорил Бакунин, то мы должны желать международной справедливости. Каждый из нас должен возвыситься над узким, мелким патриотизмом, для которого своя страна — центр мира. Мы должны раз навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретенный в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления свободы. Национальность не принцип, это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собою, жить по своей собственной природе. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

„Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней. Программа наших комитетов приглашает нас обсудить основания организации Соединенных Штатов Европы. Но возможна-ли эта организация с ныне существующими государствами? Вообразите себе федерацию, где Франция стоит на ряду с великим герцогством Баденским, Россия на ряду с Молдо-Валахией. Вообще, вообразима-ли федерация централизованных бюрократических и военных государств, какие покрывают всю Европу, исключая Швейцарии?

„Всякое централизованное государство, каким бы либеральным оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплоататор народных и рабочих масс в пользу привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооруженной силы подталкивает его к войне. Отсюда я делаю заключение что международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община, имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

„Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют современные централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах их могли развиться свободные группировки, организованные снизу вверх, свободные федерации общин в область, областей в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы“.

Выше мы упомянули уже, что в эпоху 1867 г. раскол между радикально-либеральным демократизмом и рабочим социализмом еще не проявлялся резким образом, хотя уже в это время и появились некоторые признаки недовольства буржуазных демократов линией поведения рабочих интернационалистов. На конгрессе Лиги Мира и Свободы в особенности это обнаружилось после речи делегата от Международного Товарищества Рабочих Цезаря де-Папа.

В своей речи Цезарь де-Пап подчеркнул всю разницу между либеральным демократизмом и пролетарским социализмом: „Мы тоже республиканцы и федералисты, как и Вы, говорил он, но мы хотим не фиктивной республики, не призрачной Федерации. Мы стремимся создать действительную республику, воплотив ее в экономической жизни, которая является основой всей социальной жизни. Мы боремся не только против наследственного монарха или короля, но мы стремимся к уничтожению и монарха-капиталиста, мы стремимся к уничтожению власти банкиров, финансовых компаний, которые деспотически и неограниченно управляют в области финансов. Мы стремимся уничтожить и монарха-помещика, который является полновластным господином над землей, а вследствие этого и над людьми, обрабатывающими эту землю.

„Мы хотим федерализма не только в политике, но и в социальной экономии... ибо в республиках даже демократических не царит-ли так же капитал, как и в монархии?

„Политический федерализм проведенный до конца, предполагает неизбежно экономический федерализм, а экономический федерализм обозначает взаимопомощь, обмен услуг и продуктов“...

Впечатление, произведенное речью Цезаря де-Папа на большинство участников конгресса, было не особенно благоприятное, но открытого столкновения эта речь все-таки не вызвала и один из представителей республиканской партии Густав Шодэ предложил даже принять

резолюцию, в которой между прочим говорилось, что „рабочие должны помочь буржуазии завоевать политическую свободу, взамен чего буржуазия окажет свое содействие экономическому освобождению пролетариата“ [1]).

VI.

Первое сближение между секциями Романской Швейцарии—Политическая борьба в Невшательской Юре.

Провозглашая ясно и определенно целью своей деятельности установление социализма, Швейцарские интернационалисты первое время в период 1866—68 г.г. не были ярыми врагами радикальных буржуазных партий и поэтому в некоторых кантонах стремились войти в соглашение с радикалами для совместной борьбы за социальные реформы.

Однако, буржуазные радикалы сразу почувствовали в интернационалистах своих политических противников и старались очернить их в глазах населения, распуская слухи, что интернационалисты находятся в тайном союзе с консерваторами и монархистами.

Поводом для распространения таких слухов послужил тот факт, что доктор Куллери, апостол Интернационала в Романской Швейцарии, близкий по своим убеждениям к либералам, выступил с идеей блока с бывшими невшательскими монархистами, чтобы при их содействии провести в правительство кандидатов партии социальной демократии. С этою целью он начал издавать газету „Гора“, где и пропагандировал идею сближения с буржуазными партиями.

Этот факт вызвал сильное возмущение против Куллери со стороны его друзей и членов секций. Секция Локля прервала с Куллери всякие сношения, часть рабочих интернационалистов в Шо-де-Фоне также отложилась от Куллери.

---

[1]) Fribourg. L'Association internationale des travailleurs. Paris. 1871. стр. 116.

VII.

Стачка строительных рабочих в Женеве (март—апрель 1868 г.).—Интернационал в Париже.—Судебный процесс парижских интернационалистов.

Весною 1868 г. в Женеве вспыхнула стачка строительных рабочих. Эта стачка в значительной степени способствовала росту Интернационала в Швейцарии и вызвала к нему интерес в широких кругах рабочих. В марте 1868 г. строительные рабочие Женевы пред'явили предпринимателям требование о повышении заработной платы на 20% и сокращении рабочего дня с 12 до 10 часов. Предприниматели отказались вступить с рабочими в переговоры и рабочие забастовали. Женевский Комитет Интернационала предложил предпринимателям быть посредником в возникшем конфликте, но предприниматели не захотели иметь дело с „посторонней“ для них организацией. Тогда Интернациональный Комитет расклеил на стенах Женевы воззвание ко всем рабочим, прося их поддержать строительных рабочих в их борьбе с хозяевами. Комитетом был устроен большой митинг, на котором присутствовало более пяти тысяч человек. На призыв Интернационала откликнулись многие рабочие женевских часовых фабрик; в то же время Комитет Интернационала послал сообщение о происходящем в Лондон, Париж, Лион и Брюссель. Вскоре оттуда была прислана денежная помощь.

Предприниматели, узнав, что стачку поддерживает Интернационал, об'единяющий рабочих всех стран, пошли на уступки и согласились сократить длину рабочего дня на 2 часа, увеличив в то же время заработную плату на 10%. Известие об этой победе Интернационала вскоре облетело всю Европу, вызывая страх в лагере буржуазии.

Буржуазия и правительство стали с тревогой следить за ростом и развитием Интернационала и начали готовиться к борьбе с этой организацией. Первым об'явило

войну Интернационалу французское правительство Наполеона III, который пытался одно время привлечь французских рабочих и деятелей Интернационала на свою сторону. Но эта попытка не удалась и правительство переменило свою тактику. В декабре 1867 г. в помещении парижской секции Интернационала, на улице Гравилльe, был произведен обыск и против членов административной комиссии секции (Толена, Фрибура, Лимузена, Варлена, Мюра, Шемале, Малона и др.), было возбуждено судебное преследование. 20 марта 1868 г. все эти лица были приговорены судом к 100 франкам штрафа каждый, за участие в неразрешенном сообществе, а парижская секция была об'явлена закрытой. В ответ на это парижские рабочие образовали вторую комиссию; в мае месяце 1868 г. эта вторая комиссия была в свою очередь привлечена к суду и ее члены были приговорены к трехмесячному тюремному заключению. Парижская секция Интернационала была об'явлена незаконным сообществом и Интернационал во Франции перешел как бы на нелегальное существование.

Однако, гонения правительства, вместо того, чтобы ослабить Интернационал во Франции, вызвали к нему интерес и возбудили симпатии к деятелям Интернационала среди рабочих. В период 1868 г. в члены Интернационала начали записываться тысячи рабочих и Интернациональные секции стали возникать во многих провинциальных городах Франции.

VIII.

Третий конгресс Интернационала в Брюсселе (6—13 сентября 1868 г.).

Третий общий конгресс Интернационала состоялся в Брюсселе с 6 по 13 сентября 1868 г. На нем присутствовало 99 делегатов, в числе которых было 18 чел. французов (среди них были Толэн, Мюра, Пендп, Обри и Лонге), 5 немцев, 2 итальянца, один испанец, 7 швейцарцев, пять англичан, 55 бельгийцев (среди них

Цезарь де-Пап и проф. Гинс) и шесть делегатов от Главного Совета (Эккарнус, Шо, Локрафт, Юнг, Лесснер и Коуэль Степни). Карл Маркс хотя и обещал быть на этом конгрессе, но почему то и на этот раз воздержался и предпочел проводить свою политику через вторых лиц.

Самым важным вопросом, подлежавшем обсуждению на Брюссельском конгрессе был вопрос о *собственности*, (главным образом о праве земельной собственности). Этот вопрос был уже поднят на предыдущем Лозаннском конгрессе при обсуждении вопроса о роли государства. Для более детального обсуждения этого вопроса Брюссельский конгресс избрал особую комиссию в составе девяти человек. Эта комиссия представила конгрессу резолюцию, в которой говорилось, что рудники, каменноугольные шахты, каменоломни, а также и железные дороги должны принадлежать *всему обществу*, точно также в общественной собственности должны находиться и годные для обработки земли, каналы, шоссейные дороги, телеграф и другие средства сообщения и леса. За эту резолюцию высказалось только тридцать делегатов, пять голосовали против, а остальные воздержались. Ввиду этого конгресс постановил еще раз передать этот вопрос на обсуждение на местах, и снова пересмотреть его на будущем конгрессе.

Другим важным вопросом, разбиравшемся на Брюссельском конгрессе был вопрос об отношении к Лиге Мира и Свободы. Эта Лига, второй конгресс которой должен был открыться в Берне 21 сентября 1868 г., прислала приглашение Интернационалу принять оффициально участие на конгрессе. На этот раз огромное большинство делегатов высказалось против участия Интернационала на конгрессе Лиги. Делегаты признавали, что ввиду существования Международного Товарищества Рабочих, существование Лиги Мира и Свободы представляется совершенно излишним и поэтому Брюссельский конгресс предлагал Лиге Мира слиться с Интернационалом, а членам ее вступить в его секции.

В этом духе конгрессом и была принята резолюция, которую решено было послать на конгресс Лиги Мира в Берн. Принимая такое решение по отношению к Лиге Мира, ставившей целью своей деятельности борьбу против войны, Интернационал расходился с ней не в принципиальном взгляде на войну, а в вопросе о путях и средствах прекращения войн. Уже в программе Брюссельского конгресса стоял вопрос: „*об отношении рабочих в случае войны между европейскими державами*“. По этому вопросу брюссельский конгресс принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что справедливость должна быть соблюдаема при установлении отношений между народами, нациями, так же как и между отдельными гражданами;...

„Что хотя главная и постоянная причина войны заключается в отсутствии экономического равновесия, и что поэтому война может быть уничтожена лишь радикальной перестройкой общества, тем не менее второстепенной причиной войн является произвол, вытекающий из централизации и деспотизма;

„Что поэтому народы уже и теперь могут уменьшить число войн, противодействуя тем, кто их вызывает или об‘являет;

„Что это право в особенности принадлежит трудящимся классам, которые почти одни несут тягости войны;

„Что для этого в их распоряжении находится доступное, законное и непосредственно осуществимое средство;

„Что, в действительности, социальный организм не может жить, если произойдет остановка производства на известное время; что поэтому производителям стоит лишь прекратить производство для того, чтобы таким образом сделать невозможным осуществление личных замыслов деспотических правительств;—

„Конгресс Международного Товарищества Рабочих,

собравшийся в Брюсселе, выражает свой энергичный протест против войны.

„Он приглашает все секции Товарищества, каждую в соответствующей стране, равно как и все рабочие группы и общества, проявить с своей стороны величайшую активность, чтобы помешать возникновению войны между европейскими народами, которая в настоящее время должна быть рассматриваема, как война гражданская, потому что, сталкивая между собою производителей, эта война будет ничем иным, как борьбой между братьями и гражданами.

„Конгресс в особенности советует трудящимся прекратить всякую работу в случае, если в их странах вспыхнет война.

„Конгресс рассчитывает также на дух солидарности, который одушевляет трудящихся всех стран, надеясь, что они окажут поддержку этой войне народов против войны“ [1]).

Из других вопросов, обсуждавшихся на Брюссельском конгрессе следует отметить следующие:

1) О стачках, о федерации между рабочими союзами и о создании особых примирительных советов для обсуждения вопросов о том, законна-ли и возможна-ли стачка в данный момент.

В резолюции, принятой конгрессом по этому вопросу говорится:

„Конгресс заявляет, что стачка не является орудием полного освобождения рабочего, но она представляет часто необходимое средство борьбы между трудом и капиталом в современном обществе;

„Что необходимо подчинить стачки известным правилам с тем, чтобы стачки могли быть об‘являемы лишь в

---

[1]) Интересно отметить, что Маркс назвал призыв Брюссельск. конгресса бороться против войны посредством всеобщей стачки *„бессмыслицей“*. См. письмо к Кугельману 16 сент. 1868 г. Briefwechsel IV. 82.

Примеч. редактора.

благоприятных случаях и при наличии известной организации;

„С точки зрения организованности стачек необходимо, чтобы во всех профессиях существовали рабочие союзы сопротивления; и что эти профессиональные союзы должны федерироваться со всеми профессиональными союзами всех стран...

„Для определения своевременности и законности стачки необходимо создать в каждой местности особую комиссию из делегатов от профессиональных союзов, которая представляла бы из себя своего рода Совет, чтобы решить благовременна-ли и законна-ли предпринимаемая стачка...

2) Об интегральном воспитании.

По этому вопросу конгресс заслушал несколько докладов и принял следующую резолюцию:

„Признавая, что в данный момент невозможна организация рационального воспитания,

„Конгресс приглашает секции устраивать публичные курсы, руководствуясь программой научного, профессионального и интегрального воспитания, чтобы хоть отчасти восполнить пробелы того образования, какое получают теперь рабочие. Само собою разумеется, что сокращение длины рабочего дня конгресс рассматривает как предварительное и необходимое условие.

3) Об организации взаимного кредита между рабочими.

По этому вопросу конгресс принял резолюцию, в которой рекомендовалось устройство народных банков, которые снабжали бы рабочие организации капиталами.

4) Об уменьшении длины рабочего дня.

Обсудив этот вопрос, конгресс пришел к заключению, что сокращение длины рабочего дня представляет необходимое условие для всякого улучшения в положении рабочих и поэтому конгресс постановил начать во всех странах агитацию в пользу осуществления этой меры законодательным путем.

5) О кооперации. Доклад по этому вопросу,

представленный английской секцией, не отрицая пользы кооперативных организаций, указывал на опасность того пути, на который стало большинство рабочих кооперативных организаций, в особенности в Англии. Эти организации, являясь по своей сущности, выражением протеста против гнета капитала, сами вырождаются в чисто торговые и капиталистические предприятия, следствием чего может явиться в конце концов образование нового класса—*рабочей буржуазии*.

Чтобы избегнуть этого, конгресс в своей резолюции по вопросу о кооперации, советовал всем кооперативным организациям не забывать главной цели кооперации:— „вырвать из рук частных капиталистов орудия производства и возвратить их законным собственникам—рабочим производителям“.

IX.

Второй конгресс Лиги Мира и Свободы в Берне (21—25 сентября 1868 г.).—Международный союз социалистической демократии.

Второй конгресс Лиги Мира и Свободы открылся в Берне 21-го сентября 1868 года. Конгресс, получив резолюцию Брюссельского конгресса Интернационала, был недоволен отношением интернационалистов к Лиге и это недовольство разделялось не только буржуазно-радикальными членами Лиги, но и такими социалистами-революционерами, как Бакунин.

Бакунин в это время был уже членом Центрального Комитета Лиги Мира и Свободы. Он стремился сделать Лигу социалистической организацией, которая параллельно с Интернационалом способствовала бы приближению социальной революции. Вследствие этого Бакунин желал, чтобы обе эти организации — Интернационал и Лига— действовали бы совместно друг с другом.

Вскоре однако Бакунин убедился и сам, что Лига является лишь радикально-буржуазной организацией для которой чужды идеалы социализма.

Уже на конгрессе Лиги в Берне при обсуждении вопроса о связи экономического вопроса с социальным ясно наметилось два течения — радикально-буржуазное и революционно-социалистическое.

Бакунин и его друзья предложили конгрессу принять по этому вопросу следующую резолюцию:

„Считая, что из всех вопросов вопрос о экономическом и социальном уравнении [1]) классов и личностей является наиболее важным, конгресс об'являет, что без разрешения этого вопроса не могут быть осуществимы в обществе ни справедливость, ни свобода, ни истина;

„Вследствие этого конгресс ставит на первую очередь изучение практических мер для решения социального вопроса".

Во время обсуждения этого вопроса Бакунин выступил с большой речью, в которой он излагал свои революционные воззрения. В этой речи он заявил, что он является „коллективистом", а не коммунистом [2]).

„Я коллективист, сказал Бакунин, потому что я требую экономического и социального уравнения классов и признаю коллективную собственность... Я ненавижу коммунизм, ибо он является отрицанием свободы, а без свободы же невозможно развитие человеческой личности. Я не коммунист потому, что коммунизм сосредотачивает и поглощает все силы общества *в государстве*; коммунизм неизбежно приходит к централизации собственности в руках государства, усиливая и укрепляя его, тогда как я хочу полного уничтожения государства. Я стремлюсь к радикальному искоренению власти и опеки государства, которое, под предлогом улучшения челове-

---

[1]) „Уравнение" классов понималось Бакуниным как полное уничтожение классов в экономическом, социальном и политическом отношениях.

[2]) В то время коммунисты были все государственники; в противовес коммунистам-государственникам Бакунин и назвал себя „коллективистом", то-есть защитником принципа передачи всех орудий производства из частных рук в коллективную, т.-е. *общественную* собственность, а не в руки государства.

ческих нравов и цивилизации, порабощало и угнетало людей, эксплоатировало и развращало их. Я хочу организации общества, коллективной и социальной собственности не сверху вниз, при помощи власти какова бы она ни была, а *снизу вверх*, при посредстве свободных ассоциаций"...

Буржуазное большинство конгресса Лиги, конечно, не могло согласиться с Бакуниным и отвергло приведенную выше резолюцию.

После этого Бакунин и его друзья, видя, что дальнейшее их пребывание в Лиги бесполезно, решили выйти из ее состава и представили конгрессу резолюцию следующего содержания:

„Принимая во внимание, что большинство конгресса Лиги Мира и Свободы ясно и определенно высказалось против экономического и социального уравнения классов и личностей, и что всякая политическая деятельность, не имеющая своей целью осуществление этого принципа, не может быть принята социалистами и демократами, то-есть сознательными и последовательными защитниками мира и свободы, нижеподписавшиеся считают своим долгом выйти из состава членов Лиги".

В числе подписавшихся под этой резолюцией, вместе с Бакуниным, были Элизе Реклю, Аристид Рей, Шарль Келлер, Виктор Жакляр, Альбер Ришар, Николай Жуковский, Валериан Мрочковский, Загорский, Фанелли и др.

Выйдя из состава Лиги, Бакунин и его друзья основали новую революционную организацию, которую они назвали: „*Международный Союз социалистической демократии*".

Основатели „Союза социалистической демократии", или, как принято его называть сокращенно „**Альянс**" избрали временный Центральный Комитет [1]) и заявили,

[1]) В состав этого комитета вошли кроме самого Бакунина, Беккер, Броссе, Дюваль, Гета и Перрон—все члены Интернационала. Беккеру поручено было написать заявление Главному Совету в Лондон о принятии Альянса в состав Интернационала.

что вновь основанный союз примыкает к Интернационалу. Но, так как Бакунин в то же время хотел сохранить за Альянсом известную долю самостоятельности, то в устав Альянса и был включен пункт, согласно которому, на ряду с общими конгрессами Интернационала, Альянс мог бы устраивать и свои собственные с‘езды. Этот пункт отчасти и послужил одним из препятствий к принятию Альянса в Интернационал.

„Международный Союз социалистической демократии“ являлся, собственно говоря, как бы продолжением основанного в 1864 г. Бакуниным общества „*Союз социальной демократии*“, называвшегося „*союзом международных братьев*“. Целью этого общества было: пропаганда атеизма, борьба со всеми видами и формами власти, пропаганда идей социализма и т. д. „Возникнув, как утверждение социализма против религиозно-политического догматизма Мадзини, говорит сам Бакунин об этом союзе, Союз социальной демократии поставил в своей программе атеизм, совершенное отрицание всякого авторитета и власти, уничтожение юридического права, отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную общественность, коллективную собственность; он об‘явил труд основанием общественной организации, которая в этой его программе указывалась в виде вольной федерации снизу вверх [1]).

X.

Деятельность секции Интернационала в Локле в 1868 г.— Споры *за* и *против* коллективной собственности.

После Брюссельского конгресса Интернационала почти во всех швейцарских секциях горячо обсуждался вопрос о коллективной собственности. Секция Интернационала в Локле также обсуждала этот вопрос, который вызвал оживленный и страстный обмен мнений. Члены секции, стоявшие на точке зрения частной собственности,

---

[1]) „Историческое развитие Интернационала“ сгр. 301·

стремились доказать защитникам коллективной собственности, что уничтожение частной собственности может иметь самые гибельные последствия для общества.

Однако, большинство членов секции в Локле, с своей стороны, указывали на отрицательные стороны существования частной собственности на землю, леса и пути сообщения, говоря, что частная собственность на землю дает возможность владельцу земли эксплоатировать своих ближних. Право частной собственности является источником рабства для большинства людей и поэтому в будущем обществе это право не может иметь места.

В конце концов защитники коллективной собственности одержали верх и секция в Локле постановила присоединиться к резолюции Брюссельского конгресса Интернационала о переходе земли и ее недр, а также лесов и путей сообщения в коллективную собственность всего общества.

Таким образом, идеи социализма постепенно все больше и больше приобретали себе сторонников среди швейцарских рабочих, хотя большинство из них попрежнему все еще оставались мютюэлистами и прудонистами, думавшими, что разрешение социального вопроса возможно при помощи устройства народных банков взаимного кредита, кооперации и т. п. В этом отношении рабочими Локля было предпринято несколько попыток, давших, как и следовало ожидать, самые ничтожные результаты.

Под влиянием всех этих уроков жизни мысль швейцарского рабочего все больше и больше клонилась в сторону социалистически-революционного пути и поэтому когда Бакунин явился в Швейцарию с проповедью идей революционного социализма, то он нашел здесь уже подготовленную почву.

XI.

Бакунин в Женеве.—Основание женевской группы „Альянса“.

После Бернского конгресса Лиги Мира и Свободы

Бакунин поселился в Женеве. Он тотчас же повел здесь в рабочих кругах широкую пропаганду социализма и вскоре приобрел среди женевских рабочих и молодежи горячих сторонников.

Под влиянием Бакунина женевская секция Интернационала послала осенью 1868 г. испанским революционерам-рабочим, боровшимся в это время за конституцию, следующий манифест:

„Швейцарский народ, живущий уже несколько столетий *в республике*, хорошо знает, что режим *политической свободы* нисколько не изменяет условий жизни трудящихся.

„Действительное равенство состоит в том, чтобы все люди имели равные права, а это равенство может быть достигнуто только через Социальную Революцию.

„Вот почему обездоленные современного общества, борясь за свои права и понимая необходимость об'единения, создали в Европе и Америке Международное Товарищество Рабочих. Целью этой организации является победа труда над капиталом...

„Братья, испанцы! Присоединяйтесь же к общему рабочему делу. Не давайте обманывать себя разным эксплоататорам всех революций, ни генералам, ни буржуазным демократам. Помните, что народ получает только те реформы, какие он завоевывает“...

После образования Центрального Комитета Международного Союза социалистической демократии, местом которого была избрана Женева, Бакунин и его друзья решили основать Женевскую группу или секцию этого союза. 28 октября 1868 г. эта группа собралась на свое первое заседание. Среди записавшихся в группу 95 человек были — Бакунин, Беккер, Жуковский, Елпидин, Мрочковский, Загорский, Жакляр, Перрон, Пере, Каталон и затем несколько человек женевских рабочих.

Эта попытка об'единить в Женеве в особую группу наиболее передовые элементы для теоретического обсуждения идей социализма была, по моему личному мнению,

делом мертворожденным. Этот кружок, несмотря на все свои усилия, не смог привлечь на свои заседания рабочую массу, а между тем основание этой группы послужило для интриганов предлогом посеять рознь и недоверие среди деятелей социалистического движения.

В конце 1868 г. женевская группа Альянса потребовала от Центрального Комитета Женевских секций Интернационала принять ее в число ее членов. Однако, решение этого вопроса Комитет Женевских Секций отложил до конгресса всех интернациональных секций романской Швейцарии, который должен был собраться в январе 1869 года. Этот конгресс должен был положить основание единой Романской Федерации Интернационала.

XII.

Опыт участия Локльской секции Интернационала в муниципальных выборах 1868 г. — Основание газеты "Прогресс".

Хотя многие деятели Интернационала в Швейцарии и относились отрицательно к чисто политической борьбе, тем не менее большинство рядовых швейцарских рабочих принимали участие в избирательной борьбе.

Вот почему когда зимою 1868 г. были назначены в Локле выборы членов в Муниципальный Совет. Локльская секция Интернационала решила принять участие в этих выборах. Интернационалисты надеялись провести в городской совет несколько своих представителей. Таким образом, из этого факта видно, что политика воздержания от политической борьбы, характерная для интернационалистов Швейцарской Юры, явилась не результатом предвзятых идей, а следствием целого ряда опытов и разочарований в политической борьбе.

Швейцарские рабочие долгое время цеплялись за иллюзию целесообразности реформистской политики и побежденные в одном случае, они пробовали бороться снова. Однако, жизнь и практика политической борьбы постоянно доказывала им, что участие в политической

избирательной борьбе для рабочих пустая трата сил—не больше.

Зимой 1868 г. интернациональная секция в Локле решила основать свой собственный печатный орган. Вскоре секция приступила к изданию газеты „Прогресс“, девизом которой было *„Все для народа, все через народ“*.

XIII.

Подготовительные работы по организации Романской Федерации Интернационала. — Просьба Центрального Комитета Альянса социалистической демократии о принятии Альянса в Интернационал отвергнута Главным Советом Интернационала (22 декабря 1868 г.).

Осенью и зимою 1868 г. швейцарские секции Интернационала готовились к общему с‘езду всех интернациональных секций Романской Швейцарии, на котором должен был решиться вопрос о создании единой Романской Федерации Интернационала. Бывшая осенью 1868 г. предварительная конференция швейцарских секций в Невшателе избрала две комиссии — одну для выработки устава будущей Романской Федерации, а другую—для создания газеты—будущего органа Романской Федерации.

Комиссия по выработке устава приняла проект устава Федерации, предложенный Бакуниным.

Редакционная Комиссия по изданию газеты, после опроса всех секций, решила приступить к изданию еженедельной газеты „Равенство“. Комиссия пригласила в сотрудники этой газеты всех наиболее видных деятелей социалистического движения не только швейцарского, но и международного. На этот призыв откликнулись и дали слово сотрудничать в „Равенстве“, между прочим, Бакунин, Элизе Реклю, Варлэн, Бенуа Малон, Юнг, Эккариус и Цезарь де-Пап. Карл Маркс, на приглашение Комиссии принять участие в газете, ответил, что „его здоровье и многочисленные занятия не позволяют ему принять участие в газете“.

Общий конгресс Романской Федерации должен был открыться 2-го января 1869 года. За несколько дней перед его открытием произошли следующие события: просьба Центр. Комитета Альянса социал. демократии о принятии Альянса в Интернационал была отвергнута Главным Советом по настоянию Маркса. По этому поводу Маркс написал письмо в Женеву к Серно-Соловьевичу, спрашивая его о том, что затевает Бакунин.

Серно-Соловьевич сообщил о том, что Маркс прислал ему письмо, Бакунину, и тот решил сам написать Марксу подробное письмо, чтобы рассеять все его подозрения. Вот это письмо:

Женева, 22 декабря 1868 г.

Мой старый друг! Серно сообщил мне часть твоего письма, касающуюся меня. Ты спрашиваешь его—продолжаю-ли я оставаться твоим другом. Да, и более, чем когда либо, дорогой Маркс, потому что я понял теперь лучше, чем раньше, что ты был прав, идя и приглашая всех идти по пути экономической революции, порицая тех из нас, которые увлекались задачами национального характера или чисто политического.

„Я делаю теперь то, что ты начал делать двадцать лет тому назад. Распрощавшись окончательно с буржуазией на Бернском конгрессе Лиги Мира и Свободы, я не имею теперь дела с буржуазным обществом, но лишь с миром рабочих. Мое отечество теперь - Интернационал, а ты один из главных его основателей. Ты видишь, дорогой друг, что я твой ученик и я горжусь этим.

„Вот все, что я могу сказать о своем отношении к тебе... Я посылаю тебе программу Альянса, который мы основали вместе с итальянскими, польскими и французскими друзьями... По этому поводу мне нужно было бы очень многое тебе сказать. Я пошлю тебе вскоре копию большого письма, которое я пишу относительно Альянса нашему другу Цезарю Де-Папу.

„Передай от меня поклон Энгельсу, если он еще

вторично не умер; ты знаешь, его здесь уже один раз похоронили. Дай ему один экземпляр моих речей, а также Эккарпусу и Юнгу. Преданный *Бакунин*.

Передай мой привет *М-тс Маркс*.

В тот же самый день, когда Бакунин писал вышеприведенное письмо Главный Совет Интернационала в Лондоне рассматривал просьбу Центрального Комитета Альянса о принятии Альянса в Интернационал и решил отклонить эту просьбу. По этому поводу Главный Совет принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание,

что наличие второго международного союза, функционирующего внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, будет способствовать неизбежно его дезорганизации,

„что каждая группа лиц, живущая в какой либо местности, будет иметь тогда право подражать инициативной группе Женевы и под более или менее благовидным предлогом основывать в среде Интернационала другие международные союзы с своими особыми задачами,

„что, таким образом, Международное Товарищество Рабочих может сделаться игрушкой в руках интриганов всех наций и каждой партии,

„что вопрос этот был уже частично решен еще в резолюции Брюссельского конгресса Интернационала относительно Лиги Мира и Свободы,

„Главный Совет Межд. Товарищ. Рабочих на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) что все параграфы устава Международного Союза социалистической демократии, касающиеся его отношений к Интернационалу, объявляются не имеющими никакого реального значения.

2) Международный Союз социалистической демократии не принимается как особая ветвь в Международное Товарищество Рабочих.

Председатель собрания *Оджер*.

Главный Секретарь *Шо*.

Карл Маркс получил приведенное нами выше письмо Бакунина 28 го декабря и в тот же день написал Юнгу письмо следующего содержания:

„Дорогой Юнг!

„Как только Вы уехали, я получил письмо от Бакунина, в котором он пишет о своей дружбе ко мне. Из его письма я понял, что Бакунин написал Де Папу большое письмо с целью завербовать его в Международный Альянс. Необходимо, поэтому, чтобы предупредить злой умысел (mischief) как можно скорее сообщить Де Папу нашу резолюцию об Альянсе. Необходимо, конечно, прибавить, что вследствие настоящего положения дел в Швейцарии и для того, чтобы не вызывать раздора, мы хотим, чтобы эта резолюция не получила широкой огласки, так как мы сообщаем ее секретно лишь центральным комитетам Интернационала в разных странах.

„Не забудьте пригласить на субботнее заседание Совета Аплегарта. Хорошо также послать приглашение Оджеру.

Ваш *К. М.*

С этим письмом Маркса началась система секретной переписки в Интернационале.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романская Федерация.
(январь 1869 г. — Апрель 1870 г.)

I.

Первый конгресс Романской Федерации Интернационала в Женеве (2—4 января 1869 г.—Основание газеты *„Равенство.“*

На первый общий конгресс всех интернациональных секций Романской Швейцарии прибыли делегаты от тридцати секций. Среди делегатов были все наиболее видные деятели Интернационала в Швейцарии—как например, Адемар Швицгебель, Фриц Хенг, Брейман, Джемс Гильом и др.

Первый вопрос, стоявший в порядке дня конгресса был вопрос об основании печатного органа федерации. После обсуждения этого вопроса, конгресс постановил сделать официальным органом Романской Федерации газету „Равенство“. Конгресс принял внесенное предложение, чтобы девизом новой газеты была фраза из введения к общему уставу Интернационала: „Нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав“. В редакционную комиссию были выбраны следующия лица: Перре, Верн, Перрон, Бакунин, Кроссе, Мермиллио, Пайар, Дюплекс, Гильом и Беккер.

Затем конгресс перешел к обсуждению вопроса об уставе Федерации. После детального обсуждения конгресс внес значительные изменения в проект устава, предложенный Бакуниным.

Статья первая принятого устава гласила, что все секции Романской Швейцарии образуют единую Федера-

цию; но каждая отдельная секция имеет право и не входить в Федерацию. В статье второй устава говорилось что каждая секция, входящая в Федерацию, сохраняет свою автономию и имеет свой собственный устав, который, однако, не должен противоречить в своих основных статьях ни общему уставу Интернационала, ни уставу Романской Федерации.

Управление делами Федераций ведает Федеральный Комитет, избираемый ежегодно на общем конгрессе Федерации. Каждая секция, входящая в Федерацию, обязана вносить в кассу Федерации ежегодно по десять сантимов с каждого члена.

II.

Мое личное знакомство с Бакуниным. — Решение центрального Бюро Альянса предложить всем группам Альянса распустить свои организации.

На женевском конгрессе Романской Федерации я в первый раз познакомился лично с Бакуниным. Впервые я увидал Бакунина еще в 1867 г. на женевском конгрессе Лиги Мира и Свободы, но тогда я не имел случая завязать с ним личное знакомство. Мое знакомство с Бакуниным на этот раз произошло при следующих обстоятельствах: когда я прибыл в Женеву на конгресс Романской Федерации в качестве делегата от Локльской секции Интернационала, я стал искать себе комнату. Бакунин, случайно узнав об этом, радушно предложил мне поселиться у него на квартире.

Я, конечно, с большой радостью принял это предложение, так как был очень счастлив познакомиться поближе с знаменитым революционером.

Бакунин сразу очаровал меня своим обращением. Я пробыл у него на квартире в этот раз только два дня, но и этого времени было вполне достаточно, чтобы у меня с Бакуниным установились самые дружественные отношения, несмотря на разницу наших лет.

Все свободное время от заседаний на конгрессе мы

проводили в разговоре. Темой наших разговоров с Бакуниным был, конечно, близкий для Бакунина, „Союз международной социалистической демократии“ или, как его сокращенно называли „Альянс.“ Бакунин подробно познакомил меня с программой Альянса и детально развивал ее федералистический и антиавторитарный характер.

Хотя мои взгляды, в общем, и не противоречили взглядам Бакунина, но я, тем не менее, не был согласен с ним в том, что необходимо было иметь еще отдельную от Интернационала организацию.

Бакунин, конечно, отстаивал свою точку зрения и доказывал необходимость существования Альянса.

Вскоре после конгресса Романской Федерации в Женеве женевская группа Альянса подала заявление в Федеральный Комитет Романской Федерации о приеме ее в Федерацию. Ввиду того, что Альянс в целом не был принят в Интернационал Главным Лондонским Советом, Федеральный Комитет также не нашел возможным, на основании этого, принять женевскую группу Альянса в Федерацию.

Между тем отказ Главного Совета Интернационала принять в Интернационал Альянс, как международную организацию, вызвал со стороны его членов и Бакунина энергичный протест. Бакунин решил безотлагательно выяснить вопрос, на каком основании Главный Совет Интернационала отказывается принять в Интернационал Альянс. С этой целью Бакунин поручил Перрону написать в Лондон Эккариусу или Юнгу подробное письмо с об'яснением, что такое представляет собою Альянс, какие цели он преследует и что уже сделано Альянсом для рабочего дела в Италии, Франции, Испании и Швейцарии.

Вместе с тем Бакунин просил Гильома сообщить Главному Совету Интернационала, что, если нужно, в интересах дела, то он готов распустить Альянс — как международную организацию — но, при том условии, что Главный Совет признает все отдельные секции Альянса,

существующие в Швейцарии, Испании, Италии и Франции, и допустит их в Интернационал.

Большинство секций ничего не имели против этого, и все из'явили свое согласие переименоваться в секции Интернационала, так как большинство членов Альянса, хотя и являлись активными работниками Альянса, тем не менее признавали, что для концентрации революционных сил можно вполне распустить Центральное Бюро Альянса, чтобы слить все отдельные секции с секциями Интернационала.

Против параллельного существования двух международных рабочих организаций—Интернационала и Альянса протестовали очень многие деятели рабочего движения, видя в такой двойственной форме рабочего движения тормаз для революции и причины разногласия в среде самих рабочих.

Эту точку зрения особенно ярко высказали бельгийские интернационалисты во главе с Цезарем де Папом Когда Бакунин послал в Бельгию приглашение вступить в основанный им Альянс, то бельгийцы ответили Бакунину и его друзьям следующее:

Граждане!

Мы были крайне удивлены, получив от вас извещение об основании Вами „Альянса международной социалистической демократии“. Мы не против вашей программы так как большая часть идей, которые формулированы в програме Альянса—наши идеи, идеи интернационалистов рабочих. Точно так же, как и вы, мы тоже хотим, чтобы земля и все капиталы сделались достоянием всего общества и могли бы быть использованы только трудящимися, т. е. союзами промышленых и земледельческих рабочих. Как и вы, мы хотим, чтобы Наука заменила собою религию. Мы хотим, чтобы все дети без различия получали бы всестороннее развитие и образование. Как и вы, мы также враги всякого деспотизма... и мы стремимся к установлению нового общества, состоящего из производителей... Как и вы, мы

признаем, что все современные государства должны, в конце концов, исчезнуть и роль общественной власти в будущем должна ограничиваться только лишь чисто административными функциями.

Как и вы, мы думаем, что социальный вопрос может быть окончательно разрешен лишь путем организации международной *солидарности* всех трудящихся... Мы не отвергаем вашу программу, но мы лишь выражаем свое сожаление о том, что вы основали свою отдельную международную организацию, вместо того, чтобы оставаться в общей массе трудящихся, которые составляют Международное Товарищество Рабочих.

Действуя таким образом, можно подумать, что вы находите, что Интернационал, как таковый, не в силах выполнить ту великую роль, какую он себе поставил, или что он изменяет поставленной цели и поэтому вы и решили рядом с ним и параллельно основать другую революционную организацию.

Но, в таком случае, этот новый союз будет соперником и противником Интернационала и должен будет так или иначе бороться с ним... Но, мы не допускаем и мысли, чтобы кто нибудь из основателей Альянса был бы противником и врагом Интернационала. Но, в таком случае, для чего, спрашивается, основывать новую организацию?

„Мы считаем, что действуя подобным образом, неизбежно можно придти к тому, что вместо того, чтобы об'единить всех рабочих, всех социалистов, для борьбы за полное освобождение трудящихся и за уничтожение классового господства, мы внесем в среду рабочих разногласия и разделения... Разве вы не понимаете, что если рабочие основали Интернационал, то они это сделали не для того, чтобы создать себе новых господ. Рабочие не хотят больше никакой опеки над собой, даже опеки социалистической демократии, как и всякой другой; рабочие хотят идти самостоятельно и без советников; и если они принимают в Интернационал социалистов-интеллигентов, не принадлежащих к числу эксплу-

атируемых и обездоленных, то они допускают их в свою организацию с тем условием, чтобы эти друзья народа оставались бы в рядах пролетарской массы, а не составляли бы в Интернационале отдельной группы и не превращались бы в своего рода умственную аристократию в Интернационале, сделавшись идейными вождями рабочих.

„Вот почему, граждане, мы думаем, что основывая свой Альянс, вы совершили вредное для рабочей борьбы дело. Ввиду этого мы одобряем и поддерживаем постановление Главного Совета Интернационала относительно Альянса и призываем вас отказаться от вашей попытки создать новую международную организацию помимо Интернационала и рядом с ним, дабы не вносить этим самым разногласия в среду борющихся рабочих“...

III

Кризис тайного бакунинского общества „Международных братьев“.—Роспуск этой организации.

Ввиду того, что очень многие из членов Интернационала отрицательно относились к Альянсу, видя что дальнейшее существование этой организации может повести к разногласиям среди деятелей рабочего движения Бакунин и его друзья стали серьезно задумываться о дальнейшем существовании Альянса. Но хотя Бакунин и соглашался на роспуск Центрального Бюро своего Альянса, но всетаки он высказывал желание, чтобы Альянс существовал как международная революционная организация. Он не думал, что Альянс может вызвать разногласия среди рабочих.

С целью познакомить широкие рабочие круги с программой и целями своего Альянса Бакунин и предпринял в конце 1868 года и в начале 1869 г. поездку по Швейцарии для того, чтобы читать лекции об Альянсе.

В январе 1869 г. Бакунин созвал в Женеве с'езд своего тайного общества „Международных братьев“, члены которого и являлись основателями открытого

Союза социалистической демократии. На этом с'езде кроме самого Бакунина присутствовали Малон, А. Трусов, Николай Жуковский, Валериан Мрочковский, В. Бартеньев, Ш. Перрон и Альберто Туччи.

Во время обсуждения вопроса об Альянсе на этом с'езде между Бакуниным и некоторыми „братьями" произошел конфликт. Результатом этого конфликта и явилось известное письмо Бакунина об уходе его из Центрального Комитета тайного общества „Международных братьев" [1].

Вскоре после этого инцидента „Международное Братство" было распущено. Причиной роспуска этой организации было то, как об'являлось в манифесте по этому случаю, „что деятельность этого общества, благодаря некоторым его членам, из тайной сделалась известной многим лицам, стоявшим вне этой организации".

Роспуск и закрытие тайного союза „Международных Братьев" имел своим результатом то, что, как справедливо замечает Неттлау, этим фактом порвались тесные и интимные отношения между наиболее старыми международными братьями, как, например, Бакунин, Фанелли, братья Реклю, Мрочковский, Малон, Жуковский.

Так как почти все международные братья были в то же время активными деятелями и основателями открытого Альянса социалистической демократии, то распад тайного общества „Международных Братьев" не мог не отозваться и на самом Альянсе.

IV.

Бакунин в Локле—Программа Альянса.

Хотя Бакунин и решил воздержаться, после инцидента на с'езде союза Международных Братьев, от дальнейшей организации своего Альянса и пропаганды о необходимости его существования, тем не менее он в конце января 1869 г. предпринял поездку в Локль,

[1] Письмо приведено в книге Драгоманова, Собрание писем Бакунина. Н.Л.

чтобы познакомить Локльских рабочих с програмой Альянса и основать в Локле местную секцию Альянса.

Однако, стремления Бакунина основать в Локле секцию Альянса окончились неудачей. Рабочие Локля несмотря на всю любовь к Бакунину, отнеслись отрицательно к его проекту и не видели никакой необходимости основывать кроме секции Интернационала еще новую организацию. Локльские рабочие указывали Бакунину, что, по их мнению, создание рядом с секциями Интернационала другой революционной организации принесет лишь один вред. Симпатизируя Бакунину и его идеям, рабочие Локля не хотели двойственной организации и полагали, что пропаганду идей социализма можно вести и в самой секции Интернационала и для этого совершенно излишне создавать новую организацию.

Здесь, я думаю, будет уместным поместить программу Альянса социалистической демократии, как она была составлена Бакуниным в окончательной редакции:

Программа международного Союза (Альянса) социалистической демократии.

1.—Альянс об'являет себя атеистическим. Он стремится к уничтожению религиозных культов, к замене веры наукой и божеской справедливости справедливостью человеческой.

2.—Альянс прежде всего хочет политического, экономического и социального уравнения классов и лиц обоего пола; он предполагает, что началом такого уравнения должна быть отмена права наследования [1], чтобы в будущем потребление каждого человека соответствовало его производству поэтому, сообразно решению, принятому последним рабочим конгрессом в Брюсселе, земля, орудия труда, как и всякий другой капитал, став коллективной

[1]) Эта фраза позднее была изменена Женевской группой так: „Альянс хочет прежде всего полного и окончательного уничтожения деления общества на классы, и политического, экономического и социального уравнения лиц обоих полов, для этой цели Альянс требует прежде всего отмены права наследования".

собственностью всего общества, должны утилизироваться только рабочими, то-есть промышленными и земледельческими ассоциациями трудящихся.

3.—Альянс требует для всех детей обоего пола с момента их рождения равных средств для их развития, то-есть содержания, воспитания и образования, как промышленного, так и эстетического. Это равенство, сначала только экономическое и социальное, будет иметь своим результатом все больший и больший рост естественного равенства человеческих личностей, уничтожая все существующие неравенства, возникшие как исторический продукт социальной организации, настолько же ложной, как и несправедливой.

4.—Враг всякого деспотизма, не признавая никакой формы политического устройства общества, кроме республиканской и отрицая абсолютно всякий союз с реакционерами, Альянс отрицает также всякую политическую деятельность, не имеющую своей непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела над капиталом.

5.—Альянс признает, что все существующие в настоящее время политические и авторитарные Государства, ограничиваясь все более и более выполнением простых административных функций необходимых обществу, должны будут раствориться во всемирном союзе свободных земледельческих и промышленных ассоциаций.

6.—Признавая, что социальный вопрос может быть разрешен только на основе международной солидарности трудящихся всех стран, Альянс отрицает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и на соперничестве наций.

7.—Альянс стремится к свободной всемирной ассоциации всех местных ассоциаций.

V.

Бакунин в Локле и его лекция „Философия народа."

Бакунин прожил в Локле до конца февраля и 21-го февраля в Локльском кружке интернационалистов прочитал лекцию под заглавием „Философия народа".

В этой лекции Бакунин провел параллель между историческим развитием буржуазии и рабочего класса. Он, указав на революционные заслуги буржуазии в прошлом, доказывал, что в настоящее время буржуазия закончила свою историческую роль, и что ей на смену должен стать пролетариат. Пролетариат в наше время находится в таких же условиях, в каких находилась буржуазия накануне великой французской революции. Буржуазия стала после революции классом эксплуатирующим и пролетариат призван положить конец владычеству буржуазии.

Все живые силы человечества сосредоточены в настоящую эпоху только в пролетариате и на нем лежит историческая обязанность совершить социальную революцию, подобную той, какая была произведена буржуазией в конце восемнадцатого века, положившей конец феодализму.

VI.

Новое решение Главного Лондонского совета Интернационала относительно Альянса.—Добровольный роспуск Альянса.

Главный Совет Интернационала, получив от Центрального Бюра Альянса сообщение о том, что Бакунин и его друзья готовы идти на уступки и готовы даже распустить Альянс—как международную организацию, вынужден был пересмотреть свое постановление относительно Альянса.

После обсуждения этого вопроса на своем заседании 9-го марта, Главный Совет послал 20-го марта на имя Центрального Бюро Альянса в Женеву письмо, в котором, между прочим, говорилось:

„Согласно статье первой нашего общего устава, в Международное Товарищество Рабочих принимаются все рабочие союзы, стремящиеся к одной цели—к взаимной помощи, прогрессу и полному освобождению рабочего класса“.

Указывая далее в письме, что Главный Совет не имеет права критиковать програму Альянса, автор письма говорит, что главной причиной отказа принять Альянс в Интернационал, послужила фраза в программе Альянса, говорящая „об *уравнении* классов". Не уравнение классов, а их уничтожение,—вот великая цель Международного Товарищества Рабочих, добавляет автор письма.

Высказывая надежду, что основатели Альянса сами добровольно вычеркнуть двусмысленное выражение об уравнении классов и заменят его более логическим выражением, Главный Совет заканчивал свое письмо тем, что он не видит никаких препятствий к тому, чтобы секции Альянса превратились в секции Интернационала.

Получив это письмо Центральный Комитет Альянса передал его в копии всем секциям Альянса и советовал им преобразоваться в секции Интернационала. Большинство секций не замедлило последовать этому совету, при чем Женевская секция, согласно пожеланию Главного Совета Интернационала, внесла в свой устав изменение а именно: в статье второй слова: „Альянс хочет прежде всего политического, экономического и социального уравнения классов и личностей", были заменены следующими: „Альянс хочет прежде всего полного уничтожения классов и политического, экономического и социального уравнения личностей".

Вследствие того, что все отдельные секции Альянса должны были войти в Интернационал, Центральный Комитет Альянса решил распустить себя и, таким образом, Международный Союз социалистической демократии как единая международная организация прекратил свое существование, (в июне месяце 1869 г).

VII.

Газета „Прогресс", орган интернациональной секции в Локле, становится „социалистической газетой".

Выше мы видели, что в первые годы существования

Интернационала, рабочие в Швейцарии хотя и примкнули к Интернационалу, тем не менее, в большинстве случаев не были социалистами и считали своими вождями таких людей, как врача Куллери, бывшего в сущности буржуазным демократом.

Однако, с течением времени, под влиянием устной и печатной пропаганды швейцарские рабочие переходят на сторону социализма. Такую эволюцию пережили и рабочие в Локле. Вот почему весною 1869 г. стало возможным превратить газету Локльской секции в „социалистический орган". Принимая такой подзаголовок. редакция газеты „Прогресс" сочла нужным в № 7 от 3-го апреля 1869 г. изложить свои идеи о социализме в особой статье, носившей название:

„Война учреждениям, мир людям".

„Когда мы будем изучать историю человечества в свете естественных наук, говорилось в этой статье, когда мы будем рассматривать сложные социальные явления, называемые революциями, то мы заметим, что индивидуальная воля играет крайне незначительную роль в тех великих потрясениях, которые меняют судьбы народов; при тщательном изучении истории мы можем увидать истинные причины революций и изменений, которые кроются во влиянии среды.

„Для человека, который станет на эту точку зрения, ненависть к отдельным лицам исчезает. Кому из нас придет в голову делать ответственным за его грубость какого нибудь несчастного бродягу, которого третировали с самого его рождения как парию. При виде преступника или проститутки, в нас пробуждается не чувство негодования против данной личности, но чувство негодования против того порядка вещей, который порождает уродливые явления...

„Такое же чувство негодования пробуждается в нас когда мы подвергаем критике буржуазный общественный строй. Мы считаем, что буржуазия эксплоатирует трудящихся, что она является преградой для прогресса.

Мы это говорим спокойно, потому что это—научная истина, а не крик слепой ненависти; из этого факта мы выводим заключение, что нужно бороться с буржуазными учреждениями, но из этого нисколько не вытекает, что необходимо ненавидеть отдельных буржуа...

„Вот почему мы говорим; „социалисты, будьте снисходительны и в тоже время жестоки“.

„Будьте снисходительны к вашим ближним, то-есть ко всем людям вас окружающим. Не забывайте, что они слабы, злы, суеверны часто не по своей воле, а в силу обстоятельств, в которых они жили и воспитывались. Вспоминайте чаще, что нельзя, убивая личность, разрушать общественный строй, а что наоборот—*только разрушая учреждения мы можем изменить и возродить людей*“.

„Вот почему будьте жестоки к учреждениям... боритесь неутомимо с ложными идеями, с вредными мнениями с несправедливостью и с ложью.

„Пусть будет вашим девизом лозунг: „*Война учреждениям и мир людям!*““.

VIII

Борьба юрских интернационалистов с „куллеристами“. —Участие Бакунина в этой борьбе —*Письма о патриотизме.*“

По мере того, как в среде юрских рабочих развивались и выяснялись идеи интернационального социализма, разногласия между интернационалистами и демократами—политиками обострялись. Доктор Куллери, чтобы бороться с вредными, по его мнению, идеями интернационального социализма, стал издавать в Шо-де-Фоне газету „*Гора.*“ В ней он продолжал проповедывать идеи демократизма и критиковал идеи, распространяемые органом юрских секций Интернационала, газетой „*Прогресс*“, издававшейся Джемсом Гильомом.

Весной 1869 г. между „куллеристами“ и интернационалистами разгорелась оживленная полемика. Юрцами

было устроено несколько публичных митингов, на которые они приглашали выступить с защитой своих взглядов доктора Куллери. На этих митингах выступал с большим успехом и Бакунин, специально приезжавший в Юру из Женевы.

Эта борьба интернационалистов с демократизмом и патриотизмом некоторых швейцарских рабочих заставила Бакунина более определенно выяснить вопрос о патриотизме, результатом чего и явился целый ряд статей на эту тему, написанных Бакуниным весной 1869 г. и напечатанных в газете *„Прогресс"* под заглавием *„Письма о патриотизме."*

В этих письмах, Бакунин, с присущим ему красноречием, последовательно разобрал все элементы, составляющие „патриотизм", который является основой национализма.

По его мнению, „патриотизм" состоит из четырех элементов: 1) естественного или физиологического, 2) экономического, 3) политического и 4) религиозного или фанатического.

Физиологический элемент является главным основанием всякого, наивного, инстинктивного и грубого патриотизма. Это естественная страсть, сильно затрудняет экономическое, научное и культурное развитие общества.

„Естественный патриотизм, говорит Бакунин, встречается на всех ступенях животной жизни и даже, можно сказать в растительном царстве. Взятый в этом смысле патриотизм, это губительная война, первое проявление в человечестве той великой и роковой борьбы за существование, которое составляет все развитие, всю жизнь естественного мира...."

На этой основе борьбы за существование уже в первобытных человеческих обществах сложился целый ряд материальных, умственных и моральных, экономических, политических и социальных привычек, развитых затем историей и традицией данного народа.

„Должны-ли мы подчиняться, с точки зрения современного сознания человечности и справедливости, этому естественному чувству патриотизма и смотреть на всех людей других наций и рас, как на своих врагов?“— спрашивает Бакунин.

Конечно, нет, отвечает он. „Патриотизм является дурной и узкой привычкой, отрицанием человеческого равенства и солидарности. Он связан тесно с существованием современных Государств, а разрешение социального вопроса, поставленного на разрешение рабочими Европы и Америки, возможно только с уничтожением политических государств. Вот почему, добавляет Бакунин, необходимо искоренить патриотизм, эту традиционную привычку, из сознания рабочих всех стран.

Патриотизм страшен тем, что на нем базируются все национальные, государственные и классовые войны. Благодаря ему борьба за существование в человеческом обществе не смягчается, а усиливается; вследствие этого патриотизм является отрицанием прогресса и цивилизации.

Но, мы видим, что человечество, несмотря на все препятствия, все таки, хотя и медленно, прогрессирует. Люди начали свою историю с людоедства.—Теперь они стремятся к всемирному об‘единению, к коллективному производству и потреблению.

„Но, между этими двумя крайними точками какая кровавая и ужасная трагедия! восклицает Бакунин. И конец этой трагедии еще не настал. После людоедства наступило рабство, крепостное право; после крепостного права наемный труд, за которым должны последовать, во-первых, страшный день возмездия, а затем позже, много, позже, эра братства. Вот фазы, через которые проходит животная борьба за жизнь в истории, постепенно преобразуясь в человеческую организацию жизни.

Если люди хотят ускорить приход действительно человеческого общественного строя, то они должны бороться со всеми видами патриотизма, который является „государственной добродетелью“ и служит причиной сохране-

ния экономического и социального рабства трудящихся масс. Таково заключение Бакунина [1]).

IX.

Ответ Куллери на „Письма о патриотизме".—Эпизод с похищением детей княгини Оболенской. Брошюра Бакунина „Бернские медведи и Петербургский медведь."

„Письма о патриотизме" Бакунина были встречены крайне враждебно в лагере „куллеристов". Куллери, в своей газете „*Гора*" обвинял Бакунина, что он видит в чувстве патриотизма только чисто *животное* чувство. Кроме того, Куллери называл Бакунина и юрских интернационалистов *авторитарными коммунистами*, стремящимися разрушить все устои общества и установить свою власть и предостерегал швейцарских рабочих от увлечения учением Бакунина, который хочет разрушить Государство.

Редакция газеты „*Прогресс*", избегавшая, вообще, входить в полемику по поводу отдельных статей, помещаемых в газете „*Гора*" на этот раз вынуждена была ответить, так как Куллери обвинял юрских интернационалистов в одно и то же время в приверженности к *авторитарному коммунизму*, а в тоже время и—*в стремлении к анархии*.

Редакция газеты „*Прогресс*", отвергая первое обвинение, писала, что юрские интернационалисты стремятся к воплощению в жизни великих лозунгов французской революции—*Свободы, Равенства и Братства*. Мы не отделяем один от другого эти лозунги.

Мы хотим *свободы*, и для этого-то мы и требуем уничтожения Государства и правительства, и установления *ан-архии*, как говорил Прудон.

„Мы хотим *равенства* и вот почему мы и требуем уничтожения привилегий собственности.

[1]) „Письма о патриотизме" переведены по русски и помещены в четвертом томе сочин. Бакунина. изд. „Голос Труда" Петербург. 1920 г. стр. 78—110.

„Мы хотим *братства* и вот почему мы боремся с патриотическими и религиозными предрассудками, которые разделяют людей и являются источником войн между ними."

Летом 1869 г. в Швейцарии произошел возмутительный случай, вызвавший много шума в европейской печати. В Швейцарии проживала хорошая знакомая Бакунина княгиня Оболенская. Проникнувшись передовыми идеями она хотела воспитать своих детей в любви к свободе, в уважении к труду и людям. Это решение и ее близкое знакомство с Бакуниным возмутили петербургские придворные сферы, к которым раньше была близка княгиня Оболенская. Великая княгиня Мария Лихтенбергская, сестра императора и бывшая подруга княгини Оболенской, с негодованием рассказывала при дворе о том, какое демократическое воспитание дает княгиня Оболенская своим детям, как она заставляет их работать, ходить пешком и жить простой жизнью. В это дело решил вмешаться сам царь. Он написал княгине Оболенской письмо, требуя, чтобы она немедленно вернулась с детьми в Россию. Княгиня Оболенская отказалась. Тогда царь приказывает князю Оболенскому, бывшему мужу княгини, которая уже давно разошлась с ним— воспользоваться своими правами мужа и отца и силой привезти в Россию, если не мать, то, по крайней мере детей.

В тоже время Император дал приказ своему канцлеру князю Горчакову оказать содействие князю Оболенскому, Горчаков приказывает сделать это русскому послу в Швейцарии, этот последний рекомендует князя Оболенского Федеральному Совету Швейцарской республики и указывает на желание и волю императора. Федеральный Совет посылает князя Оболенского с наилучшими рекомендациями к лозанскому кантональному правительству, в кантоне которого проживала княгиня Оболенская с детьми. Кантональное правительство отдало приказ префекту города Веве, где жила Оболенская, оказать содействие князю. И вот 13-го июля в Веве разыгрался

дикий акт произвола. Утром 13-го июля на квартиру Оболенской явился ее бывший муж в сопровождении префекта мирового судьи и жандармов. Несмотря на протесты Оболенской, жандармы схватили ее детей и не дав им проститься с матерью, посадили в экипажи и увезли.

За несколько месяцев до этого события Оболенская советовалась с несколькими швейцарскими юристами относительно возможности разлучения ее с детьми. Но все юристы категорически ответили, что ей нечего опасаться в их стране, где свобода каждого гарантирована законом и где никакая власть не может предпринять ничего без суда и без предварительного разрешения швейцарского трибунала.

Этот случай глубоко возмутил Бакунина и он написал по этому поводу брошюру, озаглавив ее „*Бернские медведи и петербургский медведь*", где указывал как призрачна свобода личности даже в республиканском строе основанном на всеобщем избирательном праве.

„Когда было установлено всеобщее избирательное право, пишет Бакунин в этой брошюре, то очень многие подумали, что свобода народа теперь обеспечена". Но это была большая ошибка, хотя, действительно, можно было подумать, что если законодательная и исполнительная власть будут избираться непосредственно народом, то они должны стать выражением народной воли, а что же может дать эта воля, как не свободу?.

Но, в действительности, этого нет и быть не может так как всякая политическая организация неизбежно приходит к отрицанию свободы.

Стремления всех, кто управляет, как тех, кто составляет законы, так и тех, в чьих руках находятся исполнительная власть, диаметрально противоположны стремлениям народа. Каковы бы ни были чувства и демократические стремления власти, ее представители не могут не смотреть на народ с высоты своего положения иначе, чем опекун смотрит на опекаемого. Но между опекуном и опекаемым равенства не может быть. „Когда

есть политическая власть, говорит Бакунин, есть и господство. А там, где существует господство, более или менее значительная часть общества необходимо находится в подчиненном положении, естественно ненавидит тех, кто господствует, должна необходимо подавлять и, следовательно, угнетать тех, над кем они господствуют.

„Такова вечная история политической власти с тех пор, как эта власть появилась в мире. Этим и об‘ясняется, каким образом люди, которые были самыми красными демократами, самыми ярыми бунтарями, когда они были в массе управляемых становятся чрезвычайно умеренными консерваторами, как только попадают в ряды правительства. Обыкновенно такую перемену приписывают измене. Это ошибка; главной причиной ее является перемена перспективы и положения. Не будем забывать, что положение и пред‘являемые им требования всегда сильнее ненависти или злой воли человека.

„Проникнутый этой истиной, добавляет Бакунин, я без боязни могу высказать убеждение, что если завтра будут установлены правительство и законодательный совет, парламент, состоящие исключительно из рабочих, эти рабочие, которые в настоящий момент являются такими убежденными социальными демократами, после завтра станут определенными аристократами, смелыми и откровенными или скромными защитниками принципа власти, угнетателями и эксплоататорами. Мой вывод таков, говорит Бакунин, *нужно совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью, потому что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплоататоры и эксплоатируемые. По уничтожении политической власти нужно ее заменить организацией производительных сил и хозяйственной жизни страны.*

X.

Борьба между „фабричными“ и „рабочими“ в Женеве.— Женевская секция Альянса оффициально принята Главным Советом в Интернационал.

В 1869 г. в Швейцарии прокатилась целая волна стачек, из которых наиболее значительными были стачка ленточников и красильщиков материй в Базеле, стачка типографов в Женеве и, в особенности, стачка строительных рабочих в Женеве. До этого момента в Женеве между так называемыми „фабричными“ рабочими, то-есть мастеровыми, занятыми работой на часовых фабриках, и „рабочими“ работающими в строительном деле и т. п. то-есть между рабочими высоко квалифицированными и неквалифицированными, царило полное согласие.

Но, начиная с осени 1869 г. между этими двумя категориями трудящихся стали происходить некоторые трения. Причиной этого трения явился вопрос об участии рабочих в выборах в Государственный Совет. Многие рабочие часовщики, находясь в лучших условиях чем простые рабочие каменщики, столяры и маляры, отрицательно относились к стачкам и придавали важное значение политической избирательной борьбе.

Все эти трения позднее приняли более резкий характер под влиянием борьбы в самом Интернационале, возникшей на почве признания и отрицания политической борьбы.

Летом 1869 г. Главный Совет Интернационала в конце концов рассмотрел просьбу женевской секции Альянса о принятии ее в среду Интернационала как интернациональной секции. Вопрос о принятии был решен в положительном смысле и в Женеву было послано следующее извещение:

„Секции Альянса социалистической демократии в Женеве.

„Граждане!“.

„Настоящим честь имеем уведомить Вас, что ваше

письмо вмести с программой и уставом нами получены и что Главный Совет принял Вас как секцию Интернационала единогласно“.

за Главный Совет
Главный секретарь *Эккариус*.

XI.

Четвертый общий конгресс Интернационала в Базеле (6—12 сентября 1869 г.)—Резолюции конгресса по вопросам о земельной собственности, о праве наследования, о рабочих союзах.—Столкновение Бакунина и Либкнехта.

Четвертый общий конгресс Интернационала состоялся в Базеле с 6 по 12 сентября 1869 г. На этом конгрессе присутствовало 78 делегатов от девяти стран, а именно: от Англии шесть членов Главного Совета—Эппльгарт, Локрафт, Коуэль-Стэпни, Юнг, Эккариус и Лесснер; от Франции 26 делегатов, в этом числе—Обри, Варлэн, Мюра, Шмале, Толен и Бакунин, от Бельгии 5 делегатов (Хинс, Робэн, Бризмэ, Де-Пап); от Германии 12 (среди них были Беккер, Либкнехт, Мориц Гесс) от Австрии—два делегата; от Швейцарии 23 делегата (в этом числе были Фриц Робер, Пенди, Джемс Гильом) от Италии—три и от Испании—четыре делегата.

Первые три дня конгресс посвятил разбору чисто административных вопросов. Из этих вопросов наиболее существенными и интересными были вопрос о существовании в рабочих союзах и организациях председателей и о правах и полномочиях Главного Совета.

По первому вопросу конгресс принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что недостойно рабочей организации сохранять в своей среде монархический и авторитарный принцип, допуская существование председателей, (даже когда эти последние и не облечены никакой властью), конгресс приглашает все секции и рабочие союзы, входящие в Интернационал, уничтожить председательство в их среде“.

По вопросу о правах и полномочиях Главного Совета и об отношениях между ним и секциями конгрессом были приняты резолюции следующего содержания:

„Каждая новая секция или союз, желающий вступить в Интернационал, должны немедленно сделать об этом заявление Главному Совету.

„Главный Совет имеет право принять секцию в среду Интернационала или отказать в приеме впредь до ближайшего общего конгресса. Главный Совет имеет также право закрыть или распустить старые секции.

„В случае конфликтов между отдельными секциями какой либо страны Главный Совет назначается третейским судьей, впредь до ближайшего конгресса, который один только и может вынести окончательно решение".

Таким образом, Базельский конгресс значительно расширил права и полномочия Главного Совета, облекая его известной властью. Интересно отметить, что это увеличение прав Главного Совета было проведено отчасти под влиянием Бакунина. Бакунин и его друзья сознательно делали в этом отношении измену своим федеративным принципам, так как Бакунин видел в Главном Совете оплот против реакционности некоторых секций Швейцарии. Бакунин считал, что Главный Совет всетаки значительно революционнее чем большинство секций Интернационала.

Из этих резолюций ясно видно отношение Бакунина и его друзей к членам Главного Совета, в том числе и к Марксу. „Наше доверие, говорит Гильом, было настолько слепо, что мы способствовали более чем кто либо проведению этих резолюций, которые давали Главному Совету Интернационала более широкие права и полномочия чем те, какими он пользовался ранее.

Вскоре, как мы увидим ниже, Бакунину и его друзьям пришлось убедиться, что они сделали большую ошибку. Главный Совет, получив расширение своих

прав, постарался использовать свою власть прежде всего против Бакунина и его сторонников [1]).

На базельском конгрессе обсуждался вопрос „о прямом законодательстве“ то-есть вопрос о чисто-политической реформе. Вопрос этот не был поставлен в программу дня, но был поднят делегатом от Цюрихской секции и поддержан некоторыми делегатами, принадлежавшими по своим тенденциям к буржуазным демократам. В числе стоявших за обсуждение вопроса о прямом законодательстве был и делегат от немецких секций Вильгельм Либкнехт, который указывал, что нельзя отделять вопросы социальные от политических.

По вопросу о прямом законодательстве на конгрессе выступил известный германский ученый Риттингаузен, пропагандировавший идею „о прямом законодательстве“ совместно с Виктором Консидераном еще в 1848 году.

Но, несмотря на все старания Риттингаузена, Либкнехта и других, большинство делегатов отвергло этот вопрос и конгресс перешел к обсуждению вопросов, стоявших в порядке дня.

После доклада Главного Совета, конгресс приступил к рассмотрению вопроса о земельной собственности. Как мы уже видели выше, предыдущий конгресс Интернационала в Брюсселе высказался за установление коллективной собственности на землю, но ввиду протеста противников коллективизма, утверждавших, что вопрос этот не подвергался достаточно глубокому обсуждению, было постановлено вновь рассмотреть его на Базельском конгрессе.

Специально избранная Комиссия для выработки резо-

---

[1]) В это время главную роль в Главном Совете Интернационала играл Карл Маркс. Благодаря своей политике он сделался почти полным хозяином в Главном Совете. Имевшие до него влияние в Совете вожди английских рабочих Оджер, Кремер, Поттер и другие не захотели бороться с диктаторскими замашками Маркса и постепенно отстранились от дела.

люции по этому вопросу, предложила конгрессу принять такое решение:

1) Конгресс признает, что общество имеет право отменить частную собственность на землю и передать ее в общее пользование;

2) Конгресс заявляет, что в настоящее время является необходимость в установлении коллективной собственности на землю.

За эту резолюцию высказалось 54 делегата против 4, голосовавших против, и 15 воздержавшихся.

По вопросу о способах организации сельского хозяйства при коллективной собственности на землю мнения делегатов разделились. Часть комиссии, вместе с Беккером, Риттингаузеном и Варленом, считала, что земля должна обрабатываться общинами, проникнутыми духом солидарности, а делегаты от Бельгии Хинс и Де-Пап полагали, что общество может отдавать землю в пользование отдельным земледельцам или сельскохозяйственным товариществам за известную плату, равную земельной ренте.

Вторым вопросом, обсуждавшимся на конгрессе, был вопрос о *праве наследования*, внесенный несколькими французскими делегатами во главе с Бакуниным. Обсудив подробно этот вопрос, конгресс принял следующую резолюцию:

„Признавая, что право наследования, составляющее существенный элемент частной собственности, сильно способствовало переходу земельной собственности и социального богатства в руки немногих, в ущерб большинства, признавая, что право наследования составляет одно из величайших препятствий к переходу земли в общее владение, а, с другой стороны, препятствуя людям пользоваться одинаковыми средствами материального и духовного развития, оно представляет несправедливую привиллегию;

„Конгресс высказывается за полную и радикальную отмену права наследования, так как это является одним из необходимых условий освобождения труда“.

От имени Главного Совета Эккариус представил доклад, выражавший взгляды на этот вопрос Маркса. Согласно Марксу, право наследования является не причиной, а следствием, юридическим результатом современной экономической организации общества; поэтому отмена права наследования должна явиться результатом социальной революции, а не предшествовать ей. Уничтожить право наследования при современном строе так же невозможно, как невозможно уничтожить закон спроса и предложения, сохранив в то же время современную организацию обмена.

Бакунин выступил на конгрессе по этому вопросу с большой речью, в которой он указал, что так как „право наследования, являясь следствием наследственного присвоения естественных и социальных богатств, сделалось затем основой политического государства и юридической семьи, то необходимо для установления нового общественного строя уничтожить право наследования“.

При голосовании вышеприведенной резолюции по вопросу о праве наследования, выражавшей взгляды Бакунина, за эту резолюцию высказалось 32 делегата, против 23 при 13 воздержавшихся, а за предложение Главного Совета, выражавшее мнение Маркса, высказалось 19 делегатов, против 37 и 6 воздержавшихся.

Это было первое столкновение двух течений существовавших в Интернационале и олицетворявшихся в личностях Маркса и Бакунина и с этого момента Карл Маркс увидал в Бакунине сильного противника и поэтому решил начать с ним борьбу, которая как увидим ниже, и послужила отчасти одной из причин гибели Интернационала [1]).

После обсуждения вопроса о праве наследования конгресс перешел к обсуждению вопроса *о рабочих союзах сопротивления.* Докладчик по этому вопросу

---

[1]) После принятия конгрессом резолюции о праве наследования, Эккариус громко сказал: „Маркс будет этим очень недоволен“.

французский делегат столяр Пенди в своем обширном докладе подробно развил идею о необходимости создания рабочих союзов для борьбы с капиталом и для организации производства и потребления в социалистическом обществе.

По мнению Пенди, рабочие союзы должны об'единяться между собою в федерации, сначала местные, затем национальные и, в конце концов, международные. Пенди указывал также, что в будущем обществе эти союзы должны будут образовать свободные коммуны, во главе которых будут стоять советы делегатов от профессиональных рабочих союзов, которые, регулируя отношения разных профессий между собою, заменят собою современные политические учреждения

Конгресс принял предложенную Пенди резолюцию, в которой все рабочие приглашались вступить в свои профессиональные союзы. Эти союзы должны „в интересах своей отрасли промышленности собирать все необходимыя сведения, обсуждать общие вопросы, руководить стачками, заботясь об их успешном окончании, до тех пор, пока система наемного труда не будет заменена союзом свободных производителей“.

Стоявшие в порядке дня вопросы *о кредите* и *интегральном воспитании* конгресс оставил без рассмотрения за недостатком времени; они были отложены до будущего конгресса, который должен был собраться в сентябре 1870 г. Местом этого конгресса был избран Париж.

Во время заседаний Базельского конгресса произошол инцидент, между Либкнехтом и Бакуниным. Этот инцидент был первым предвестником той борьбы, которая вскоре разгорелась в Интернационале. Дело заключалось в следующем: Вильгельм Либкнехт незадолго перед тем в одной своей брошюре заявил, что „Бакунин является шпионом русского правительства, которое и дало ему поэтому возможность убежать из Сибири“.

Бакунин, возмущенный этой чудовищной клеветой, потребовал от Либкнехта, чтобы он представил на ба-

зельский конгресс неопровержимые доказательства своих обвинений, угрожая в противном случае назвать его на конгрессе публично „подлецом и негодяем“.

Когда Либкнехт приехал на конгресс в Базель, Бакунин потребовал, чтобы его дело с ним было передано на третейский суд. На суде Либкнехт в свое оправдание сказал, что он был введен в заблуждение и поэтому раскаивается в своем поступке.

Третейский суд обвинил Либкнехта в преступном легкомыслии и высказал ему порицание. Когда Бакунин получил протокол судебного разбирательства, он, показывая его Либкнехту, разорвал его на клочки и Либкнехт пожал Бакунину руку.

Однако, Либкнехт не счел нужным, вернувшись в Германию, опровергнуть свою клевету относительно Бакунина, наоборот, уже после этого он снова напечатал в издаваемой им газете корреспонденцию Морица Гесса из Парижа, где повторялась та же версия о том, что Бакунин шпион царского правительства.

XII.

От'езд Бакунина из Женевы.—Нападки Морица Гесса на Бакунина.—Ответ Бакунина.

В октябре месяце 1869 г. Бакунин решил, вследствие своих семейных дел, переехать из Женевы в Лугано. От'езд Бакунина из Женевы был назначен на 17-ое октября, но Бакунин задержался в Женеве вследствие появления в парижской газете „Пробуждение“ статьи Морица Гесса написанной против него. В этой статье Гесс злобно критиковал идеи Бакунина и поднимал снова старый вопрос о том, что Бакунин является агентом русского царского правительства.

Как известно еще вскоре после Дрезденского восстания в 1848 г., в котором Бакунин играл руководящую роль, Карл Маркс, очень хорошо знавший Бакунина, пустил нелепый слух, что Бакунин является царским *шпионом*. Маркс рассказал в своей газете целую

историю, как Жорж Занд слышала от Ледрю-Роллена, что когда он был министром внутренних дел, то он видел какую то компрометирующую Бакунина переписку. Бакунин тогда сидел в тюрьме, и ничего не подозревал. Друг Бакунина А. Рейхель, узнав о статье Маркса против Бакунина, написал Жорж Занд и спросил ее в чем дело? Она тотчас же ответила Рейхелю и послала письмо в редакцию газеты Маркса, отзываясь с величайшей дружбой о Бакунине; она прибавляла, что вообще *никогда не говорила* с Ледрю-Ролленом о Бакунине, в силу чего не могла сказать и напечатанного в газете. Маркс поместив письмо Жорж Занда в своей газете, снабдил его примечанием, что заметка о Бакунине была помещена во время его отсутствия .. Однако через год после этого, в то время, как Бакунин был погребен заживо в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, по инициативе друзей Маркса, в английской газете Morning Advertiser вдруг был поднят вопрос „был-ли Бакунин русским агентом или нет?“. Газета отвечала на этот вопрос утвердительно.

Позднее, когда Бакунин, бежав из Сибири, снова попал в Европу, этот вопрос снова был поднят на этот раз Вильгельмом Либкнехтом, который также утверждал, что Бакунин русский шпион. Это дело служило предметом третейского разбирательства во время базельского конгресса и, как мы видели выше, Либкнехт перед судом сознался, что был введен относительно Бакунина в заблуждение.

В 1869 г. вопрос о шпионстве Бакунина снова был поднят марксистами и на этот раз через посредство Гесса, без сомнения, это делалось не без участия самого Маркса [1]).

---

[1]) О своих отношениях к Марксу сам Бакунин разсказывает так: „Герцен мне говорил в 1862 г. когда Бакунин был в Лондоне), что гражданин Карл Маркс принимал активное участие в клеветах на меня. Я этому не удивлялся очень, зная по прежнему опыту,—так как я знаю Маркса с 1845 г.,--что знаменитый социалист

Бакунин, прочитав статью Гесса, был страшно возмущен и тотчас же написал письмо в редакцию „Пробуждения". В то же время он решил написать обстоятельную брошюру, в которой он хотел изложить свои идеи и взгляды и описать всю свою деятельность со времени бегства из Сибири, чтобы фактами своей жизни доказать, что он не мог быть никоим образом агентом русского правительства или панславистской партии.

Свою брошюру Бакунин решил озаглавить так: „*Исповедь русского демократа социалиста, с приложением очерка о немецких евреях*". Написав несколько глав этой брошюры, Бакунин послал рукопись Герцену, прося его прочитать ее, исправить и напечатать.

Брошюра Бакунина Герцену не понравилась и он написал Бакунину по этому поводу письмо, в котором высказывал свое удивление, почему он хочет вести полемику с такими людьми, как Гесс, вместо того, чтобы открыто начать борьбу с самим Карлом Марксом, который является истинным вдохновителем и Гесса и Либкнехта и всех других немецких социалистов, выступавших против Бакунина.

Бакунин ответил Герцену большим письмом, в котором высказывал свои мотивы, почему он оставляет самого Маркса в покое. Бакунин писал:

немецкий, которого великим качествам я отдавал и не премину отдавать всегда полную справедливость, имеет однако же в своем характере некоторые черты, которыя с меньшим удивлением встретил бы у еврейского беллетриста, корреспондента немецких газет, чем у такого серьезного, у такого горячаго защитника человечества и справедливости. Поэтому, прибыв в Лондон в 1862 г., я удержался от визита ему, мало желая возобновлять свое с ним знакомство. Но в 1864 г. при моем проезде через Лондон, он пришел ко мне сам и уверял меня, что он не принимал ни прямо, ни косвенно участия в этих клеветах, которые он считал сам гнусными. Я должен был этому верить". (La théologiè politique de Mazzini et l'Internationale. 1871. p. 46).

„На счет Маркса вот мой ответ: я знаю также хорошо, как и ты, что Маркс точно также виноват против меня как и все другие, и даже, что он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, взводимых на нас [1]). Почему же я его пощадил и даже похвалил? По двум причинам, Герцен. Первая причина—*справедливость*. Оставив в стороне все его гадости против нас, нельзя не признать, я по крайней мере не могу не признать за ним огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергически и верно, вот уже скоро 25 лет...

„Вторая причина *политика*, и по моему совершенно верная *тактика*... Маркс несомненно полезный человек в Интернационале. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма —одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов. И я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести, я бы уничтожил или даже уменьшил его несомненно благодетельное влияние. А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну,

---

[1]) Маркс вел также клеветническую компанию и против Герцена, обвиняя его в том, что он состоит агентом Наполеона III. В 1869 г. в „Аугсбургской газете“ Маркс писал (анонимно), что „Герцен, по самым верным источникам, получает большие деньги от Наполеона. Его близкие сношения с Палэ-Ройялем были и прежде не тайной“. Уже после смерти Герцена Маркс писал: „Герцен, несмотря на то, что он сам был богатым человеком, получал ежегодно 25000 рублей на пропаганду от дружественной ему псевдо социалистической панславистской партии в России. Благодаря громким славословиям Бакунина, прибавляет Маркс, эти деньги перешли *к нему*, и Бакунин таким образом в денежном и *моральном* отношении вступил во владение „*наследством* Герцена“.

тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, теперь же время еще не пришло“...

Между тем в это время на женевском горизонте появилась новая личность, ставшая вскоре орудием Маркса в его борьбе с Бакуниным. Это был русский эмигрант Николай Утин.

Утин—личность сама по себе ничтожная и в политическом отношении ничего не представляющая, начал играть некоторую роль в социалистическом движении благодаря своим деньгам [1]). Он был сын очень богатого еврея откупщика и слыл среди революционеров за миллионера. Утин эмигрировал из России за-границу после студенческих беспорядков в Петербурге в 1863 г. и некоторое время жил в Англии, где и познакомился с Карлом Марксом. Переехав затем в Швейцарию, Утин старался первое время завязать дружбу с Бакуниным и выдавал себя за друга Чернышевского. Но, Бакунин с первого же раза почувствовал к Утину антипатию и еще на конгрессе Лиги Мира и Свободы в Берне порвал с ним всякие сношения. Последующие события показали, что Бакунин был прав. Утин начал по поручению Маркса компанию против Бакунина и его дружба нужна была ему только для того, чтобы узнать лучше слабые стороны своего врага.

XIII

Развитие Интернационала после Базельского конгресса.

1869 год был эпохой расцвета Международного Товарищества Рабочих. Сила его становится огромной. Его секции можно было в это время встретить во всех государствах Европы и Америки. Число его членов доходило до двух миллионов человек.

В *Швейцарии* в каждом значительном городке или промышленном местечке существовала своя секция

[1]) В последствие Утин стал ренегатом, был помилован царем и вернулся в Россию.

Интернационала, включавшая наиболее передовые и активные элементы рабочих. Романская Федерация, насчитывавшая при своем основании 37 секций, имела в 1869 г. уже 47 секций.

Во *Франции*—в Париже, Лионе, Марселе, Руане и во всех наиболее крупных городах быстро увеличивался приток новых членов в секции. Французское правительство возбудило тогда третий процесс против интернационалистов и приговорило 34 человека членов Парижской секции к тюремному заключению и штрафу. В *Бельгии* Интернационал также продолжал развиваться под влиянием пропаганды Цезаря де-Папа, Хинса, Бризмэ и других. По примеру Бельгии, в *Голландии* также возник целый ряд интернациональных секций. В *Англии* члены Интернационала, рабочие тред-унионисты организовали „Земельно-Трудовую Лигу“, выставившую на своем знамени лозунг „национализация земли“. Но особенно сильно шло развитие Интернационала в Испании, где друзья Бакунина сумели привлечь на сторону Интернационала широкие массы рабочих.

Влиятельная английская буржуазная газета „Таймс“ в одном из своих нумеров вынуждена была отметить этот успех и рост Интернационала. „Мы признаемся, говорилось в газете, что мы смеялись раньше над этой странной организацией. Можно-ли было думать четыре года тому назад, что эта организация будет иметь такое значение, можно-ли было предугадать ее влияние на рабочих и ее быстрое, неслыханное развитие. Движение охватившее ныне рабочих всех стран, напоминает собою первые века христианства“.

Однако, период расцвета Интернационала явился вместе с тем и началом периода его упадка. С этого момента, когда различные теоретические тенденции были более или менее ясно очерчены, между этими течениями разгорелась борьба, на первые проявления которой мы уже указали выше.

XIV.

Бакунин в Локарно.—Перевод Бакуниным „Капитала“— Бакунин и Нечаев.—„Частное сообщение“ Главного Совета Интернационала относительно Бакунина. Секретное сообщение Маркса по делу Бакунина.

Покинув Женеву, Бакунин решил поселиться в Лугано, но, так как в это время в Лугано жил Мадзини, с которым Бакунин вел борьбу, то он избрал местом своего жительства городок Локарно. Бакунин в это время сильно нуждался и поэтому он охотно принял предложение петербургского издателя Полякова перевести на русский язык, книгу „Капитал“ Карла Маркса. Плата за перевод была назначена 900 рублей. В виде аванса Бакунин получил 300 рублей.

Во время появления первого тома „Капитала“ по-немецки в 1867 Маркс еще был в хороших отношениях с Бакуниным и прислал ему через Беккера свою книгу. Получив первый том „Капитала“, Бакунин позабыл своевременно отблагодарить Маркса и когда об этом узнал передавший книгу Беккер, то он сказал Бакунину: „как, ты до сих пор не написал Марксу о получении его книги? Маркс никогда не простит тебе этого“.

Вспоминая об этом факте в письме от 7 мая 1872 к Анзельмо Лоренцо, Бакунин говорит, что он не думает, чтобы это „могло послужить причиной враждебных действий со стороны Маркса и марксистов“. Но, безсомнения, и этот мелкий факт имел свое влияние на усиление вражды Маркса к Бакунину. Однако, несмотря на эту вражду Бакунин хорошо отзывался о „Капитале“ и считал, что его необходимо перевести как можно скорее на русский язык, вследствие чего он и согласился взять перевод.

Занимаясь литературной работой, Бакунин продолжал свою чисто революционную деятельность и неутомимо вел пропаганду, организовывал кружки и т. д. Бакунин стремился распространять идеи социализма среди русской учащейся молодежи, приезжавшей в Швейцарию

К этому периоду относится знакомство Бакунина с известным революционером Нечаевым, который принес много зла Бакунину и дал повод Марксу для обвинения Бакунина в самых неблаговидных поступках, как увидим это ниже.

Нечаев, учитель одного городского училища в Петербурге, вел революционную пропаганду среди студентов. В марте 1869 г. он явился в Женеву, выдавая себя за делегата петербургских студентов и утверждая, что он убежал из крепости. Приехав в Женеву, Нечаев познакомился с Бакуниным и сразу же очаровал его своей фанатической преданностью делу революции. Нечаев считал, что для торжества революции можно употреблять все средства—ложь, обман, подкуп и убийство; признавая, что „цель оправдывает средства“ он не останавливался ни перед чем.

Пробыв в Женеве несколько месяцев, Нечаев летом 1869 г. уехал в Россию для организации революции. Осенью 1869 г. он приехал в Москву и здесь начал вести пропаганду среди студентов, выдавая себя за представителя сильного и многочисленного социально-революционного союза. Встретив недоверие и подозрительное к себе отношение со стороны студента Петровской академии, Иванова, Нечаев убедил нескольких товарищей в том, что Иванов шпион, и заставил их убить его. Убийство было совершено в парке Петровской Академии, но было вскоре обнаружено полицией и в Москве среди студенчества начались аресты. Самому Нечаеву удалось бежать заграницу и он снова очутился в Швейцарии.

В это время Бакунин переехал уже в Локарно и занимался переводом „Капитала“. Приехав к Бакунину в Локарно и увидя его за переводом сочинения Маркса, Нечаев стал уговаривать Бакунина бросить эту работу, говоря, что нужно посвятить себя всецело революционному делу. Когда Бакунин в ответ на это стал указывать, что он заключил с издательством договор и получил 300 рублей в задаток, Нечаев обещал Бакунину

найти переводчиков для окончания работы и сказал, что он вообще постарается уладить это дело с издателем Поляковым.

Бакунин, не зная еще хорошо характер Нечаева, вполне доверился ему и согласился на его предложение Но, тогда Нечаев начал переговоры с издателем по своему. Он написал издателю угрожающее письмо от имени „русского революционного комитета“, где указывал, что „комитету понадобились услуги Бакунина и что поэтому Бакунин кончить перевода не может. Письмо заканчивалось угрозой, что в случае если издатель будет настаивать на выполнении заключенного условия, то русский революционный комитет предпримет в таком случае по отношению к издателю репрессивные меры [1]).

Об этом поступке Нечаева Бакунин узнал лишь в мае 1870 г. то-есть спустя более трех месяцев. Бакунин был страшно возмущен и тотчас же написал письмо издателю, что он не причастен к письму Нечаева и будет продолжать перевод, хотя он в это время уже разочаровался в сочинении Маркса и в письме к Герцену от 4-го Января 1870 г. называет „Капитал“ Маркса „экономической метафизикой“.

В то же время Бакунин порвал всякие сношения с Нечаевым и в письме к своему другу французу Таландье, которому он раньше рекомендовал Нечаева, так говорит о нем: „я узнал, что Н(ечаев) явился к вам и что вы поспешили дать ему адрес ваших друзей (М. и его жены). Я заключаю из этого, что два письма,

[1]) П. А. Кропоткин читал это письмо Нечаева и говорит, что насколько он помнит, письмо не содержало никаких особенных угроз. Нечаев указывал издателю лишь на то, что Бакунин мог бы употребить свое время на более полезное и важное дело, чем перевод сочинения Карла Маркса. Возможно, говорит П. А. Кропоткин, что письмо заканчивалось какой нибудь фразой, имевшей тот смысл, что если издатель будет настаивать на выполнении Бакуниным взятой им работы то со стороны революционного комитета будут приняты свои меры.

которыми О, и я предупреждали и умоляли вас не принимать его, пришли к вам слишком поздно,—и без всякого преувеличения, я считаю последствия этого запоздания за истинное несчастье. Вам может показаться странным, что мы советуем не принимать человека, которому дали рекомендательные к вам письма, написанные в выражениях самых горячих. Но эти письма от мая месяца, а с тех пор мы убедились в существовании вещей, столь важных, что они нас заставили прервать всякие сношения с Н.... [1])

Далее в своем письме Бакунин говорит, что Нечаев в своей деятельности придерживается политики Макиавели и вполне усвоил правило иезуитов: для тела — одно насилие, для души—ложь. Бакунин добавляет, что для Нечаева нет на свете ничего святого и что он способен на все — на ложь, обман, воровство и убийство. В виду всего этого Бакунин категорически настаивал закрыть двери своего дома перед Нечаевым и его товарищами.

Письмо Нечаева к издателю Полякову относительно перевода „Капитала“ стало известно Карлу Марксу и он воспользовался этим фактом, чтобы обвинить Бакунина в мошенничестве и шантаже. Хотя Маркс и узнал о протесте Бакунина против письма Нечаева и узнал также, что Бакунин порвал после этого всякие отношение с Нечаевым, тем не менее он продолжал приписывать составление письма самому Бакунину и даже многие прокламации и воззвание Нечаева приписывал Бакунину, чтобы дискредитировать его в глазах деятелей рабочего интернационального движения.

Карл Маркс внимательно следил за каждым шагом Бакунина и за всем тем, что происходило в швейцарском рабочем движении. Всякое недовольство швейцарцев Главным Советом Интернационала или критическое отношение к нему Маркс приписывал интригам Бакунина.

Так, например, в январе месяце 1870 г. в газете

---

[1]) Бакунин подразумевает здесь поступок Нечаева с издателем Поляковым.

„Равенство“, редактором которой был Робэн, появилась статья (написанная Робэном), в которой Главному Совету ставилось на вид, что он не выполняет параграф второй регламента, согласно которому Главный Совет должен был издавать регулярные отчеты о своей деятельности. На это Главный Совет ответил молчанием. Маркс был уверен, что статья была внушена Бакуниным. Тогда Робэн снова обратился к Главному Совету, прося его дать некоторые об‘яснения о происходившем в то время расколе среди немецких социалистов.

В ответ на это Главный Совет прислал Федеральному Комитету Интернационала Романской Швейцарии „частное сообщение“, в котором говорилось,—что „Главный Совет не считает своим долгом входить в сношения с редакциями газет, хотя и являющихся органами интернациональных секций“. Что же касается того, что Главный Совет не издает регулярно ежемесячных отчетов о своей деятельности, то это упущение Главный Совет приписывал тому, что у него нет необходимых денежных средств и сведений о движении в разных странах.

Между тем редакция газеты „Равенство“ совершенно не зная о факте рассылки Главным Советом „частного сообщения“, в котором Главный Совет отвечал на запросы, сделанные редакцией, решила снова обратиться к Главному Совету с требованием об‘яснить, почему Главным Советом не издаются отчеты. Робэн и Перрон составили по этому поводу письмо Главному Совету. Письмо это было подписано Гильомом, Варленом и Бакуниным, который, как он заявил, подписал его только из чувства товарищеской солидарности. Но, несмотря на эту оговорку, Марксу было вполне достаточно подписи Бакунина, чтобы приписать все это дело Бакунину. Так постепенно усиливалось и нарастало чувство вражды и неприязни между Марксом и Бакуниным.

В это время в Женеве против Бакунина затевалась новая интрига. Николай Утин вместе с Беккером решили войти в женевскую секцию Альянса с тем чтобы изменить программу „союза социалистической демократии“.

Бакунин, узнав об этом поспешил в апреле месяце 1870 г. приехать в Женеву, чтобы помешать намерениям Беккера и Утина. На собрании секции „Альянса“ большинство присутствовавших стало на сторону Бакунина и Утин вынужден был выйти из секции. После этого Утин вместе с Трусовым основали в Женеве „русскую секцию Интернационала“. Секция выбрала своим представителем в Главный Совет Карла Маркса. Утин стал издавать газету „Народное Дело“, которая являлась как бы органом русской секции. Одной из задач этой газеты являлась „борьба с устарелыми и вредными идеями панславизма“.

Маркс, согласившись быть представителем русской секции в Главном Совете, написал Утину письмо, в котором он просил Утина собирать материалы, могущие послужить в борьбе с Бакуниным.

На основании материалов, отчасти собранных самим Марксом, а отчасти доставленных ему Утиным, Маркс 28 марта 1870 г. составил и послал Брауншвейгскому Комитету свое обвинение против Бакунина, озаглавив его *„Секретное сообщение“*. Вот этот документ полностью и в дословном переводе:

Международное Товарищество Рабочих.
Главный Совет. Лондон.

Секретное сообщение.

Русский Бакунин (хотя я его знаю с 1843 г., но я умалчиваю обо всем, что не безусловно необходимо для понимания нижеследующего) вскоре после основания Интернационала имел свидание с Марксом в Лондоне. Последний принял его в число членов этого общества, для которого Бакунин обещал работать изо всех сил. Бакунин отправился в Италию, и получив там посланные Марксом *временный устав* и *„обращение к трудящимся классам“* ответил „с большим энтузиазмом,“ но не делал ничего. Спустя несколько лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он снова появился в Швейцарии. Там он примкнул не к „Интерна-

ционалу", а к „Лиге мира и свободы". После конгресса этой лиги мира (в Женеве, в 1867 г.), Бакунин попал в *исполнительный* комитет лиги, но встретил в нем противников, которые не только не позволяют ему оказывать „диктаторское" влияние, но и следят за ним, как за „подозрительным *русским*". Вскоре после брюссельского конгресса (в сентябре 1868 г.) Интернационала состоялся конгресс *Лиги мира* в Лозанне. На этот раз Бакунин выступил в роли firebrand — „зажигателя" — и заметим между прочим—свои нападки на западную буржуазию он делал в таком тоне, в каком московские оптимисты (sic) нападали на западную цивилизацию, чтобы извинить свое собственное варварство. Он предложил целый ряд резолюций, которые *будучи сами по себе нелепыми*, были рассчитаны на то, чтобы нагнать страх на буржуазных кретинов и дать возможность господину Бакунину с треском выйти из Лиги Мира и вступить в Интернационал. Достаточно сказать, что программа предложенная им лозаннскому конгрессу, содержит в себе такие нелепости, как „*равенство классов*," *отмена права наследования* и т. д. Бессмысленная болтовня и целый ряд пустых фраз, претендующих на страшное значение, короче говоря, пошлая импровизация, которая была рассчитана только на то, чтобы произвести минутный эффект. Друзья Бакунина в Париже (среди которых находится один русский издатель Revue positiviste) и в Лондоне указали всему миру на уход Бакунина из Лиги Мира, как на un événement (событие) и превозносили его странную программу—эту olla potrida избитых истин—как нечто удивительно страшное и оригинальное.

Тем временем Бакунин вступил в „Романскую ветвь"[1]) Интернационала. Нужны были годы, чтобы он решился сделать этот шаг, но не прошло и нескольких дней после его вступления, как господин Бакунин решил про-

---

[1]) Маркс называет здесь почему то Романскую Федерацию Интернационала —Branche Romane, т. е. „Романской ветвью."

извести в Интернационале переворот и превратить его в *свое* орудие.

За спиною Лондонского Главного Совета, который был извещен об этом лишь после того, как все было уже *подготовлено*—он образовал так называемый „Союз (Альянс) социалистов-демократов.“ Программа этого общества была таже самая, которую Бакунин предложил лозаннскому конгрессу Лиги мира и свободы. Следовательно общество это с самого начала своего существования приняло форму общества пропаганды специфически бакунинской тайной мудрости, и сам Бакунин, один из самых невежественных людей в области социальной науки, является основателем секты[1]). Но теоретическая программа этого „альянса“ была не более, как фарсом. Серьезная сторона этого предприятия заключалось в его практической организации. Это общество должно было стать *международным* с центральным комитетом в Женеве, т.—е. находиться под личным руководством Бакунина. Но в то же время оно должно было образовать интегральную составную часть Интернационала. Его секции должны были с одной стороны принимать участие на предстоявшем конгрессе Интернационала (в Базеле) и в то же время на ряду с названным конгрессом устроить свой собственный и т. д.

---

[1]) Бакунин некогда не выдавал себя за ученого. Он был самого скромного мнения о себе на этот счет. Так. в одном из писем к Герцену и Огареву. Бакунин говорит: „ у меня нет Герценовского таланта, - принимая слово талант в обширном не только в литературным смысле . Но во мне всетаки есть сила, полезная и благородная... обречь ее на бездействие я не хочу да и не имею права...“ В другом письме к Герцену Бакунин пишет:... „прибавлю без задней мысли, но с полной радостью, что я тебя ставлю во всех отношениях горазде выше себя, по способностям и знанию...“ (Письма Бакунина к Герцену и Бакунину (письма 1862 г.) Выше мы приведили несколько писем Бакунина, в которых он, говоря о Марксе, так же признавал превосходство Маркса в области науки, нисколько не претендуя быть соперником Маркса в экономических знаниях.

Людьми, находившимися первое время в распоряжении Бакунина, были лица, составлявшие тогдашнее большинство федерального комитета Романской федерации; в их числе находился и Ж. Ф. Беккер, который в пылу пропаганды иногда теряет голову. В Италии и в Испании у Бакунина было несколько союзников.

Главному Совету в Лондоне все это было отлично известно. Однако, он позволил Бакунину спокойно продолжать действовать до того момента, когда последний был вынужден представить через Ж. Ф. Беккера на одобрение Главного Совета устав (вместе с программой) „Альянса социалистов—демократов“. На это последовало подробно-мотивированное решение—составленное вполне „юридически“ и „об‘ективно“, но полное иронии—заканчивающееся следующим:

1) Главный Совет не принимает „Альянса“, как *секцию* Интернационала.

2) Все параграфы устава „Альянса“, касающиеся его отношения к „Интернационалу“, об‘являются *недействительными.*

В мотивах ясно и убедительно доказывалось, что „Альянс“ есть ничто иное, как орудие для дезорганизации Интернационала.

Этот удар явился для Бакунина неожиданностью. Бакунин превратил уже в *свой* орган газету „Равенство,“ центральный орган Романской Федерации Интернационала; кроме того, он начал издавать в Локле свой маленький оффициоз „Прогресс.“ „Прогресс“ еще и теперь играет эту роль, выходя под редакцией фанатического последователя Бакунина, некоего Гильома.

После размышлений, продолжавшихся несколько недель, центральный комитет „Альянса“—за подписью женевца Перрона - наконец, прислал ответ Главному Совету. Центральный Комитет соглашался в этом письме, что в интересах дела он готов пожертвовать самостоятельностью Альянса и готов самоупраздниться, но только под одним условием, а именно под тем условием, чтобы

Главный Совет заявил, что он признает его *„радикальные принципы“*.

Генеральный Совет ответил: выносить теоретические решения по поводу программ различных секций—не его функция. Он должен заботиться лишь о том, чтобы в них не заключалось ничего, прямо противоречащего уставу и духу Интернационала. Вследствие этого он должен настаивать на том, чтобы из программы „Альянса“ была вычеркнута нелепая фраза о *равенстве классов* и заменена словами *„уничтожение классов“* (что и было исполнено Комитетом Альянса). Затем Главный Совет указывал, что Альянс может вступить в Интернационал, но не как целая организация, имеющая международный характер, но как отдельные секции; для этого в Главный Совет Интернационала должен быть представлен список всех секций Альянса (что не было исполнено).

После этого инцидент казался исчерпанным. „Альянс“ *номинально* распустил себя, но *фактически* он продолжал существовать под руководством Бакунина, который вместе с тем играл руководящую роль и в федеральном Комитете Романской Федерации Интернационала. К прежним газетам, бывшим послушным орудием в руках „Альянса“ прибавилась еще „Конфедерация“ в Барселоне (а после Базельского конгресса Интернационала и „Равенство“ в Неаполе).

Бакунин стал стремиться теперь достигнуть своей цели—превратить Интернационал в свое личное орудие—другим путем, а именно,—через наш федеральный Комитет Романской Федерации он внес в Главный Совет предложение включить в порядок дня базельского конгресса Интернационала вопрос о „праве наследования“. Главный Совет из'явил свое согласие на это для того, чтобы решительным ударом сразу покончить с Бакуни-

зым [1]). План Бакунина был таков: Базельский конгресс принимая принципы, выставленные Бакуниным в Лозанне, тем самым покажет всему миру, что не Бакунин перешел к Интернационалу, а Интернационал присоединился к Бакунину. Отсюда прямо вытекало, что Лондонский Главный Совет (Бакунину было известно, что Совет против разогревания этой vieillerie St--Simoniste о праве наследства [2]) должен уйти в отставку и базельский конгресс перенесет местопребывание Главного Совета Интернационала в Женеву, т. е. Интернационал подпадет под диктатуру Бакунина.

Бакунин составил форменный заговор с целью обеспечить за собою большинство на базельском конгрессе, Не было недостатка даже и в фальшивых мандатах, как например, мандат Гильома из Локля. Сам Бакунин выпросил себе мандаты от Неаполя и Лиона. В то же время распространялись клеветы на Главный Совет. Одному говорили, что в нем преобладают *буржуазные элементы*, другому, что он является центром *авторитарного коммунизма*. Исход базельского конгресса

[1]) Читателю теперь будет понятно недовольство друзей Маркса, когда на Базельском конгрессе по вопросу о праве наследства большинство делегатов приняло резолюцию Бакунина а не Главного Совета (т.—е. Маркса), что и заставило Эккариуса воскликнуть: „Маркс будет этим очень недоволен!

[2]) По французски в тексте. То, что Маркс презрительно называет „сен-симонистской ветошью,“ мы находим в самом „*Манифесте Коммунистической Партии*“ Маркса и Энгельса, написанном ими в 1847 г. Так в параграфах 52 и 53 мы читаем: „первая обязанность рабочей революции, это —сделать пролетариат господствующим класом... Должны быть приняты переходные меры, которые хотя и покажутся с первого раза недостаточными, но которые будут необходимы как средство революционизировать весь способ производства... К этим мерам принадлежат:... Экспроприация земельной собственности... 2) Прогрессивный подоходный налог; 3) *Уничтожение права наследования....* и т. д.

известен. Предложенне Бакунина не были приняты [1]; и Главный Совет остался в Лондоне.

Досада, вызванная этой неудавшейся затеей—с успехом которой Бакунина связывал, быть может, всякого рода частные спекуляции—„in seines Herzens geist und Empfindung" [2]).—нашла себе исход в раздражительных статьях в газетах „Равенство" и „Прогресс". Газеты эти тем временем принимали все более и более тон оффициальных оракулов. То та, то другая швейцарская секция Интернационала исключалась, так как они вопреки ясному предписанию Бакунина принимали участие в политическом движении и т. д. Наконец, долго сдерживаемая ярость против Главного Совета прорвалась наружу. „Прогресс" и „Равенство" стали критиковать, нападать и заявлять, что Главный Совет не исполняет своих обязанностей, например, относительно издания периодических отчетов, что Главный Совет должен снять с себя дело прямого контроля над Английскими секциями а для этого создать рядом с собою Центральный Комитет Английских секций, который и занимался бы исключительно английскими делами; указывалось, что резолюции Главного Совета по поводу арестованных фениев являются превышением его полномочий, так как он не имеет права заниматься чисто политическими вопросами. „Прогресс" и „Равенство" вступались, далее, за Швейцера и категорически требовали, чтобы Главный Совет оффициально и публично дал об'яснение по делу Либкнехта—Швейцера. Газета „Труд" (в Париже), в котором парижские друзья Швейцера помещали статьи, говорящие в его пользу, восхвалялась за это „Прогрессом" и „Равенством" и поэтому „Труд" также выступал против Главного Совета.

---

[1]) Какие предложения! Наоборот, резолюция по вопросу о праве наследства предложенная Бакуниным была принята, а резолюция, предложенная Главн. Совет была отвергнута; больше Бакунин не вносил никаких предложений.

[2]) В духе и в чувствах своего сердца.

В настоящее время настал момент, чтобы вмешаться и поэтому Главный Совет отправил Федеральному Комитету Романской Швейцарии следующее послание:

Главный Совет Интернационала
Федеральному Комитету
Романской Федерации
в Женеве.

„В своем чрезвычайном заседании 1-го января 1870 г. Главный Совет постановил:

1) В нумере газеты „Равенство“ от 11-го декабря 1869 г. мы читаем:

„Несомненно, что Главный Совет пренебрегает делами первостепенной важности... Мы напоминаем Главному Совету о его обязанностях по первому параграфу регламента: „Главный Совет обязан проводить в жизнь резолюции конгресса“... Мы могли бы задать Главному Совету довольно много вопросов, ответ на которые мог бы составить довольно об'емистый том. Эти вопросы будут заданы потом. А пока и т. д.“

Главный Совет не знает такого параграфа ни в своем уставе, ни в своем регламенте, который бы обязывал его вступать в переписку или в полемику с „Равенством“ или отвечать на вопросы какой бы то ни было газеты.

Перед Главным Советом Интернационала секции романской Швейцарии представлены только через Федеральный Комитет Романской Федерации. Если Федеральный Комитет пошлет к нам запросы или выставит против нас упреки единственно законным путем, т.—е. через своего *секретаря*, то Главный Совет всегда будет готов ему ответить. Но Романский Федеральный Комитет не имеет никакого права ни переуступить, ни передавать свои функции газетам „Равенству“ и „Прогрессу“, ни позволять этим газетам узурпировать его функции.

Вообще говоря, чисто административная переписка

Главного Совета с национальными и местными Комитетами Интернационала не может быть опубликована без ущерба для Интернационала. Ибо если другие газеты Интернационала станут подражать „Прогрессу“ и „Равенству“, то Главный Совет очутится скоро пред альтернативой: или дискредитировать себя перед общественным мнением, не давая ответа, или же нарушить свои обязанности, отвечая публично.

2) Если допустить, что заданные газетой „Равенство“ вопросы исходят от Федерального Комитета романской Федерации, то мы готовы на них ответить, но с тем условием, что подобные вопросы не будут нам задаваться вторично таким же путем.

3) По вопросу об издании отчетов.

В резолюциях Лозанского конгресса, включенных в регламент, предписывается, что национальные комитеты должны присылать Главному Совету *материалы* о пролетарском движении и что Главный Совет по получении этих материалов должен опубликовывать *бюллетени* на различных языках „так часто как это позволят ему его средства“.

Согласно этому параграфу обязанность Главного Совета была поставлена в зависимость от условий, которые никогда не были выполнены. Главный Совет не получал с мест даже статистических анкет, которые должны составляться, согласно устава национальными Комитетами ежегодно. Что же касается *до средств*, то Главный Совет давно уже должен был бы прекратить свое существование без национальных взносов английских секций и личных пожертвований его членов.

Таким образом, Регламент, принятый Лозанским конгрессом, остался мертвой буквой.

Что же касается до Базельского конгресса, то он обсуждал не выполнение существующей резолюции, а только своевременность издания бюллетеня, и не вынес никакой резолюции по этому вопросу.

Впрочем, Главный Совет полагает, что первоначальная цель изданий публичных бюллетеней всецело выпол-

няется в настоящее время различными органами Интернационала, выходящими на разных языках и находящимися в сношениях друг с другом. Было бы нелепо достигать дорого стоющими бюллетенями того, что достигается уже без всяких расходов. С другой стороны бюллетень, который предавал бы гласности вещи, не обсуждающиеся в органах Интернационала, мог бы повести только к тому, что наши враги получили бы возможность заглядывать к нам за кулисы.

4) *По вопросу об отделении Главного Совета от Национального Совета Англии.*

Задолго до возникновения газеты „Равенство" это предложение вносилось время от времени членами самого Главного Совета. Но оно почти всегда единогласно отвергалось.

Хотя революционная инициатива, по всей вероятности, будет исходить из Франции, но одна только Англия может сыграть роль рычага для серьезной экономической революции. Эта единственная страна, где нет уже *крестьян* и где землевладение сконцентрировано в немногих руках. Это единственная страна, где *капиталистическая форма*—т. е. высоко развитый труд под руководством капиталистических предпринимателей—распространилась уже во всем производстве. Это единственная страна, где *громадное большинство населения состоит из наемных рабочих.* Это единственная страна, где классовая борьба и организация рабочего класса при посредстве тред-унионов достигли известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря господству Англии на мировом рынке, она является единственной страной, где всякая революция в экономических отношениях должна оказать непосредственное воздействие на весь мир. Если лендлордизм и капитализм наиболее сильно развиты в Англии, то в этой стране, с другой стороны, имеются на лицо материальные условия их уничтожения. Главный Совет находится теперь в выгодном положении: он непосредственно стоит у рычага пролетарской революции, и какою глупостью, более того

можно сказать, каким преступлением с его стороны было бы если бы он предоставил этот рычаг в одни только английские руки!

У англичан имеются на лицо все необходимые материальные предпосылки социальной революции. Чего у них нет, так это духа обобщения, революционной страсти. Только Главный Совет в состоянии вдохнуть в них эту страсть и ускорить таким путем истинно революционное движение в этой стране, а, следовательно, и повсюду. Огромные результаты, достигнутые уже нами в этом направлении, подтверждаются наиболее интеллигентными и наиболее видными газетами господствующих классов, совершенно не говоря уже о так называемых радикальных членах нижней палаты и палаты лордов, которые еще недавно оказывали большое влияние на вожаков английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти окончательно подавили *английский дух* рабочего класса и толкнули его в об'ятие революционного социализма.

Если будет образован Национальный Совет, отдельно от Главного Совета Интернационала, то каковы будут непосредственные результаты этого? Поставленный между Главным Советом Интернационала и общим советом тред-унионов этот Национальный Совет не пользовался бы никаким авторитетом. С другой стороны Главный Совет потерял бы свое влияние на этот великий рычаг. Если бы мы вместо серьезной и не бросающейся в глаза работы предпочитали громкий рыночный шум, то мы бы быть может, совершили ту ошибку, что гласно ответили бы на вопрос „Равенства“ почему Главный Совет берет на себя такую столь тягостную массу функций.“

Англию нельзя считать просто такою же страною, как и все остальные страны. Она должна рассматриваться, как *метрополия капитала*.

5) по вопросу о резолюциях Главного Совета относительно ирландской амнистии.

Если Англия является оплотом европейского лэндлордизма и капитализма, то единственный пункт, из кото-

рого можно нанести решительный удар Англии,—это *Ирландия.*

Прежде всего Ирландия является оплотом английского лендлордизма. Если он падет в Ирландии, то он должен пасть и в Англии. В Ирландии эта операция в сто раз легче, так как экономическая борьба сосредоточена там исключительно на землевладении, так как там эта борьба к тому же является национальной, и народ революционнее и ожесточеннее, чем в Англии. Лэндлордизм в Ирландии сохраняется только при помощи английской армии. В тот момент, когда принудительный союз между этими двумя странами перестанет существовать, в Ирландии вспыхнет социальная революция, хотя и в устарелых формах. Английский лэндлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но и значительнейшую часть своей моральной силы, заключающейся в том, что он является представителем господства Англии над Ирландией. С другой стороны, английский пролетариат делает неуязвимыми своих лэндлордов в самой Англии до тех пор, пока он сохраняет их могущество в Ирландии.

Далее, *английская буржуазия* не только воспользовалась ирландской нищетой для того, чтобы посредством вынужденной эмиграции беднейших ирландцев ухудшить положение рабочего класса в Англии, она, кроме того, раскололa пролетариат на два враждующих лагеря. Революционный пыл кельтского рабочего не соединяется с сильным, но спокойным характером англосакса. Наоборот, во всех крупных промышленных центрах Англии господствует глубокий антагонизм между ирландским и английским пролетариями. Обыкновенно, английский рабочий ненавидит ирландца, как конкурента, понижающего плату. Он чувствует к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти такими же глазами, какими белые бедняки южных штатов северной Америки смотрят на черных рабов. Этот антагонизм между пролетариями Англии искусственно питается и поддерживается буржуазией. Она знает, что

этот раскол представляет собою действительную тайну сохранения ее могущества.

Этот антагонизм переносится и по ту сторону Атлантического океана. Изгнанные из своей родной земли ирландцы вновь встречаются в Соедин. Штатах, где они составляют значительную и все более возрастающую часть населения. Их единственной страстью является ненависть к англичанам. Английское и американское правительства—т. е. классы, ими представляемые—поддерживают эти страсти, чтобы увековечить *международный антагонизм*, препятствующий всякому серьезному и честному союзу между рабочими классами обеих частей света, а вследствие этого и их совместному освобождению.

Ирландия—единственный предлог, в руках английского правительства для сохранения огромной постоянной армии, которую в случае надобности можно выпустить против английских рабочих, что мы и видели, после того как в Ирландии из нее образовалась настоящая солдатчина. Наконец, Англия в настоящее время показывает нам то, что в ужасающих размерах показал нам старый Рим. Народ, порабощавший другой народ, кует свои собственные цепи.

Поэтому точки зрения Интернационала на ирландский вопрос весьма ясна. Первой его задачей является ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решительный удар в Ирландии.

Резолюции Главного Совета об ирландской амнистии являются введением к другим резолюциям, в которых будет заявлено, что, не говоря уже о международной справедливости, преобразование теперешняго принудительного союза—т. е. рабства Ирландии—в равный и свободный союз, если это возможно, или же полное отделение Ирландии от Англии, если это окажется неизбежным,—является необходимым условием освобождения английского рабочего класса.

Наконец, теория газет „Равенства“ и „Прогресса“ о зависимости или скорее об отсутствии зависимости

между социальным и политическим движением, насколько нам известно, не принята ни одним из наших конгрессов Она противоречит нашему уставу. Там говорится:

„Что *экономическое освобождение* представляет собою великую конечную цель, *которой всякое движение политическое должно быть подчинено как средство*“.

Эти слова „*как средство*“ были *пропущены* в 1864 г. французским комитетом. Запрошенный Главным Советом парижский Комитет оправдывался трудностью политического положения во Франции.

Там имеются еще и другие искажения подлинного текста устава. Так первый параграф устава говорит.

„Что борьба за освобождение рабочего класса.., есть борьба за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства“.

Во французском издании устава говорится о равных правах и обязанностях“, т.-е. употребляется общая фраза встречающаяся уже почти около целого столетия *почти во всех* демократических манифестах и имеющая различный смысл в устах различных классов, но в нем пропущено конкретное требование „*уничтожение классового господства*“.

Затем во втором абзаце введения к уставу мы читаем:

„*Что экономическое подчинение рабочего собственнику орудий производства*, т.-е. источников жизни и т. д“.

Парижский перевод заменяет слова „орудий производства, т. е. *источников жизни*,“ словом „капитала“ хотя первое выражение включает землю точно так же как и все остальные средства производства.

Первоначальный и подлинный текст был возстановлен во французском переводе, изданном в 1866 г. в Брюсселе.

6) *По делу Либкнехта—Швейцера.*

Газета „Равенство“ говорит: „*обе эти группы принадлежат к Интернационалу.*“

Это неверно. Группа эйзенахцев (которую „Прогрессу“ и „Равенству“ хотелось бы превратить в группу буржуа Либкнехта) входит в Интернационал. *Группа Швейцера в него не входит.*

Сам Швейцер в своей газете „Социалдемократ“ подробно доказывал, почему *лассальянская организация* не может примкнуть к Интернационалу, не уничтоживши себя. Он говорил правду, сам того не сознавая. Его *искусственная сектантская организация* противоречит *действительной организации рабочего класса.*

Газеты „Прогресс“ и „Равенство“ потребовали от Главного Совета, чтобы он публично высказал свое мнение насчет личных разногласий между Либкнехтом и Швейцером. Так как гражданин Ж. Ф. Беккер (который в газете Швейцера точно так же осыпается бранью, как и Либкнехт) состоит членом редакционного комитета „Равенства“, то поистине довольно странным представляется то обстоятельство, что ея редакторы так мало осведомлены насчет этого факта. Им должно было быть известно, что Либкнехт в „Демократическом Еженедельнике“ публично потребовал от Швейцера признать Главный Совет Интернационала третейским судьей в их разногласиях и что Швейцер не менее публично отказался признать авторитет Главного Совета.

Главный Совет сделал все для того, чтобы положить конец этому скандалу. Он поручил своему секретарю по германским делам списаться со Швейцером; это было сделано‘ но все попытки склонить Швейцера на уступки разбивались о твердое решение Швейцера сохранить свою самодержавную власть совместно с сектантской организацией. Дело Главного Совета сводится теперь к тому, чтобы выбрать подходящий момент, когда его *публичное вмешательство* в этот спор принесет больше пользы, чем вреда.

Французские комитеты (хотя Бакунин сильно интриговал в Лионе и Марселе и привлек на свою сторону несколько молодых горячих голов), а равно и Общий

Совет бельгийских секций заявили, что они *совершенно согласны* с этим ответом Главного Совета.

Копия для Женевы (так как Юнг, секретарь по швейцарским делам был занят) несколько запоздала. Поэтому она разошлась в пути с оффициальным сообщением Перрона, секретаря Женевского Федерального Комитета Романской Федерации.

Кризис же разразился в Женеве еще до прибытия туда нашего письма. Несколько сотрудников „Равенства" воспротивились направлению, продиктованному Бакуниным. Бакунин и его сторонники (в том числе шесть сотрудников газеты „Равенство") хотели заставить женевский Федеральный Комитет исключить из состава редакции несколько сотрудников. Но комитету давно уже надоел деспотизм Бакунина, и он с неудовольствием смотрел на то, что, благодаря ему, он вынужден вступать в конфликты с остальными немецкими швейцарскими комитетами, с Главным Советом и т. д. Поэтому он утвердил неугодных Бакунину редакторов газеты „Равенство." После этото шесть человек, стоявших за Бакунина, вышли из состава редакции, думая этим самым заставить газету прекратить свое существование.

В ответ на наше послание Женевский Центральный Комитет заявил, что нападки газеты „Равенство" делались против его воли, что он никогда не одобрял проводимой ею политики и что газета теперь выходит под строгим контролем комитета и т. д.

Бакунин после этого уехал из Женевы в Тессин. Теперь его влияние в Швейцарии ограничивается только газетой „Прогрессом" в Локле.

Вскоре после этого умер Герцен. Бакунин, который с того времени как он захотел выдавать себя за *руководителя европейского рабочего движения* отрицательно отзывался о своем друге и покровителе Герцене, после же смерти Герцена тотчас же принялся громко восхвалять его. Почему? Герцен, несмотря на то, что он сам был богатым человеком, получал ежегодно 25.000 рублей на пропаганду от дружественной ему псевдо-со

циалистической панславистской партии в России. Благодаря громким славословиям Бакунина эти деньги перешли к *нему*, и он, таким образом, в денежном и *моральном* отношении sine beneficio inventarii вступил во владение „наследством“ Герцена—*несмотря на свою ненависть к наследству* [1])

В то же время в Женеве поселилась молодая колония русских эмигрантов, бежавших студентов, у которых действительно честные намерения и которые доказывают свою честность тем, что во главе своей программы они поместили пункт *о борьбе с панславизмом.*

Они издают в Женеве газету „Голос Народа“.

Около двух недель тому назад они обратились в Лондон, прислали свой устав и свою программу и просили разрешения на образование русской секции. Оно им дано.

В особом письме к Марксу они просили его временно представлять их в Главном Совете. Это также принято. Они вместе с тем указали на то,—и они, повидимому, оправдываются в этом перед Марксом—что они в ближайшем будущем постараются сорвать маску с Бакунина, так как этот человек говорит на двух совершенно разных языках, на одном в России, на другом в Европе.

Таким образом игра этого в высшей степени опасного человека интригана—по крайней мере, в недрах Интернационала—скоро будет прекращена“.

---

[1]) Как получение Герценом денег от панславистской партии, так и получение Бакуниным этого „наследства“ после смерти Герцена, является ни на чем не основанной выдумкой Маркса, который в своей слепой злобе к Бакунину и Герцену не останавливался ни перед чем.

Возможно, что поводом к этой клевете послужил факт, что один русский социалист Бахметьев завещал Герцену 25.000 франков на пропаганду идей социализма. Под пером Карла Маркса эти 25.000 франков превратились в ежегодную пенсию Герцену, а социалист Бахметьев сделался панславистским комитетом.

Прим. ред.

Маркс Неттлау по поводу вышеприведенного „Секретного Сообщения“ Главного Севета от 28-го марта 1870 г. говорит следующее: „Этот документ преставляет личное сообщение Маркса немцам; оно было приложено Марксом как дополнение к циркуляру Главного Совета от 15-го января, разсылка которого была поручена Марксу. Таким образом Маркс действовал в данном случае в качестве оффициального лица, как секретарь по делам Германии. Но, насколько корректным были действия Маркса предоставляется судить всякому, могущему беспрестрасвно взглянуть не дело: Маркса, как секретарь Главного Совета, составляет бранный памфлет против одного из самых видных членов Интернационала этот памфлет пишется им в самом недопустимом тоне, полон массой неточностей и отсылается Марксом секретным образом своему другу Кучельману, которой дает его Бонгорсту. Этот последний передал „Секретное Сообщение Маркса Либкнехту, а Либкнет познакомил с ним Бебеля и Гейнера. Эти лица, бывшие долгие годы вождями в немецкой социал-демократической партии, предприняли на основании циркуляра Маркса, поход против Бакунина, распрастраняя в печати и в обществе ту ложь и грусбую клевету, какие были допущены Марксом в своем секретном сообщении. На основании всех этих данных мы вполне можем судить о нравственном уровне марксистской клики.“

Прибавлять к этим словам еще что либо мы считаем излишним. В следующем томе мы познакомим читателя с дальнейшими перепетиями этой борьбы, которая и послужила одной из главных причин распадения Интернационала.

Конец первого тома.

Интернационал.

Том второй.

Интернационал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Раскол.

(апрель 1870 г.—ноябрь 1871 г).

I

Конгресс Романской Федерации в Шо-де-Фоне (4-го апреля 1870 г.)—Раскол в Романской Федерации и его последствия.

Четвертого апреля 1870 г. в городе Шо-де-Фоне открылся общий конгресс Романской Федерации, на который прибыло 37 делегатов от разных секций Интернационала в Швейцарии.

При проверке делегатских мандатов мандатная комиссия подняла вопрос о том, может-ли быть допущен на конгресс делегат женевской секции „Альянса социалистической демократии". Конгресс хотел тотчас же разрешить этот вопрос в положительном смысле, но делегат от женевской секции Интернационала, Николай Утин, выступил с предложением отложить разрешение этого вопроса. Делегат от секции в Сонвилье, Адемар Швицгебель, после этого внес другое предложение о немедленном разрешении этого вопроса.

Ввиду поступивших двух предложений, вопрос был поставлен на голосование; в результате голосования оказалось, что 18 голосов высказались за предложение Швицгебеля, т.-е. за немедленное разрешение вопроса, и точно также 18 голосов высказались за предложение Утина. Председатель конгресса, Дюплекс, присоединился к предложению Утина и поэтому вопрос о допущении

делегата от женевской секции „Альянса социалистической демократии“ был отложен, и конгресс перешел к обсуждению доклада Федерального Комитета.

Чтение доклада Федерального Комитета и прения по поводу доклада заняли весь первый день конгресса и лишь на следующий день конгресс приступил к рассмотрению вопроса о принятии женевской секции „Альянса“ в Романскую Федерацию.

Во время обсуждения этого вопроса делегат от женевской секции Интернационала, Николай Утин, выступил с обвинительной речью против Альянса вообще и в частности против его основателя, Бакунина. „Всегда и везде, говорил Утин, Бакунин проповедует свои пагубные идеи и стремится установить свою личную диктатуру.“ Называя Бакунина и его друзей „врагами рабочего народа“, Утин в заключение сказал, что если бы было возможно, то Бакунина и его друзей следовало бы гильотинировать ради общего блага.

Председатель конгресса, Дюплекс, с своей стороны, обвинял женевскую секцию Альянса в пропаганде атеизма и утверждал, что ея члены не верят в Бога и отрицают все законы морали.

Однако, несмотря на такие злостные нападки, *двадцать один* делегат из 39 высказались за прием женевской секции Альянса в Романскую Федерацию и только *восемнадцать* делегатов голосовали против.

Как только стал известен результат голосования, все делегаты, голосовавшие *против* приема демонстративно поднялись с своих мест и заявили, что они уходят с конгресса. Председатель Дюплекс также присоединился к ним, и все 18 человек покинули залу заседаний. Оставшееся большинство конгресса решило было продолжать заседание, но на трибуну поднимается вскоре гражданин Дюбуа, председатель кружка рабочих интернационалистов Шо-де-Фона, которому принадлежало помещение, где происходил конгресс, и заявляет, что ввиду всего происшедшего, он требует очистить немедленно залу заседаний.

Не желая входить в пререкания, делегаты перешли

в кафе Вонканель, где и решили вести свои заседания. В этот момент, удалившиеся с конгресса делегаты меньшинства, снова вернулись в залу заседаний конгресса, куда были безпрепятственно допущены представителями кружка, владельцами помещения. Меньшинство тотчас же постановило, что оно является действительным представителем Романской Федерации и поэтому решило возобновить заседание конгресса.

Узнав об этом, делегаты большинства, заседавшие в кафе Вонканель, обратились к меньшинству с призывом ликвидировать инцидент и снова присоединится к большинству, чтобы вместе продолжать работу. Однако, меньшинство, получив это приглашение, ничего не ответило, а продолжало свои заседания в помещении кружка интернационалистов.

Таким образом, среди делегатов получился полный раскол. Большинству делегатов не оставалось ничего делать, как продолжать дальнейшую работу. Ввиду того, что Федеральный Комитет, члены которого ушли с меньшинством, не пожелал дать отчет о своей деятельности за истекший год, конгресс решил избрать новый Федеральный Комитет, доведя о поступке прежняго комитета до сведения Главного Совета Интернационала в Лондоне. Местопребывание нового Федерального Комитета было назначено в Шо-де-Фоне (вместо Женевы) и в его члены были избраны, главным образом, представители интернациональных секций Шо-де-Фона и Локля. Таким образом руководство делами Романской Федерации перешло из рук женевских секций в руки юрских секций, что и имело, как мы увидим ниже, очень важный результат.

Редакция центрального органа Романской Федерации газеты „Равенство,“ точно так же как и Федеральный Комитет, не захотела дать конгрессу отчет о своей деятельности и поэтому конгресс постановил не считать больше газету „Равенство“ центральным органом Федерации и решил основать новый орган „*Солидарность*“. Редактирование этой газеты было поручено Джемсу Гильому, а его помощникаии были избраны Швицгебель из

Сент-Имье, Перрон и Жуковский из Женевы, Фриц Робер из Шо-де-Фона и Мовье из Локля.

Таковы были наиболее важные постановления конгресса Романской Федерации в Шо-де-Фоне.

Из вопросов, разбиравшихся на конгрессе, наиболее значительным с общей точки зрения был вопрос *об отношении Интернационала к правительствам.*" По этому вопросу конгресс принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что полное освобождение труда возможно лишь только при условии преобразования современного политического общества, основанного на привилегии и власти в общество экономическое, основанное на равенстве и свободе;

„Что всякое правительство или политическое Государство представляет собою нечто иное, как организацию буржуазной эксплуатации, выражением которой является юридическое право;

„Что всякое участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике не может иметь иных результатов как только укрепление существующего строя, что парализовало бы революционно-социалистическое действие пролетариата;

„Конгресс Романской Федерации рекомендует всем секциям Интернационала отказаться от всякой деятельности, имеющей своей целью социальное преобразованио при помощи польтических реформ и вместо этого перенести всю свою деятельность на создание федеративных профессиональных союзов-единственного орудия, могущего обезпечить успех социальной революции. Такая федерация явится истинной представительницей Труда, Палатой Труда, которая должна быть совершенно независима и вне всякого влияния политического правительства."

Немедленно, после избрания нового Федерального Комитета, секретарь Комитета, Фриц Робер, послал 7-го апреля обстоятельное письмо в Лондон, в Главный Совет Интернационала, сообщая в письме обо всем, что произошло в Романской Федерации. В конце своего письма

секретарь Федерального Комитета выражал надежду что в непродолжительном времени федеральный Комитет постарается придти к соглашению с отколовшимися и тем самым положит конец конфликту.

Главный Совет на это сообщение ничего не ответил и позднее Главный Совет даже утверждал, что он этого письма не получал совсем [1]). Что письмо Робера было получено своевременно доказывает и тот факт, что Герман Юнг, секретарь Главного Совета для сношений с Швейцарией, написал мне в апреле частное письмо, в котором он просил сообщить подробно обо всем том, что произошло в Швейцарии. Я передал это письмо Федералному Комитету, который, вполне правильно, не счел возможным признать это частное письмо Юнга за оффициальный ответ Главного Совета.

Как мы видели выше, в своем письме к Главному Совету новый Федеральный Комитет Романской Федерации выражал свою уверенность в том, что он постарается придти к соглашению с отколовшимися секциями. Для того, чтобы достичь этого соглашения уже на конгрессе было постановлено избрать трех делегатов и послать их в Женеву раз'яснить все происшедшее на конгрессе в Шо-де-Фоне и просить женевские секции не выходить из Романской Федерации.

Однако, делегаты женевских секций, бывшие на конгрессе в Шо-де-Фоне, вернувшись в Женеву, постарались в своих отчетах о конгрессе представить дело в совершенно другом виде, чем было в действительности, и обвиняли делегатов большинства в стремлениях к диктаторству. Утин отрицал, что он в своей речи говорил, что „Бакунина и его друзей следовало бы гильотинировать“, Кроме того, Утин и его товарищи ничего не

---

[1]) Между тем, сам Маркс, отрицая получение письма, в 1872 г. в брошюре „*Мнимый раскол в Интерн.*“ писал: „Едва только конгресс Романск. Фед. был закрыт, как новый Комитет прибег к вмешательству Главн Совета, адресуя ему письмо, подписанное Ф. Робер, секретарь“.

упоминали о том, что со стороны большинства были сделаны попытки примерения, наоборот, дело было представлено так, что будто бы делегаты юрских секций сами вызвали раскол, чтобы стать во главе Романской Федерации. Поэтому когда в Женеву прибыли делегаты нового Федерального Комитета для того, чтобы уладить конфликт, женевцы встретяли их очень холодно.

В это же время, по предложеню Утина, центральная жевевская секция Интернационала возбудила вопрос об исключении из секции Бакунина, Перрона, Жуковского и Анри Сутерланда, обвиняя в том, что они состояли в одно и то же время членами центральной секции Интернационала и женевской секции Альянса. После устроенной комедии товарищеского суда над вышеупомянутыми лицами (в августе месяце) Комитет Центральной Секции Интернационала в Женеве исключил Бакунина и Жуковского из членов секции [1]). Такое ни чем незаслуженное отношение к видным и энергичным деятелям Интернационала вызвало возмущение среди швейцарских интернационалистов и еще более способствовало расколу среди интернациональных секции.

В заключение мы не можем воздержаться от того, чтобы не не познакомить читателей с тем, каким образом все события, происходившие в Романской Федерации и рассказанные нами выше, были освещены самим Марксом в его памфлете: „*Альянс социалистической демократии и Интернациональная Ассоциация Рабочих*“ (Лондон и Гамбург, 1873 года).

Вот в каких слова Марс представил происшедший комфликт:

При открытии конгресса два делегата [2]) от секции Альянса просили допустить их на конгресс. Женевские делегаты предложили отложить разбор этого вопроса до конца конгресса... Они заявили, что им дано прика-

---

[1]) Подробнее об этом будет сказано дальше.

[2]) В действительности был только один делегат— Н. Жуковский.

занне от своих секций скорее выйти из Романской Федерации, чем быть в одной организации с группой Альянса, ввиду того, что члены Альянса стремятся к интригам и к господству; женевцы указывали конгрессу, что принять секцию Альянса в члены Федерации—значит внести раскол в Романскую Федерацию. Но Альянс не хотел упустить благоприятный случай. Соседство мелких юрских секций позволило ему обеспечить на своей стороне незначительное фиктивное большинство... По настоянию Гильома и Швицгебеля секция Альянса была принята в Романскую Федерацию спорным большинством одного или двух голосов [1]). Женевские делегаты, посоветовавшись немедленно по телеграфу с своими секциями в Женеве, получили распоряжение покинуть конгресс [1]). Интернационалисты—женевцы были поддержаны интернационалистами Шо-де-Фона и *альянсисты* [2]) должны были покинуть помещения конгресса, принадлежащее интернациональным секциям Шо-де-Фона. Хотя они и представляли лишь пятнадцать секций, тогда как одна Женева представляла тридцать секций, они узурпировали наименование конгресса Романской Федерации, избрали новый Федеральный Комитет... и провозгласили газету Гильома „Солидарность“ органом Романской Федерации [3]).

---

[1] Мы видели, что *за* голосовали 21 делегат и против *18*, таким образом большинством *трех* голосов, а не 1 или 2, хотя все это Маркс прекрасно знал из письма Федерального Комитета.

[2]) В действительности, женевские делегаты покинули конгресс по своей инициативе, лишь после ухода с конгресса они послали телеграмму в Женеву, и кантональный комитет в лице *четырех* из шестидесяти человек, а не секции прислал телеграмму, одобряя их поступок.

[3]) Употребляя термин „альянсисты“, Маркс, вероятно, хотел показать читателю, что все 21 делегат, голосовавшие за прием секции Альянса в Романскую Федерацию, были *членами Альянса*. В действительности, Маркс знал, что из этих 21 человека, членами Альянса было только двое.

[4]) Эта фраза составлена Марксом так, что можно подумать, что газета „Солидарность“ существовала раньше

Гильом—молодой школьный учитель,—взял на себя специальную миссию: вести борьбу против женевских „фабричных рабочих“, обзывая их гнусными „буржуа“... [1]) и проповедывать полное воздержание в политической борьбе“...

Последователи Маркса и его агент и правая рука в Женеве, Утин, бывший редактором газеты „Равенство“, в своей полемике и вражде была еще грубее своего учителя и тотчас же после конгресса в Шо-де-Фоне предприняли целый поход против Федерального Комитета и его органа „Солидарность“.

Но, Федеральный Комитет, несмотря на это, еще раз предложил женевским секциям пойти на соглашение и в нумере „Солидарность“ от 16-го апреля, между прочим, писал:

„Вот что мы можем сказать женевским секциям, утверждая, что эти слова и чувства разделяют и все

конгресса и была личной собственностью Гильома Но, читатель, вероятно, заметил, что вопрос об издании „Солидарности“ был поднят только на самом конгрессе в Шо-де-Фоне и то только после ухода членов старого Федер. Комитета, в числе которых были и редакторы „Равенства“, органа Романской Федерации.

[1]) Здесь Маркс, чтобы дискредитировать Гильома, сознательно пишет „фабричных рабочих“ (ouvriers de fabrique), тогда как он хорошо знал, что Гильом в своих некоторых статьях называл „буржуа“ женевских часовых мастеров, называвшихся „рабочими фабрики“ (ouvriers *de la* fabrique, а не de fabrique), в отличие от простых рабочих, как, напр., каменьщиков, находившихся в худших условиях. Эти часовые мастера, зарабатывавшие большие деньги, действительно, были и по своей жизни и по своим убеждениям настоящими полу-буржуа и сам Маркс в первом томе *Капитала*, описывая выделку часов в Женеве склоняется к тому, что часовое производство, как производство требующее высоко квалифицированных работников, мало дает революционеров. Но здесь он намеренно забывает это и, надеясь, на малую осведомленность читателя, выставляет Гильома как врага „фабричных раоочих“.

секции, представители которых образовали большинство на конгрессе:

„Если вы находите необходимым в интересах женевских групп отделиться от Романской Федерации, то сделайте это без злобы, без оскорблений; образуйте свою федерацию и не забывайте, что мы с вами, несмотря на все наши разногласия, — интернационалисты.

„Если вы хотите продолжать издавать газету „Равенство“, то не превращайте его в орган вражды. Пусть „Равенство“ и „Солидарность“ обсуждают, каждый с своей точки зрения, великие социальные вопросы.. Во имя международного братства не отталкивайте, друзья-женевцы, нашу протянутую руку“... [1]).

Однако, вожди женевских секций под влиянием Утина не хотели идти ни на какия соглашения и продолжали вести борьбу против нового комитета Романской Федерации.

II

Продолжение борьбы между женевцами и юрцами.

Несмотря на все обвинения и клевету юрцы решили еще раз пойти на примирение с женевцами. Посредником в этом деле они избрали секцию Интернационала в Веве. С согласия Федерального Комитета секция в Веве организовала 8-го мая большой митинг, на который пригласила все интернациональные секции Романской Швейцарии. В порядке дня этого митинга стоял только один вопрос: „О международном товариществе рабочих, его цели и о способах достижения этой цели“.

Федеральный Комитет послал на этот митинг двух своих членов — Шпипцгера и Хейга; им было поручено постараться достигнуть соглашения и примирения. С своей стороны женевские секции послали на митинг пять делегатов, в числе которых были Беккер и Перре,

[1]) „Solidarité“ N du 16 avril.

члены прежнего Федерального Комитета. После речей делегатов казалось, что общая почва для соглашения была найдена. Все были согласны между собою относительно общей цели Интернационала. После митинга состоялось частное заседание делегатов женевских секций (Утин не присутствовал на этом заседании) и делегатов юрских секций. После дружеского обмена мнениями, решено было об'единиться па федеративных началах, оставив временно существовать оба комитета Юрский и Женевский; пока же решено было соединить в одну кассу сопротивления стачечные фонды и впредь оказывать в борьбе друг другу взаимную поддержку.

К сожалению, дружескому об'единению не суждено было осуществиться и соглашение женевцев оказалось не прочным. Вполне возможно предположить, что возобновление враждебных отношений женевцев к юрцам имело своей причиной вмешательство Главного Совета Интернационала, т. е. Маркса, так как 13-го мая, спустя пять дней после митинга в Веве, Женевский Комитет разослал всем своим секциям циркулярное послание, в котором он знакомил секции с „Частным Сообщением“ Главного Совета от 1-го января 1870 г., касающееся Бакунина и Альянса. До этого времени это сообщение Комитет держал в секрете.

Между тем юрские секции продолжали развиваться; пропаганда велась не только в промышленных центрах, но и в сельских округах среди земледельцев. За это время было основано несколько новых секций, и прибавились новые члены.

Несмотря на то, что наш федеральный комитет написал официальное письмо Главному Совету Интернационала и несмотря на то, что орган федерации газета „*Солидарность*“ издавалась публично и посылалась в Лондон, Главный Совет хранил упорное молчание и ничего не отвечал нам. Прождав ответа почти два месяца, я 30-го мая решил написать секретарю Главного Совета по делам Швейцарии, Герману Юнгу, прося об'яснить, что это все значит.

В ответ на это письмо Юнг писал: „Главный Совет не сообщает своих постановлений Федерельному Комитету в Шо-де-Фоне по многим причинам; во-первых, Главныв Совет не получил оффициального извещения от Комитета о его существовании [1], во-вторых, Главный Совет еще до сих пор не вынес определенного постановления относительно происшедшего печального инцидента на конгрессе в Шо-де-Фоне и поэтому мне было бы неудобно входить в сношения с новым Комитетом, который даже не позаботился известить Главный Совет оффициально о своем существовании“...

[1] Юнг был введен кем-то в заблуждение, выше мы говорили, что оффициальное сообщение было послано 7-го апреля, тотчас же после избрания Комитета.

В своем письме Юнг писал, что он разделяет, хотя и не вполне, взгляды юрцев на политическую борьбу и что он не имеет ничего против Бакунина и не сомневается в его искренности и честности.

После этого письма Федеральный Комитет в Шо-де-Фоне стал надеяться, что Главный Совет решил, наконец, признать его правомочным и законным представителем Романской Федерации. Однако, эти ожидания не оправдались, и вскоре Федеральный Комитет в Шо-де-Фоне получил из Лондона от Главного Совета письмо следующего содержания:

„Главный Совет—Федеральному Комитету в Шо-де-Фоне.

„Принимая во внимание, что, хотя большинство делегатов на конгрессе в Шо-де-Фоне и избрали центральный Комитет Романской Федерации, Совет считает, что это большинство было лишь номинальное;

„Что женевский Комитет Романской Федерации всегда выполнял свои обязанности по отношению к Главному Совету и к самому Интернационалу, и был всегда верен уставу Интернационала, Главный Совет не имеет права не признавать его;

„Вследствие этого, Главный Совет в заседании своем

28 июня 1870 г. единогласно постановил, что Федеральный Комитет, в Женеве, сохраняет свои права, и должен считаться центральным Комитетом Романской Федерации, а Комитет Федерации в Шо-де-Фоне должен сложить свои полномочия и избрать для себя другое название как чисто местного об'единения.

„За и по распоряжению Главного Комитета Международного Товарищества Рабочих.

Г. Юнг.

Секретарь по делам Швейцарии, Лондон, 24 июня 1870 г.

Р. S. Мы дружески напоминаем вам, что общий Устав Интернационала говорит, что всякое движение политическое должно быть подчинено движению экономическому, как средство".

В ответ на это письмо Федеральный Комитет в Шо-де-Фоне напечатал в своем органе „Солидарность" следующее:

„Мы могли бы сделать очень много возражений на письмо Главного Совета. Во-первых, Федеральный Комитет в Шо-де-Фоне не просил Главный Совет высказать свое суждение по поводу конфликта в Романской Федерации; Комитет лишь сообщил Главному Совету о всем происшедшем только для того, чтобы он был в курсе дела... Мы не обращались к Главному Совету с тем, чтобы он явился третейским судьей в конфликте потому, что знали заранее, что такое разбирательство лишь усилило бы конфликт и разожгло бы страсти; мы надеялись восстановить мир сами путем взаимных уступок, не призывая вмешательство какой либо власти, или какого либо судьи.

„Главный Совет допустил, по нашему мнению, большую ошибку произнеся свой приговор без согласия и просьбы заинтересованных сторон. В конфликтах подобного рода наиболее умная политика Главного Совета заключалась бы в полнейшем невмешательстве.

„На самом деле, что произошло бы с автономией

групп и секций, если бы, вместо того, чтобы дать согласно общему Уставу, секциям свободу организоваться и об'единятся в Федерации, избирать свои комитеты и т. п., Главный Совет вмешивался бы, чтобы указывать ошибки или заблуждения большинства или меньшинства? Такой образ действия, такое проявление власти в делах, касающихся исключительно только заинтересованных групп, совершенно несовместимо с принципами Интернационала"...

Далее в статье указывалась вся неосновательность доводов Главного Совета, что Комитет избранный на конгрессе в Шо-де-Фоне не имеет права быть представителем Романской Федерации. В статье говорилось, что если у федеральных конгрессов отнять право избрания своих Федеральных Комитетов и предоставить это право Главному Совету, то тогда не будет никакого Интернационала, а будут лишь подданные, управляемые Главным Советом.

„Мы не отвергаем абсолютно постановление Главного Совета, говорилось в статье, из любви к миру, мы не прочь от того, чтобы принять это постановление, мы лишь против того, чтобы нам его *навязывали*".

Конечно, такой тон не мог понравиться Главному Совету, в особенности Марксу, и поэтому против юрцев еще более усилились интриги, а претензии женевцев признавались правильными и законными.

III.

Франко-прусская война.—Отношение к этой войне Интернационала.—Провозглашение во Франции республики.—Бакунин в Лионе.

Между тем на Европу в этот самый момент надвигались грозные события, которые нанесли Интернационалу смертельный удар. В июле 1870 г. разразилась война между Францией и Германией. Эта война, столь желаемая Бисмарком и давно им подготовлявшаяся, была

об'явлена Наполеоном III и его либеральным министром Эмилем Оливье.

За несколько дней до об'явления войны, когда уже стала ясна возможность этой войны, Парижская секция Интернационала в газете „Пробуждение" в нумере от 12 июля поместила протест против готовящейся бойни; в этом протесте говорилось: „братья-немцы, во имя мира, не слушайте подкупленных или рабских голосов, стремящихся ввести вас в заблуждение относительно того, что делается во Франции. Будьте глухи к провокациям, ибо война между нами была бы братоубийственной бойней. Будьте спокойны, как подобает быть великому и сильному народу. Наше раздробление будет способствовать лишь торжеству деспотизма по ту и другую сторону Рейна".

В ответ на это воззвание Парижская секция получила из Берлина письмо, подписанное от имени берлинской секции Интернационала Густавом Квасневским; в этом письме говорилось: „воодушевленные братскими чувствами, мы протягиваем вам наши руки и громко заявляем, что в нашем сердце нет ни малейшей доли ненависти и что мы подчиняемся лишь грубой силе, которая принуждает нас вступать в ряды воинствующих банд, несущих с собою нищету и разорение".

21 июля немецкое правительство внесло в Рейхстаг на утверждение военный заем в 240 миллионов марок. Социалисты, члены Интернационала, Бебель и Либкнехт, воздержались от голосования этого займа, заявив, что „они не могут голосовать *за* заем на военные нужды, потому что это значило бы оказывать доверие и одобрение прусскому правительству, но. что они также не могут голосовать и *против* этого займа, потому что такое голосование могло бы быть истолковано как одобрение преступной политики Бонапарта."

Вскоре после об'явления войны Главный Совет Интернационала опубликовал манифест (написанный Марксом), в этом манифесте мы встречаем характерные для Маркса идеи. „*Со стороны Германии эта война*

является оборонительной, говорилось в манифесте. Но кто поставил Германию в необходимость обороняться? Кто дал Бонапарту повод к об'явлению войны? Пруссия... Если немецкий рабочий класс допустит, что настоящая война утратит свой оборонительный характер и выродится в войну против французского народа, победа или поражение будут в этом случае одинаково гибельны для немецкого рабочего класса... В тени этой человекоубийственной бойни поднимается мрачная фигура России. Какова бы ни была симпатия немцев к войне, предпринятой против бонапартистского наступления, немцы предали бы себя, если они позволят прусскому правительству просить или принять помощь русских казаков."

Таким образом, Маркс от имени Главного Совета об'явил войну по отношению Германии *оборонительной*, хотя прекрасно знал. что к этой войне стремился Бисмарк и всячески ее провоцировал, чтобы обессилить Францию и помочь об'единению и укреплению Германской империи. Маркс в душе боялся поражения Германии так как при этом исходе войны неизбежно увеличилась бы мощь России, которая воспользовалась бы разгромом Германии, чтобы отнять у нее часть немецкой Польши, а может быть и Восточную Пруссию.

В это же самое время французские интернационалисты, главным образом, парижские, горячо протестовали против братоубийственной войны. Они воспользовались войной для того, чтобы свергнуть монархию и вместе с республиканцами и радикалами повели энергичную борьбу против империи Наполеона. Эта борьба увенчалась успехом и 4-го сентября во Франции была провозглашена Республика. В то время, как радикалы и буржуазные республиканцы приступили к организации временного правительства, получившего название „правительства спасения Франции," французские рабочие интернационалисты стали подготовлять во Франции социальную республику, надеясь найти поддержку у немецких социалистов Французские интернационалисты предполагали, что когда во Франции будет провозглашена социальная Республика,

то немецкие рабочие, в свою очередь, свергнут монархию и война будет окончена.

К сожалению, предположения французских интернационалистов не оправдались. Немецкие рабочие не высказали никакого протеста против разгрома республиканской Франции, и немецкие войска подошли к самому Парижу и осадили его. Ниже мы коснемся более подробно этих событий, а теперь снова перейдем к швейцарским делам.

Раскол в Романской Федерации продолжал разделять швейцарских интернационалистов на два враждебных лагеря, хотя многие из них понимали необходимость совместного действия. Так, представители юрских секций писали в своем органе „Солидарность“: „перед лицом совершающихся событий мы чувствуем как никогда острую необходимость восстановить единый союз между всеми интернационалистами Романской Швейцарии... ввиду этого мы снова предлагаем женевским секциям об'единиться с нами для совместного действия.“ На этот раз юрские секции предлагали женевским об'единяться на чисто географическом принципе, оставляя каждой секции полную свободу и автономию. В газете „Солидарность“ в нумере от 20-го августа 1870 г. по этому поводу была напечатана следующая статья:

„Географическое об'единение„

Центральная секция в Веве решила присоединиться к фракции прежней Романской Федерации в Женеве. Это решение указывает, по нашему мнению, правильный путь для разрешения конфликта и этот путь может привести к соглашению все швейцарские секции.

Этот путь заключается в следующем:

„На конгрессе в Шо-де-Фоне интернационалисты разделились на две группы благодаря своим убеждениям благодаря тому, что они представляли две разных тенденции рабочего движения.

„Первая группа, которая стояла за принятие в Фе-

дерацию женевской секции альянса, представляла собою течение коллективистическое—революционное. Она состояла из людей большею частью прошедших школу Прудона, но освободившихся от его догматизма, стремившихся признавать социализм только научный и основанный на опыте, то-есть социализм, порывающий связь со всякой системой a priori, социализм народный, живой. действующий, а не абстрактный и доктринерский. Наиболее характерной чертой этого течения является—антиавторитарный дух: отрицание всякой власти и стремление к новому обществу, в котором свобода каждого была бы ограничена лишь солидарностью всех. Кроме того, интернациональные тенденции или, говоря другими словами, анти-национальные тенденции были не менее резко выражены в. этом течении, чем тенденции анти-авторитарные. Представители этого течения предполагали, что в будущем Европа будет состоять не из федерации различных наций, политически организованных в республики, но как простая федерация рабочих союзов без всякого различия по национальностям.

„Что касается второго течения, то характеризовать его представляется более трудным делом, так как представители этого течения стараются не формулировать свои взгляды, предпочитая заявлять, что они не разделяют нашу точку зрения.

„Большая часть второй группы состоит из женевских рабочих, бывших раньше простыми радикалами Мы, конечно, не ставим их прежний радикализм им в вину и не считаем это за преступление, мы хотим лишь указать, что их прежние верования наложили известный отпечаток и на их социализм. К этой группе женевцев-радикалов присоединилась другая группа—партия куллеристов из Шо-де-Фона, партия анти-радикальная и умеренная. Каким образом можно об'яснить такое об'единение? По нашему мнению такой союз возможен был только потому, что ни та, ни другая группа не были революционными по своей сущности; та и другая были *кооператорами* и, больше того, патриотами, *наци-*

оналистами. Мы должны добавить, однако, что в обеих группах можно было найти в виде редких исключений и некоторых революционеров; но они были очень немногочисленны.

„Если бы противоположное нам течение об'единяло бы в себе только две названные группы, то положение дела не было бы таким запутанным; каждому было бы ясно в какой лагерь ему стать, потому что с одной стороны он видел бы революционеров, а с другой стороны—умеренных, кооператоров и патриотов. Но, к несчастью, дело усложнялось тем, что ко второй группе примешивались действительно революционные элементы.

„Рядом с большинством умеренных мы встречаем во второй группе небольшую фракцию революционеров, правда, понимающих революцию несколько иначе, чем мы: в то время как наш социализм являлся ан-архическим и народным, их социализм был авторитарным и доктринерским. Нам возразят представители этого течения, что мы клевещем на них, но сами они в своих статьях и речах постоянно поддерживают такие взгляды.

„Среди этих революционеров есть французы, немцы и русские; почти все они коммунисты, французы принадлежат большей частью к школе Бланки, или же, если они и не называют себя последователями Бланки, то, тем не менее, исповедуют принципы близкие бланкизму. Немцы все коммунисты школы Маркса, а русские коммунисты последователи Чернышевского.

„Таким образом, в Романской Федерации столкнулись между собою два течения: с одной стороны, течение анархическое, народный социализм, коллективизм, а с другой стороны—огромная масса, людей исповедывавших умеренные идеи социальных реформ и незначительное меньшинство революционеров социалистов, но социалистов авторитарных, доктринеров и коммунистов [1].

[1]) Слово „коммунизм“ употребляется здесь в том смысле, какой ему был дан на конгрессе Интернационала в Базеле, т.-е. он означает *государственный—коммунизм*. В противоположность ему мы наш *коммунизм* анти-

Таковы были две группы, разделившиеся на конгрессе в Шо-де-Фоне и оспаривавшие друг у друга право называться Романской Федерацией Интернационала.

„Благодаря такому расколу на две группы все истинные социалисты не могли свободно вести среди рабочих пропаганду, так как та и другая группа препятствовала друг другу в этом отношении и взаимно предавали друг друга проклятию. Интересы рабочего дела требуют, чтобы из создавшегося положения был найден какой либо выход и вот почему секция в Веве предлагает свой план.

„Секция в Веве предлагает враждующим сторонам оставить в стороне свои убеждения и идеи, а принять как основу об'единения просто *географические условия.* Группироваться следует не по идеям и мнениям, а по месту нахождения секций. Все секции, находящиеся в данной местности, приглашаются федерироваться, при чем каждая из них сохраняет за собою право иметь те или иные идеи и убеждения, и свободно пропагандировать их...“

К такому разрешению больного вопроса отнеслись сочувственно очень многие юрские секции и среди юрских интернационалистов был поднят вопрос об организации особой *Юрской* федерации, которая и должна была федерироваться с Романской Федерацией, чтобы совместно продолжать пропаганду социализма в Швейцарии.

Между тем, в то время, как юрцы изыскивали способы об'единения и стремились идти на уступки, представители прежнего Федерального Комитета Романской Федерации в Женеве продолжали свою политику вражды и в мае месяце по настоянию Утина Женевская секция Интернационала назначила суд над Бакуниным, Жуковским, Перроном и Генри Сутерландом.

государственный и федералистический назвали словом *„коллективизм.“*

Каждому из обвиняемых было разослано письмо следующаго содержания:

„Женева, 13-го мая 1870 г. Гражданин! Вы приглашаетесь на общее собрание центральной секции, имеющее быть 15-го мая, для подачи об'яснений о фактах имевших место на конгрессе в Шо-де-Фоне.“

Во избежании скандала ни один из обвиняемых не явился на общее собрание, зная что Утин постарается облить их грязью. Так и случилось. Собрание, выслушав Утина и его товарищей, обвинило Бакунина и его друзей в том, что они, состоя членами центральной женевской секции Интернационала, принадлежали в то же время к организации, враждебной центральной секции; на основании этого собрание постановило исключить Бакунина, Жуковского, Перрона и Сутерланда из членов женевской секции Интернационала. Однако категорического решения секция не приняла и дело оставалось невыясненным в течение июня и июля. Наконец, в начале августа обвиняемые получили новое извещение следующего содержания:

„Гражданин! настоящим Вы приглашаетесь на собрание центральной секции, имеющим быть в субботу 13-го Августа. Считаю нужным довести до вашего сведения, что на собрании будет прочитано письмо, в котором требуется исключение вас из секции.“

Получив такое извещение Бакунин тотчас послал из Локарно, где он жил письмо следующего содержания:

„Гражданин председатель! Я только получил Ваше письмо, в котором Вы меня приглашаете на собрание секции и уведомляете, что на собрании будет прочитано письмо, где требуется мое исключение из секции,—не сообщая, однако какие члены секции адресовали Вам это письмо.

„Я счастлив, что наконец-то приближается день,

когда мне будет дана возможность разбить всех моих клеветников.

„К сожалению, мои дела не дают мне возможности приехать в Женеву в назначенный день или даже в ближайшее время. Я вынужден оставаться в Локарно. Но, что нельзя сделать устно, то я постараюсь сделать письменно, тем более, что и мои противники сами начали дело не личным выступлением, а при помощи письма.

„Я вас очень прошу, гражданин председатель, благоволить прислать мне немедленно копию—полученного вами письма с подписями моих обвинителей. Получив его, я постараюсь немедленно ответить на него и пусть избранный товарищеский суд разберет наше дело.

„С братским приветом
М. Бакунин."

Конечно, председатель секции, получив письмо Бакунина, не подумал исполнить просьбу Бакунина и Бакунин не мог по-неволе дать ответ на все пункты обвинительного письма.

Бакунин написал письмо Жуковскому, жившему в Женеве, и просил его явиться на собрание секции 13-го августа вместе с Перроном, Броссе, и другими друзьями и потребовать копию с обвинительного письма, выдачу фамилий лиц приславших письмо и назначение товарищеского суда.

Жуковский и его коллеги, зная, что все равно их исключение уже предрешено и что борьба бесполезна, решили не являться на собрание секции. Действительно дело было устроено так, что собрание без всяких прений и обсуждений постановило исключить Бакунина, Жуковского и их товарищей. 18-го августа секретарь секции послал Жуковскому письмо следующего содержания:

„Женева 18-го августа 1870 г. Гражданин Жуковский! согласно постановлению общего собрания секции состоявшегося 13-го августа, мне поручено сообщить вам, что вы исключены из членов Центральной Секции Международного товарищества Рабочих."

Таким образом, Утин и его друзья одержали победу над Бакуниным и Романская Федерация осталась в их руках. Между тем приближался сентябрь, когда было назначено собрание общего конгресса Интернационала. Как известно, Базельский конгресс постановил, что общий конгресс Интернационала должен собраться в 1870 г. в Париже, Однако разразившиеся события не дали возможности собраться Интернационалистам в Париже. Тогда Главный Совет избрал было местом конгресса город Майнц (Германия), но ввиду военного положения открытие конгресса в Майнце также было невозможно. Тогда решено было перенести конгресс в Амстердам (Голландия). Но, благодаря тому, что Германия и Франция были заняты войной и что на конгрессе преобладание могли взять швейцарцы, бельгийцы, испанцы и итальянцы, то-есть те элементы, которые в общем не разделяли точку зрения Маркса. Маркс, решил не созывать конгресс. Вот что он писал в Женеву Беккеру:

„Конгросс не может собраться ни в Амстердаме, ни в Майнце; лучше его совсем не созывать. Германия, за недостатком денежных рессурсов, не могла бы послать на конгресс достаточное количество делегатов; французские секции распущены; благодаря этому лучше не созывать конгресса, чтобы избежать опасности чтобы известные агенты снова не получили бы на конгрессе *искуственное большинство* (magorile factice); ибо для действий подобного рода они умеют всегда находить рессурсы; откуда? *это их секрет*... Бакунин имеет в лице центрального комитета бельгийских секций верное орудие; наши русские друзья в Женеве, и в частности Утин, должны следовательно, предпринять поход против Бакунина, опубликовав полемическую брошюру.“

Между тем общее политическое положение Европы было крайне тревожно. Война между Францией и Германией разгоралась. Немецкие войска одерживали победу за победой над войсками Наполеона. Наконец, 2-го сентября под Седаном немцы взяли в плен самого императора французов. Положение для Франции с каждым

днем ухудшалось. Видя полное бессилие Империи защитить Францию от внешняго врага, французы подняли знамя восстания и 4-го сентября провозгласили республику. Как только весть об этом дошла до Швейцарии редакционный комитет „Солидарности“ опубликовал следующий манифест—обращение ко всем секциям Интернационала:

Манифест к секциям Интернационала.

„Французская Империя погибла в крови и в бесславии. Республика провозглашена. Французский народ стал хозяином своих судеб.

„Между тем король Прусский продолжает свою войну против Франции. Эта война ведется теперь не против императора, но против независимости французского народа.

„В подобных обстоятельствах обязанность всех социалистов и всех честных людей ясна.

„Республиканская Франция олицетворяет свободу Европы, монархическая Германия представляет деспотизм и реакцию. Необходимо, следовательно, чтобы республиканцы всех стран встали на защиту республиканской Франции.

„Интернационалисты! на нас лежит обязанность дать сигнал движению. Об'единимся и вооружимся все, и выступим волонтерами свободы и равенства, чтобы бороться рядом с нашими братьями французами.“

„Дело французской республики—это дело европейской революции, и теперь наступил момент пролить нашу кровь за освобождение рабочих и всего человечества.

„Интернационалисты Германии!

„До настоящего момента ваше отношение к войне не могло быть иным, как только пассивным. Но теперь ваша роль должна перемениться. Ваша священная обязанность—протянуть руку помощи вашим французским братьям и помочь им раздавить общего врага.

„Общий враг—это военная мощь Пруссии“

„Восстаньте-же во имя Республики и пусть в Бер-

лине и Париже будут только об'единенные братья, стоящие под одним и тем же знаменем и ведущие одну и ту же борьбу.

„Интернационалисты Швейцарских секций!.

„Созывайте немедленно народные собрания; ведите усиленную пропаганду наших идей, организуйтесь, открывайте подписку на денежные сборы, требуйте оружия для добровольцев...

„Интернационалисты всего мира!

„Мы видим зарю нового дня, дня торжества справедливости.

„Да здравствует всемирная
Социальная Революция!.

„Невшатель. 5-го сентября 1870 г.“.

Этот манифест был встречен очень холодно женевскими секциями. Через неделю после появления манифеста в газете „Солидарность“, Утин поместил статью в газете „Равенство“, которая считалась органом Романской Федерации. Свою статью Утин озаглавил: „Манифест мистификатора“.

В этой статье Утин между прочим писал: „мы смотрим на этот манифест как на детское произведение каких нибудь старых или юных школьников, а, может быть, этот манифест принадлежит перу какого-нибудь шутника, или же полного невежды“...

Однако, почти в это же время Центральный Комитет Рабочей социал-демократической немецкой партии в Брауншвейге с своей стороны, издал манифест к немецким рабочим, где высказывались те же идеи, что и в манифесте, опубликованным „Солидарностью“. „После двадцати лет существования постыдной второй империи, говорилось в манифесте немецких соц.-демократов, французский народ поднялся и взял в свои руки свою судьбу... Обязанность немецкого народа—обеспечить французской республике почетный мир и немецкие рабочие должны заявить, что они не потерпят никакого

поругания по отношению к французскому народу после того, как он освободился навсегда от позора, нарушавшего его мир“...

Сам Маркс выражался еще энергичнее и сильнее по этому поводу. В манифесте Главного Совета от 9 сентября 1870 г. разосланном всем секциям Интернационала, Маркс призывал секции *к действию:* „Пусть секции Межд. Товар. Рабочих во всех странах призывают и побуждают рабочих к деятельности. Если они не выполнят этой своей обязанности, если они останутся пассивными,—ужасная настоящая война будет в этом случае предтечей еще более ужасной и кровопролитной международной бойни и она приведет к торжеству и усилению власти обладателей сабли, земли и капитала в ущерб рабочим. Да здравствует Республика“.

Но, что в устах Маркса было непогрешимой истиной, то в устах его противников являлось или ересью, или ребяческой глупостью. Таково было ослепление фракционной враждой.

События во Франции после 4-го сентября быстро развивались; немцы продолжали двигаться по направлению к Парижу. Бакунин, хотя и чувствовал себя не совсем здоровым и неспособным на роль руководителя в борьбе, решил тем не менее уехать во Францию. В своем письме от 6-го сентября к своему другу Адольфу Фохту, Бакунин писал: „мои друзья лионские социалисты-революционеры зовут меня в Лион. Я решил переправить туда свои старые кости и сыграть там, возможно, свою последнюю роль“... 11-го сентября Бакунин приехал в Невшатель, где печаталась в это время его брошюра „Письмо к французу“. 12-го сентября Бакунин был уже в Женеве, откуда в сопровождении своего друга Озерова и одного молодого поляка Ланкевича, отправился в Лион.

В это время в Лионе во главе общественного управления стоял „Комитет Общественного Спасения“, в состав которого входило несколько интернационалистов.

Вскоре Комитет Общественного Спасения был распущен и заменен Муниципальным Советом, состоявшим в огромном большинстве из буржуазных республиканцев. Среди республиканцев были и тайные монархисты, старавшиеся подорвать доверие к республике и посеять в народе вражду.

Приехав в Лион, Бакунин прежде всего решил об'единить вокруг себя социалистов-революционеров, чтобы создать сильную социалистическую партию, способную противостоять всем контр революционным попыткам со стороны буржуазных элементов. На большом народном собрании 17 сентября было решено образовать „Центральный Комитет Спасения Франции". В состав этого комитета вошли социалисты и революционеры, друзья Бакунина. (Сам Бакунин, как иностранец, в члены Комитета не вошел).

24-го сентября состоялось новое большое народное собрание, на котором были приняты резолюции относительно замены всех старых офицеров в армии выбранными начальниками и относительно передачи укрепленных фортов национальной гвардии. Ввиду назревавшей реакции решено было произвести несколько арестов подозрительных лиц и попытаться захватить помещение городского Совета. 26-го сентября состоялось новое собрание, на котором был прочитан и принят следующий революционный манифест:

„Французская Республика".

Революционная Федерация Коммун.

„Гибельное положение, в котором находится Франция, бессилие оффициальной власти и безразличное отношение привиллегированных классов привели французскую нацию на край гибели.

„Если народ, организовавшись революционным образом, не поспешит спасти себя, его будущее обречено на гибель, Революция также должна будет погибнуть. Сознавая всю чрезмерность опасности и принимая во внимание, что народное действие должно начаться без ма-

лейшего промедления, делегаты федеральных комитетов Спасения Франции, об'единившись в Центральный Комитет, предлагают принять немедленно следующие постановления:

„Статья 1. Вся административная и правительственная машина, олицетворяющая Государство и доказавшая свое бессилие, уничтожается.

„Французский народ становится сам хозяином своей судьбы.

„Статья 2. Все уголовные и гражданские суды уничтожаются и заменяются Народным судом.

„Статья 3. Уплата налогов и процентов по закладным на недвижимость аннулируется. Налоги заменяются контрибуцией, взимаемой федерированными Коммунами с богатых классов, пропорционально потребностям на нужды для спасения Франции.

„Статья 4. Государство, будучи уничтоженным, не имеет более права вмешиваться в дела долговых обязательств между частными лицами.

„Статья 5. Все существующие муниципальные учреждения распускаются и заменяются во всех федерерированных коммунах Комитетами Спасения Франции, которые должны функционировать под непосредственым контролем самого народа.

„Статья 6. Каждый Комитет Спасения Франции, находящийся во главе департамента, посылает из своей среды двух делегатов в революционный Конвент Спасения Франции.

„Статья 7. Этот Конвент должен будет собраться в здании Лионской Городской Думы, так как Лион, являясь вторым городом Франции, должен стать во главе защиты страны.

„Конвент, опираясь на народные массы, спасет Францию.

„К оружию!

Е.-Б. Сэнь, Ривьер, Девилль, Ражон, Франсуа Фавр, Луи Паликс, Б. Плаэ, Блан, Бовуар, Альбер Ришар, Бишоф, Дублэ, Буррон, М. Бакунин, Парратон, Гилль-

лерме, Куанье, Пюллья, Латур, Гаттьо, Савиньи, Жермэн, Шавре, Бастелика, Дюпэн и Нарцисс Барре".

Как мы видим, этот манифест был подписан и Бакуниным.

Манифест был отпечатан в срочном порядке. 28-го сентября решено было захватить городскую Думу. В полдень 28-го сентября тысячи манифестантов стали стекаться со всех сторон на площадь Терро. В Городскую Думу была послана делегация из 16 человек рабочих с требованием увеличить заработную плату с 2½ франков до 3-х в день. Вскоре среди манифестантов появился вооруженный отряд, среди которого был Бакунин, Парратон, Бастелика и некоторые другие члены Комитета Спасения Франции. Этот отряд, под командой Сэня, разбил двери Городской Думы и занял залу заседаний городского совета. Члены Комитета Спасения Франции об'явили, что Городской Совет считается распущенным, и власть переходит временно в руки революционного Комитета Спасения Франции. Некоторые члены Комитета приступили к составлению революционных приказов и декретов. Напрасно Бакунин и некоторые другие члены Комитета говорили: „нужно действовать, мы теряем время и можем упустить благоприятный момент... Необходимо воспрепятствовать захвату городской думы буржуазной национальной гвардией, необходимо сейчас же арестовать префекта, городского голову, генерала Мазюра, командующего правительственными войсками". Но, этих речей не слушали.

Действительно, представители власти тотчас же отдали приказ собраться частям национальной гвардии и двинуться к городской думе. Революционный Комитет, считая что сопротивление бесполезно, вошел в переговоры с представителями прежнего правительства и очистил вскоре городскую думу. Бакунин, видя, что попытка закончилась полной неудачей, решил уехать немедленно в Марсель. Покидая Лион, он написал своему другу Паликсу следующее письмо:

„Мой дорогой друг! Я не хочу уехать из Лиона без

того, чтобы не сказать тебе мое последнее прости. Благоразумие не позволяет мне придти лично к тебе и пожать твою руку в последний раз. Мне нечего больше здесь делать. Я приехал в Лион для того, чтобы бороться вместе с вами и если нужно умереть с вами. Я приехал сюда потому, что я был глубоко убежден, что дело Франции в этот великий час является делом всего человечества. Я принял участие во вчерашнем движении и я подписался под постановлениями Комитета Спасения Франции потому, что для меня очевидно, что после фактического и действительного разрушения всей административной и правительственной машины, главная роль принадлежит непосредственному и революционному выступлению самого народа, которое одно может спасти Францию... Вчерашнее движение, если бы оно восторжествовало могло бы спасти Лион и Францию... Я покидаю Лион, дорогой друг, с сердцем полным печали и мрачных предчувствий. Я думаю, что будет сделано с Францией... Она станет немецким вице-королевством. Вместо французского социализма, живого и реального, мы будем иметь доктринерский социализм немцев, которые не скажут ни слова больше того, что позволяет сказать им прусские штыки. Бюрократическое и военное уменье Пруссии, соединенное с царским кнутом Петербургского правительства обеспечат спокойствие и порядок, по меньшей мере на пятьдесят лет на всем континенте Европы. Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности. Все это могло бы быть; все это было бы, если бы французский народ и лионские рабочие захотели осуществить это".

Интересно отметить здесь отношение Главного Совета Интернационала, т. е. Маркса, к Лионскому движению. В своем письме к профессору Бисли от 19-го октября 1870 г. Маркс, между прочим писал по поводу Лионских событий следующее:

„Вначале все шло хорошо. Под давлением интернациональной секции Республика была провозглашена в

Лионе раньше, чем в Париже. В Лионе была провозглашена *Коммуна*, в состав правительства которой вошла часть рабочих, членов Интернационала, и часть радикалов-буржуа... Но ослы, Бакунин и Клюзере, прибыв в Лион, испортили все дело. Принадлежа оба к Интернационалу, они пользовались, к несчастью, довольно сильным влиянием чтобы ввести в заблуждение наших друзей. Городская Дума была взята только на один момент и были изданы довольно смешные декреты об *уничтожении Государства*. Вы понимаете, что присутствие одного только русского—которого буржуазные газеты называют агентом Бисмарка—претендующего стать во главе Комитета Спасения Франции было вполне достаточно, чтобы изменить совершенно общественное мнение. Что касается Клюзере, он вел себя как идиот и как подлец. Оба они покинули Лион как только потерпели неудачу“ [1]).

Позднее, в своем памфлете, вышедшем в 1873 г., „*Альянс социалистической демократии*“, Маркс еще резче писал по поводу участия Бакунина в Лионском восстании:

„Революционное движение в Лионе разразилось. Бакунин тотчас же приехал, чтобы соединиться со своим лейтенатом Альбер Ришаром и с своими сержантами Бастелика и Гаспаром Бланом. 28-го сентября, в день приезда Бакунина [2]), народ захватил городскую думу. Бакунин устроил здесь свое местопребывание; таким образом для Бакунина наступил критический момент, момент, которого он ожидал целые годы, когда Бакунин мог выполнить акт наиболее революционный, когда либо виденный миром: он декретировал *уничтожение Государства*. Но, государство, в виде двух отрядов буржуазной национальной гвардии, вошло в дверь, ко-

[1]) Это письмо Маркса приведено в The Socia -Democrat № du avril 1903.

[2]) На самом деле, Бакунин приехал в Лион 15 сентября.

торую забыли запереть, и очистило залу, заставив Бакунина собраться в обратный путь в Женеву“ [1]).

В этих словах, продиктованных злобой и ненавистью, Маркс старается уменьшить роль Бакунина в Лионском восстании и, желая показать, что инициатива в этом движении принадлежит не Бакунину, говорит, что Бакунин приехал в Лион в самый день восстания, 28 сентября, и просто примкнул к движению, тогда как на самом деле Бакунин приехал в Лион 15-го сентября и еще до этого письменно из Швейцарии вдохновлял своих лионских друзей и указывал, что следует делать и где искать выход. Бакунин не воспользовался занятием Городской Думы, а сам, во главе отряда своих друзей брал Городскую Думу, и после занятия ее не уселся за составление декрета „об уничтожении государства“, а, наоборот, призывал к организации дальнейшей борьбы, упрекая Комитет в том, что тот теряет время на составление революционных декретов и распоряжений.

IV.

Конгрес в Сент-Имье (9-го октября) — Бакунин в Марселе.— Марсельская Коммуна.

9-го октября 1870 г. в Сент-Имье собрался общий конгресс Романской Федерации за исключением женевских секций. Главный вопрос, подлежавший обсуждению на конгрессе, касался общего положения Федерации и ее отношения к Главному Совету Интернационала.

Ввиду того, что Главный Совет не хотел признавать избранный на конгрессе в Шо-де-Фоне новый Федеральный Комитет, а продолжал вести дело с прежним Женевским Комитетом, некоторые делегаты предложили образовать особую федерацию, для которой предложили принять название *„Юрской Федерации“*, так как большинство секций, примыкавших к новому Федеральному Комитету, находились в области Юрских гор.

---

[1]) L'Alliance de la démocratie socialiste стр. 21.

Однако, конгресс, все еще надеясь, на возможность об'единения всех швейцарских секций в единую Романскую Федерацию, большинством голосов признал, что основание новой Юрской Федерации преждевременно. Большинство делегатов предполагало, что вопрос о Романской Федерации будет рассмотрен на общем конгрессе Интернационала, который ввиду критического положения в Европе был отложен на неопределенное время.

Между тем общее положение в Европе не улучшалось. Война между Францией и Германией затягивалась. Немцы подошли к самому Парижу. 27-го сентября пришло известие о сдаче генералом Базеном крепости Меца. Правительство Бавра, Тьера и генерала Трошю решило не защищаться. Тьер был отправлен к пруссакам просить перемирия, чтобы созвать Национальное Собрание, которое должно было бы заключить мир.

Все это вызывало возмущение среди парижан, которые ни за что не хотели видеть в стенах Парижа ненавистных пруссаков. В то время, как правительство решило не защищаться, парижские рабочие, подозревая измену и не доверяя правительству, стали готовиться к обороне своего города. Это разногласие между правительством и народом приводило к взаимным трениям, к взаимному недоверию и создавало неопределенное неустойчивое положение. Лионская попытка восстания заставляло правительство быть на-стороже.

Между тем Бакунин, видя неминуемое поражение Франции, продолжал верить, что единственное средство спасти Францию—это немедленное свержение неспособного и трусливого буржуазного правительства и организация защиты страны самим народом. Потерпев неудачу в Лионе, Бакунин, как мы уже сказали выше, уехал в Марсель, чтобы там попытаться поднять возстание и организовать народный Комитет Спасения Франции.

Однако, рабочие в Марселе, был совершенно неорганизованы и так как внешний враг не угрожал непосредственно Марселю, то призыв Бакунина к свержению правительства и к организации защиты страны

нашел слабый отклик среди рабочих. Между тем Лионские власти прислали в Марсель распоряжение об аресте Бакунина и о доставке его в Тур, где в это время находилось правительство Гамбетты. В числе лиц, окружавших Гамбетту, был между прочим генерал, поляк Мирославский, который считал Бакунина своим личным врагом и уверял Гамбетту, что Бакунин является прусским шпионом. Вследствие этого Бакунина сильно разыскивали в Марсели и его друзья уговорили Бакунина уехать из Марселя в Швейцарию. 28-го октября Бакунин был уже в Локарно.

Между тем, тотчас же после его от'езда из Марселя стало известно о предательстве генерала Базена и о сдаче им Меца; эти факты вызвали взрыв негодования и служили доказательством даже для самых умеренных элементов, что буржуазное правительство не может и не хочет защищать страну. В Марселе на сторону революционеров и социалистов стали даже сам губернатор департамента Эскирос, старый и убежденный республиканец и префект Марселя Дельпеш. 30-го октября 1870 г. по случаю событий была назначена большая манифестация. Революционный Комитет вошел по этому поводу в переговоры с префектурой, которая заявила, что с ея стороны никаких препятствий для манифестации не будет. На другой день Революционный Комитет с черным знаменем и с музыкой в сопровождении огромной толпы прошел по главным улицам города и затем явился в префектуру. Черное знамя было водружено на здании префектуры, на балконе которой появился гражданин Эскирос, губернатор департамента Устьев Роны. В своей патриотической горячей речи Эскирос обещал народу дать оружие и стать во главе народной армии чтобы отразить нашествие врага.

Гамбетта, извещенный о таком поведении Эскироса, немедленно вызвал его депешей к себе, называя Эскироса „бунтовщиком“. В ответ на это Эскирос послал телеграмму, где называл правительство Гамбетты „правитель-

ством низости и глупости,“ и заявлял, что он выходит в отставку.

На следующий день, 31-го октября, утром Революционный Комитет явился снова в префектуру и оттуда направился в городскую думу в сопровождении огромной толпы народа. В городской думе была провозглашена революционная Коммуна. Была послана телеграмма генералу Клюзере, приглашавшая его стать во главе революционной армии юга. Но, благодаря нерешительности Клюзере и отсутствию организаторов движение было подавлено присланным Гамбеттой новым губернатором, заменившим мятежного Эскироса, и приведшим с собою несколько полков верных правительству войск.

V

Зима 1870—71 г.

Несмотря на волновавшие всех события, происходившие зимою 1870—71 г. во Франции, швейцарские интернацоналисты не прерывали своей пропаганды идей интернационального социализма и продолжали углублять и развивать свои теории безвластного и свободного коллективизма.

В течение зимы 1870—71 г. был издан целый ряд отдельных брошюр по основным вопросам социализма, из которых наиболее значительными были: „*Международное Товарищество Рабочих*,“ Альбера Ришара, „*Война и Мир*“ Адемара Швицгебеля и др. Был издан также в целях пропоганды „*Наробный Альманах*“ на 1871 г. в котором были напечатаны, между прочим, статьи А. Швицгебеля об Интернационале и статьи Джемса Гильома „*Реформа воспитнния*“ и „*Социальная Коммуна*“.

Кружок наиболее деятельных интернационалистов Юрских секций решил даже издать большой том, посвященный идеям федерального социализма. Это сочинение, представляя собою коллективный труд, должно было

осветить и углубить теории юрских интернационалистов и познакомить с ними деятелей Интернационала в других странах.

В своем письме по этому поводу к Николаю Жуковскому, Джемс Гильом, между прочим, писал: „чувствуется потребность и необходимость в таком сочинении, которое являлось бы как бы противовесом „*Капиталу*" Маркса и было бы изложением революционной и ан-архической теории социализма".

Но, недостаток времени и научных сил помешали осуществить это предположение. Часть этого труда составляет написанная Бакуниным книга, носящая название „*Социальная революция и кнуто-германская империя*". Первоначально Бакунин думал было дать этой книге заглавие: „*Социальная революция и военная диктатура*".

VI

Капитуляция Парижа (28 января 1871 г).—Выборы во французское Национальное Собрание.—Письмо Варлена.

Таким образом революционные попытки в Лионе и в Марселе окончились неудачей. Реакция всюду торжествовала; в действительности империя не была уничтожена; она жила в сердцах и в умах большинства французов.

Между тем нищета в Париже и в других городах увеличивалось все более и более, и страдание народа становились все ужаснее; многие начинали сомневаться в пользе героизма, предвидя неизбежное близкое поражение. В Париже волнения усиливались с каждым днем В ответ на это правительство организовало преследование всех революционеров и республиканцев. На каждого кто был, действительно, истинным республиканцем, смотрели как на врага республики. Правительство решило капитулировать и Жюль Фавр, посланный делегатом в Версаль, к Бисмарку, 27-го января подписал сдачу Па-

рижа и заключил перемирие на две недели, в которые должны произойти выборы в Национальное Собрание. День выборов был назначен на 8-ое февраля. Интернационалисты приняли деятельное участие в выборной компании и в своем манифесте призывали рабочих голосовать за социалистических депутатов: „Рабочие имеют право занять свое место в новом общественном строе; кандидатуры социалистов и революционеров означают прекращение всяких споров о необходимости республики.“

От Парижа большинство депутатов прошли республиканцы и социалисты. Это были по количеству полученных голосов: Луи Блан, Виктор Гюго, Гамбетта, Гарибальди, Эдгар Кинэ, Рошфор, Делеклюз, Феликс Пиа, Гамбон, Локруа, Дорьян, Ранк, Бенуа Малон, Анри Бриссон, Мильер, Толен, Тьер и Жюль Фавр.

Провинция избрала 450 реакционных депутатов, монархистов, желавших капитулировать во чтобы то ни стало.

Вихрь реакции поднимал теперь провинцию против республиканского Парижа. Все деятели рабочего движения чувствовали это и ясно видели, что борьба неизбежна. 20 го февраля Эжен Варлен в своем письме к Гильому писал между прочим: „если предатели Трошю Фавр и их сподвижники успели выдать нас врагу, это не наша ошибка, но ошибка всего парижского народа, который верил до последняго дня речами этих адвокатов, которые в своих воззваниях даже накануне капитуляции утверждали, что они хотят *защищаться победить или умереть*, в то время, как, в действительности, они с первого же дня как стали у власти только и думали лишь о том, как бы капитулировать.“

VII

Жизнь Бакунина в Локарно зимою 1870 71 гг. -Его сочинение „*Кнуто-Германская империя*.“

Как мы уже говорили выше, Бакунин, после неудач в Лионе и в Марселе, поселился снова в Локарно, где

жила его семья. Настроение в это время у него было очень подавленное: он видел крушение всех своих планов и видел неизбежное падение Франции под ружьем прусских юнкеров. К довершению всего Бакунин находился зимой 1870—71 гг. в крайне тяжелых материальных условиях. До какой бедности, даже, можно сказать, до нищеты, дошел Бакунин с семьей можно судить по его записям в записной книжке за 1871 г. Там мы читаем:

Январь 2.—Кошелек пуст. Дано Антонии [1]) 5 франков. 3—денег ничего нет. Занял у Мари 45 фр. 5.—Дано Антонии 20 фр. 9.—Дано Антонии 3 фр. 11—Денег нет. 13.—Денег нет. 14.—Взято у Мари 40 фр. 16 — Получено 200 франк от Гамбуцци. 18.—Заплочено 60 фр. в колбасную, 17 фр. .... (неразборчиво). 19.—Уплочено булочнику 30 фр.; остается в кошельке 67 фр., 21.—остается в кошельке 53 фр. 70 с. 24.—В кармане 20 фр.; 25.—Нет чая [1]). 28. Письмо к мадам Францони: завтра, без сомнения, ответ. Какой ответ: нуль? 200? 300? 400?—29. Получено от мадам Францони 300 фр.—Париж капитулировал 28; Бурбаки вошол в пределы Швейцарии.—Уплочено Нине [1]) 25 фр.; уплочено Мари 40 фр. (остается за мной 68 фр): уплочено мадам Педрацини 60 фр. (остается за мной 208 фр. по 4-ое февраля); уплочено Беттоли 55 фр. (остается за мной 25 фр.); за дрова 41 фр. 50 сант.: осталось в кармане 88 фр.

Февраль. 2—Уплочено Нине 20 фр.; остается ей долгу 3 фр.; новая прислуга Маргарита: 11. Занято у

[1]) Жене.

[1]) Жена Бакунина в письме к одному знакомому, написанному ей в этот день, говорит: „Мишель находится в очень угнетенном состоянии; он говорит: „что делать?“ Я слишком стар, чтобы начинать зарабатывать мой хлеб: мне остается немного времени жить.“ Экономический вопрос угнетает его настолько, что он потерял всю свою энергию и буквально убит....“ (Nettlau. Supplement inédit).

[1]) Прислуга в семье Бакунина.

мадам Педрацини 50 фр. 40 сант. 17. Занято у Батиста 31 фр. 20. Получено от Гамбуцци 110 фр., уплочено Батисту; чай 9 фр.; бумага и проч. 2 фр.: Инис 3 фр.; Антонии 2 фр... всего 54 фр. остается 66 фр. 22. Заплочен весь долг Беттоли; остается 32 фр.

Март. 2. в кармане только 16 франков; 6. 5 франков в кармане: что делать? обратиться к мадам Францони? 7. К Францони—ни зачто. Всего 5 фр. 8. Болен; всего денег 5 фр: 9. в кармане 3 фр. 30 с. 10. в кармане остается 1 фр. 85 сант. 11. Осталось 5 сантимов. Просил 20 фр. у Эмилио; обещал завтра 12. Эмилио принес 20 фр. итальянскую бумажку.— 13. Нет ответа ни от Гамбуцци, ни от Лугинина: денег ничего. 14. Писем нет. 15. Писем нет. 16. От Гамбуцци ни писем, ни денег, от Лугинина тоже. 17. Нет писем, денег также; в кармане 99 сантимов. Остается 55 сантимов. 18. Письмо от Гамбуцци без денег. Взял 110 фр. у мадам Педрацини [1]). Еду завтра.

19-го марта Бакунин уехал во Флоренцию, к одному своему русскому знакомому Лугинину, которому Бакунин дал поручение к своим братьям относительно высылки ему денег за причитающуюся ему часть именья отца в дер. Прямухине, Тверск. губ. В Локарно Бакунин возвратился 3-го апреля.

Несмотря на бедственное материальное положение и на постоянные заботы о том, где бы достать денег, Бакунин находил в себе силы заниматься литературной работой. Зимой 1870 г., вскоре после того, как он вернулся из Марсели, он принялся за писание своего нового большого сочинения политического и философского характера, которому он впоследствии дал заглавие „*Социальная революция и кнуто-германская империя*“.

---

[1]) Квартирная хозяйка, где снимал помещение Бакунин

VIII.

18 марта 1871 г.—Революционное движение во Франции.

В тот самый день, когда Бакунин уехал из Локарно во Флоренцию, в Невшателе получилась депеша, извещавшая о событиях 18-го марта в Париже. Правительство оставило Париж; городская дума захвачена революционерами и занята Центральным Комитетом национальной гвардии. Что представлял собою этот Центральный Комитет? Среди неизвестных мне членов этого Комитета в списке я увидал фамилию одного из наших—это был Варлэн. Немедленно я телеграфировал в Локль Шпицгеру и Швицгебелю, прося их приехать в Невшатель, чтобы обсудить положение. Они вскоре явились. Мы решили тотчас же послать кого-нибудь в Париж к Варлену, чтобы выяснить истинный характер парижских событий и спросить его, что мы должны делать. На следующий день мы отправили в Париж одного молодого работника из Локля, Эмиля Жако с письмом к Варлену.

Жако с трудом пробрался в Париж и добился свидания с Варленом. Варлен, прочитав наше письмо, сказал, что движение 18-го марта имеет своей целью лишь завоевание и утверждение городских вольностей Парижа и что в их задачу сейчас не входит международная революция. Как только, добавил Варлен, в Париже будет избрана Городская Дума, Центральный Комитет сложит свою власть и все будет кончено. С таким ответом Жако вернулся в Швейцарию.

Однако, ближайшие дни показали, что события в Париже пошли не тем путем, как предполагал Варлен. Центральный Комитет вполне был готов вступить в переговоры с правительством и требовал лишь одного открытого признания республики и укрепления свободы городского самоуправления. Но, правительство, постыдно бежавшее из Парижа, стремилось преувеличить требования революционеров, говорило о их непримиримости и

жестокости и поэтому не хотело входить ни в какие сношения.

Вследствие того, что Центральный Комитет смотрел на себя как на власть временную, он не предпринял поход тотчас же после 18-го марта на Версаль, когда национальная гвардия легко могла бы захватить в плен растерявшееся правительство; вместо этого Центр. Ком. прежде всего постарался организовать выборы в Городскую Думу, чего так долго и безрезультатно добивался парижский народ.

В то время, как Париж восстал против реакционного Национального Собрания на защиту республики и городских вольностей, в некоторых провинциальных городах также началось революционное движение. Первым после Парижа поднялся Лион. 19-го марта лионские республиканцы устроили манифестацию в честь Парижа. Избранная национальной гвардией делегация потребовала от городского головы, чтобы он провозгласил в Лионе Коммуну. После грубого отказа, делегация, поддерживаемая народом, разогнала членов Городской Думы и образовала временный Совет Коммуны.

23-го марта Коммуна была провозглашена в городе С.-Этьене. В своем воззвании к народу совет С-Этьенской Коммуны писал: „Коммуна—это не поджог, не воровство, не грабеж,—как любят повторять наши враги,—а завоевание свободы и независимости, которые у нас отняты империей и монархией; Коммуна—верная основа республики".

Вскоре были об'явлены Коммуны в Крезо, Марсели, Тулузе, Нарбонне, Лиможе и Мансе. Однако, в провинции находилось много войск, верных правительству, и поэтому восстания были всюду подавлены.

Французские крестьяне оставались безучастными зрителями в этой революционной борьбе городов за свои городские вольности; а в некоторых случаях, крестьяне, напуганные правительственными агентами тем, что социалисты, когда укрепяться у власти, будут отнимать

у крестьян землю, открыто становились против революционеров.

Совет Парижской Коммуны опубликовал манифест к сельским жителям, раз'ясняя цели и задачи коммуналистического движения. „Интересы крестьянина и рабочего одни и те же, говорилось в этом манифесте. Чего требует рабочий, то нужно и крестьянину. Нам всем недостает свободы, отдыха, умственной и духовной жизни. Крестьянин и рабочий—все еще рабы нищеты... Вот почему Париж хочет, чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как и сын богача, и получал бы его бесплатно, потому что наука есть общее достояние; чтобы действительно *жить*, образование также необходимо, как глаза, чтобы видеть. Париж требует уничтожения должностей, оплачиваемых 20, 30 и 100 тысячами франков, позволяющих одному человеку в продолжение года поглощать благосостояние многих семейств.

„Париж требует, чтобы каждый человек, не являющийся собственником, не платил бы налогов, а чтобы вся тяжесть налогов падала бы на богачей.

„Париж требует, чтобы правосудие ничего не стоило тем, кто в нем нуждается.

„Итак, Париж хочет: земли—для крестьян, орудий производства—для рабочих, работы—для всех.

„Плоды земли тем—кто ее возделывает!

„Да не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных!..

„Да не будет больше ни работы без отдыха, ни отдыха без работы!“.

„Это—возможно. Для этого нужны только хорошие законы, которые и явятся тогда, когда трудящиеся не захотят больше, чтобы бездельники обманывали их“...

Но этот манифест не попал в деревню и не дошел до крестьянина, который был окружен сетью правительственных чиновников и полицейских.

Парижане, видя, что революционные попытки в провинции, оканчивались неудачами, решили пойти на не-

которые уступки и делали попытки к соглашению. Но Тьер не хотел и слышать о примирении. Он хладнокровно готовился к походу на Париж. Он жаждал уничтожения всех социалистов и упорно стоял на своем.

IX.

Статьи по поводу Парижской Коммуны в „Солидарности“.—Приезд Бакунина в Юру.- Выступление Бакунина в Валь-де-Сент-Имье.

Швейцарские интернационалисты лихорадочно следили за всеми событиями, происходившими в Париже, и горячо желали, чтобы Париж вышел победителем в своей борьбе с реакционным Версальским правительством. Парижская Коммуна была дорога швейцарским интернационалистам тем, что она стремилась осуществить идеи, которые разделялись и швейцарскими интернационалистами. Во втором нумере газеты *„Солидарность“*, органе юрских секций Интернационала, по поводу Парижской Коммуны была напечатана обстоятельная статья, носившая заглавие:

„Федерализм“.

„Истинный характер революции, происходящей в Париже, ныне начинает выясняться для всякого, даже и для тех, кто чужд политических теорий.

„Парижская революция—революция *федералистическая*.

„Парижский народ хочет свободы, чтобы организоваться так, как ему представляется наилучшим, не желая, чтобы остальная Франция вмешивалась в его устройство; в то же время Париж отказывается, с своей стороны, вмешиваться в дела провинции и отдельных департаментов, предоставляя им также свободу организоваться по своей воле, в полной коммунальной автономии.

„Различные организации свободно сложившиеся таким образом, могут затем свободно федерироваться между собою, обязуясь взаимно охранять свои права и свою независимость.

Не следует смешивать федерализм, понимаемый Парижской Коммуной, с так называемым федерализмом, существующим в Швейцарии и в Соединенных Штатах Америки.

Швейцария представляет собою просто *федеративное Государство*, и одно это название уже выражает достаточно ясно всю разницу между двумя видами федерализма. Швейцария является *государством*, то-есть представляет национальную единицу; следовательно, несмотря на федеративную видимость, высшая власть в Швейцарии принадлежит всей нации в ее целом. Отдельные кантоны, вместо того, чтобы рассматриваться как совершенно самостоятельные единицы, вполне свободные и автономные, считаются лишь частями одного целого, которое называется швейцарской нацией. Кантон не обладает свободой: он может, в известной степени, управлять своими делами, но он не пользуется настоящей автономией, то-есть его законодательные функции ограничены федеральной конституцией; и эта конституция не является *договором* в истинном смысле слова; она не принята свободно обеими договаривающимися сторонами, но дана сверху, навязана кантону Федеральным Собранием. Отдельный кантон не имеет права нарушить федеральный контракт; он не имеет права выйти из федерации; ему даже запрещено в случае необходимости разделяться на два новых кантона. Благодаря этому при всяком политическом или социальном движении, при стачке, напр., федеральные войска могут беспрепятственно войти в каждый кантон.

Федерация в Швейцарии является, в действительности, лишь пустым словом. Настоящее название швейцарской системы не *федерация*, а *децентрализация*.

В Швейцарии осуществлена, за немногими исключениями, та система правления, которая была установлена во Франции конституцией 1791 года, и которую Версальское Собрание, „воодушевляясь великими принципами 1789 г.“, предполагает снова ввести во Франции, чтобы этим самым обмануть еще раз стремление народа к федерализму.

*

Федерализм, в том смысле, какой ему дается Парижской Коммуной, и какой ему был дан великим социалистом Прудоном, (который первый изложил научным образом теорию федерализма),—представляет прежде всего отрицание *нации* и *государства.*

Для федерализма не существует нации, не существует национальных или территориальных единиц. Для него существуют лишь совокупность федерированных коммун и эта федерация не имеет других руководящих принципов, как только общий интерес всех коммун, заключивших договор. Следовательно, при таком федерализме не возникает никакого вопроса ни об национальности, ни о территории.

„Точно также для истинного федерализма не существует и *Государства,* не существует высшей центральной власти, навязывающей свою волю группам и организациям. При истинном федерализме мы видим лишь *коллективную* силу, вытекающую из факта федерирования групп и эта коллективная сила, употребляемая для поддержания и обеспечения федеративного договора,—представляет собою истинный *взаимно—обязующий договор,* принятый индивидуально каждой договаривающейся стороной; эта коллективная сила не может никогда стать какой то внешней или высшей силой по отношению к федерированным группам, подобно тому как Государство является теперь по отношению к обществу и к коммунам. При федерализме, понимаемом в таком смысле, совершенно нет места национальному и централизованному Государству, а есть лишь свободные

Коммуны, пользующиеся в полной мере своей независимостью и такой порядок вполне можно назвать *ан-архией*, то-есть отсутствием центральной власти.

„Однако, не следует думать, что федерализм приведет неизбежно к абсолютному индивидуализму, к полной независимости индивида, к эгоизму. Эти опасения ни на чем не основаны. Федерализм коммунальный—есть социализм; то-есть для него *солидарность* неотделима от *свободы*. Коммуны, входя в федерации, сохраняют полную свободу внутреннего самоуправления и устанавливают договором взаимные права и обязанности в вопросах общего характера, как то, обмен продуктов, взаимная помощь в случае какого либо внешнего нападения, организация транспорта и т. д.

„Пусть французский народ, разбуженный своим несчастьем, откроет глаза; пусть он будет в 1871 г. инициатором и творцом *Федеративной и Социальной Республики*, как он был в 1793 г. пропагандистом прав человека; благодаря французам Европа, быть может, будет предохранена от готической реставрации, которой угрожает Германская Империя, и в недалеком будущем увидит зарю восходящих дней свободы и равенства“.

Бакунин, живя в это время в Локарно, заканчивал свое сочинение „Кнуто-германская империя и Социальная революция“, первый выпуск которого был отпечатан в Женеве в половине апреля. Парижския событпя глубоко волновали Бакунина и он не мог дольше оставаться вдали от своих друзей и переживать один все великие событпя. Вследствие этого, как только явилась возможность покинуть Локарно, Бакунин приехал в Швейцарию; 27-го апреля он был уже в Невшателе, откуда он переехал в Сонвилье. Живя в Юрских горах, среди своих друзей, Бакунин несмотря на свои годы, вел деятельную пропаганду социализма и прочитал три больших лекции, в которых он касался современного положения вещей в Европе и в частности во Франции.

В своей последней лекции он, между прочим, гово-

рил: „французской буржуазии история вынесла свой приговор... Если бы буржуазия хотела спасти Францию, она могла бы это сделать. Но для этого она должна бы пожертвовать свое богатство, свою жизнь, и открыто опереться на пролетариат, как это сделали ее предки, буржуа 1793 года. Но, буржуазия наших дней не захотела жертвовать своими деньгами и тем более своей жизнью и она предпочла завоевание Франции пруссаками своему спасению через социальную революцию.

„Вопрос был поставлен ясно. Рабочие говорили: „мы скорее взорвем дома, чем отдадим наши города пруссакам". Но, буржуа на это отвечали: „мы скорее откроем ворота наших городов пруссакам, чем допустим рабочих сделать беспорядок, мы хотим сохранить наше имущество во что бы то ни стало, даже если бы для этого нас заставили целовать пятки у немцев".

„И так обстоит дело не только в одной Франции; всюду в Европе буржуазия прогнила насквозь и в моральном и в умственном отношении. Во всех европейских странах лишь пролетариат сохранил в себе священный огонь и только пролетариат один высоко несет ныне знамя человечества...

„Да, дорогие товарищи, вы, рабочие, солидарно об'единенные с вашими братьями рабочими всего мира, вы являетесь ныне исполнителями великой исторической задачи — освобождения человечества. Для выполнения этой огромной задачи вы имеете своим сотоварищем крестьянина. Но, крестьянин не обладает еще в достаточной степени сознанием о великой задаче народа. Он был отравлен и отравляется до сих пор попами, и является, благодаря своей темноте, орудием реакции. Вы должны просветить крестьянина, познакомить его с тем, что такое Социальная Революция.

„В настоящий момент и, особенно, в начале, промышленные рабочие должны разсчитывать только на самих себя. Они будут непобедимы, если захотят этого. Но, они должны стремиться к этому серьезно. Чтобы осуществить свою волю и стремление к завоеванию сво-

боды рабочие имеют в своих руках только два средства Первое—они должны установить в своих группах, а затем и между группами, настоящую братскую солидарность, солидарность не только на словах, но на деле. Солидарность рабочих должна проявляться не только во время праздников и торжеств, но во всех случаях повседневной жизни. Каждый член Интернационала должен ощущать, должен практически видеть, что все члены Интернационала на самом деле его братья.

„Другое средство для освобождения рабочих—это революционная организация; организация для действия. Если народные возстания в Лионе, Марсели и в других городах Франции были подавлены, то это произошло благодаря тому, что народные массы были не организованы. И если Парижская Коммуна продолжает геройски держаться до настоящего момента, то причина этого заключается в том, что парижские рабочие, во все время осады Парижа об'единялись в союзы и укрепляли свои организации. Буржуазные газеты вполне правы, утверждая, что парижское движение вызвано Интернационалом. Да, повторяю я с гордостью, это наши братья интернационалисты своей неустанной работой сорганизовали парижский народ и сделали возможным осуществление Парижской Коммуны.

„Будем же братьями, товарищи, и организуемся. Не думайте, чтобы мы присутствуем при конце Революции, нет, наоборот, мы переживаем только ея начало. Отныне Революция стоит на очереди и она будет стоять еще десятки лет. Она настигнет и нас рано или поздно. Будем же готовиться, очистимся от наших эгоистических привычек, будем меньше разглагольствовать, перестанем быть крикунами, и фразерами. Будем меньше проводить времени в кабаках и в увеселительных местах; приготовимся достойно к этой великой борьбе, которая должна спасти все народы и окончательно освободить человечество. Да здравствует Социальная Революция! Да здравствует Парижская Коммуна!.“

X

„Кровавая неделя“ в Париже.—Прибытие парижских коммунаров в Швейцарию.—Бакунин и его отзыв о Парижской Коммуне.—„*Ответ интернационалиста Мадзини*“—Подготовительные работы к международной конференции в Лондоне.

В понедельник 22-го мая газеты принесли известие что версальские войска овладели воротами Сен-Клу и, таким образом, проникли в Париж. Началась медленная и мучительная агония Парижской Коммуны. Целую неделю парижские коммунары защищались с мужеством отчаяния против нападавших версальцев. Им ничего не оставалось делать, как только умереть, так как Тьер и главнокомандующий войсками боровшимися против Коммуны, генерал Винуа, отдали приказ истреблять без жалости всякого участника Парижской Коммуны. Члены Совета Коммуны предлагали принести себя в жертву победителям, если этим возможно остановить ужасы бойни но скоро они убедились в невозможности подобной развязки. Торжествовавшая буржуазия не знала жалости: пушки безпрерывно грохотали над побежденным уже Парижем, картечь сыпалась проливным дождем над рабочими кварталами, коммунары отступают, версальцы организуют систематическую резню: пленных разстреливают митральезами, связывая вместе по 10, 15, 20 и даже по 40 человек. Пленные люди всех возрастов, всякого звания, взятые случайно на улицах, в домах, шедшие по своим делам женщины, дети,—все устанавливаются в два ряда, связываются вместе и картечью скашиваются в общую кучу. Те, которые еще шевелятся, приканчиваются ударами штыков.

Горе тому, кто лицом или фигурой походил на члена Коммуны или являлся однофамильцем такового: его немедленно постигала смерть; горе каждому, проявившему некоторую жалость или отвращение при виде ужасных сцен: его тотчас же постигала та же участь. К концу кровавой недели ряды членов Коммуны сильно

поредели. Большинство видных членов Коммуны были убиты на баррикадах или растреляны версальцами. 28-го мая, в воскресенье, весь Париж был уже в руках версальцев и остатки сопротивлявшихся коммунаров были добиты на кладбище Пер-Ляшез. В воскресенье 28-го был захвачен версальцами и последний защитник Коммуны и ея энергичный деятель, Варлен. На протяжении всего пути Варлен подвергался побоям со стороны толпы и тех, кто его вел; в конце концов принуждены были его нести, так как он совершенно изнемог от всех этих жестокостей. Затем он был расстрелян. Так погиб этот скромный и преданный работник, член Интернационала, один из самых деятельных, честных и самоотверженных членов Коммуны.

28-го мая Тьер торжествовал свою победу; он телеграфировал по всей Франции: „Земля покрыта трупами; это ужасное зрелище послужит уроком."

Поражение Парижской Коммуны глубоко взволновало всех интернационалистов, видевших в Коммуне зарю новой жизни и торжество идей международного социализма.

Великая трагедия французского пролетариата не остановила злостной работы женевских членов Интернационала, об'явивших поход против Бакунина и его сторонников. В марте 1871 года Утин, Перре и их товарищи усердно отыскивали способ как бы совершенно освободиться от секции Альянса и исключить ее из Интернационала. На одном из публичных собраний всех женевских секций они вдруг заявили, что женевская секция „Альянс социалистической демократии" никогда не была принята Главным Советом в Интернационал. Когда же секретарь секции Альянса, Жуковский, в ответ на эти клевету, опубликовал в газетах два письма, написанных от имени Главного Совета Эккарпусом и Юнгом, и извещавших женевскую секцию Альянса о приеме ея в Интернационал, то Утин и его друзья заявили, что эти письма *подложные*, при чем они ссылались, что это подтверждает одно лицо, бывшее в Лондоне и которому в Главном Совете сказали, что по-

добных писем Главный Совет женевской секции Альянса никогда не посылал.

Таким осведомленным лицом оказалась некая госпожа Дмитриева, знакомая Утина и Маркса. Дмитриева, известная в кружках под именем гражданки Элизы, была фанатической поклонницей Маркса и не называла его иначе, как *современный Моисей.* Зимой 1870—71 г. она провела в Лондоне несколько недель, и затем вернулась в Женеву, снабженная, вероятно, соответствующими инструкциями. Именно, вскоре после ея приезда из Лондона и был поднят снова вопрос об Алльянсе и было об'явлено на общем собрании женевских секций о том, что Альянс не был никогда принят в Интернационал.

Но, недостаточно было в ответ на опубликование двух писем Главного Совета секции Альянса об'явить, что эти письма подложны. Нужно было представить еще доказательства. Для этого секретарь бывшего Федерального Совета Романской Федерации, Генри Перре, обратился за подтверждением в Лондон.

Что произошло в Главном Совете Интернационала в Лондоне по этому поводу, мы можем узнать из документа составленного в 1872 г. членом Главного Совета Полем Робэном, и носящем название: „Оправдательная Записка“ В этом документе Робэн правдиво передает о своем прэбывании в Главном Совете и, между прочим, пишет:

„Я приехал в Лондон в октябре 1870 г... как только я отыскал себе небольшой заработок, я был представлен Марксом всем членам Главного Совета и был избран единогласно в Главный Совет. В течение нескольких месяцев я, еще не освоившись с английским языком, мало принимал участия в работах Совета... Живя в Лондоне, я очень редко вспоминал о расколе, происшедшем между швейцарскими секциями, тем более, что с началом войны почти ни одно письмо, ни один нумер газеты не получались из Швейцарии. Но, всетаки я раз или два мельком говорил с Марксом об этом расколе, считая это дело уже поконченным. Я даже рас-

считывал на его влияние чтобы помочь мне внести полное умиротворение в Швейцарии. Вот почему когда стало возможно возобновить письменные сношения с моим другом Гильомом, прерванные событиями 1871 г., и когда я стал получать от него письма, я был настолько наивен, что многие письма Гильома давал читать Марксу. Но, тогда я уже по многим уклончивым ответам Маркса стал догадываться, что в его душе не остыла еще вражда и злоба. Но, я продолжал все еще думать, что Маркс, всетаки, будет справедлив и корректен по отношению к другим лицам, не разделяющим его идеи.

„В начале марта месяца 1871 г. я случайно познакомился в Главном Совете с письмом секретаря Женевского Федерального Комитета Романской Федерации, Перре. В этом письме Перре подробно описывал бурное заседание Комитета, на котором сторонники и враги Альянса горячо поспорили друг с другом. Последние ссылаясь на слова гражданки Элизы, [1])—только что вернувшейся из Лондона, от Маркса,—утверждали, что Альянс социалистической демократии никогда не был принят в Интернационал, как секция. Тогда один из членов Альянса [2]) представил собранию два оффициальных письма от Главного Совета, подтверждавших прием секции Альянса в Интернационал. В ответ на это противники Альянса заявили что эти письма подложны. В конце письма Перре просил Главный Совет немедленно же подтвердить подлинность этих писем.

„Вопрос был вполне ясен. Нужно было только сказать *да* или *нет* относительно подлинности писем, о которых шла речь. Однако, Главный Совет почему то уклонился от прямого и определенного ответа и по истечение пяти недель с момент получения письма Перре Совет не нашел времени послать ответ.

„Почти в это же время я получил из Швейцарии, от одного своего друга, в свою очередь, письмо, в ко-

---

[1]) Госпожи Дмитриевой.

[2]) Жуковский.

тором он, между прочим, описывал событая и говорил о нападках Утина... Я тотчас же написал в Швейцарию письмо в котором просил прислать мне копии двух писем Главного Совета, считавшихся, Утиным и его друзьями подложными. Я получил эти копии, я решил сделать в Главном Совете запрос относительно их подлинности, так как я стал подозревать, что ложные сведения относительно этих писем дал гражданке Элизе сам Маркс. Однако, все еще желая верить в порядочность Маркса, я убеждал себя, что сам Маркс был кем нибудь введен в заблуждени, и я думал, что на общем заседании Главного Совета можно будет выяснить это недоразумение.

„Однако, Главный Совет под предлогом разбора более срочных дел, откладывал рассмотрение моего запроса. Несмотря на все мое желание не видеть в этом злого умысла, я не мог не заметить, что отказы с каждым новым разом становились все категоричнее. Между тем, от Юнга я узнал, что он послал ответ Перре на его запрос, но не в категорической форме *да* или *нет*, а в неопределенном смысле, ссылаясь на то, что Совет *не имел времени разрешить этот вопрос.*

„Спустя еще несколько недель, на одном из заседаний Совета, я снова стал настаивать на выяснении вопроса о подлинности писем о приеме в Интернационал женевской секции Альянса. Тогда, первый министр Маркса, гражданин Энгельс, [1]) мне сказал, что Совет

---

[1]) Энгельс, живший долгое время в Манчестере, где он состоял пайщиком—акционером одной ткацкой фабрики, в 1869 г. оставил коммерческую деятельность и стал жить всецело на доходы от своего капитала. Он переехал в Лондон и благодаря Марксу, тотчас же занял видное положение в Главном Совете Интернационала. Энгельс имел большое влияние на Маркса и это происходило не столько по причине властного характера Энгелься, сколько по причинам чисто материальным. Энгельс давал Марксу определенную ежегодную пенсию из дохода, получаемого им с фабрики в Манчестере. Маркс сам писал об этом своему другу Кугельману. Так, в письме 5 декабря 1868 г. Маркс говорит: „мое экономическое положение с будущего года будет вполне удо-

решил в непродолжительном времени созвать конференцию, на которой вопрос о швейцарских делах будет разсмотрен и поэтому я должен подождать. Я понял, что со мною хитрят и хотят провести, поэтому я сказал Энгельсу, что я требую не разбора всего конфликта, а только просто хочу выяснить были-ли посланы действительно Главным Советом письма женевской секции Альянса, или же эти письма, на самом деле, являются подложными. Я тотчас же после этого прочитал полученные мною копии этих писем, содержание которых было следующее:

1) „256. Хай-Хольборн. Лондон W. C. 28-го июля 1869 г.

„Секции Альянса социалистической демократии в Женеве.

„Граждане!

„Имею честь Вас уведомить, что ваши письма или декларации, а равно программа и регламент нами получена и что Главный Совет единогласно принимает вас.

За Главный Совет, Генеральный Секретарь

Ж. Г. Эккариус.

2) „Гражданину Хенгу, секретарю секции Альянса социалистической демократии в Женеве.

Гражданин!

Я получил Ваше письмо с приложением суммы 10

влетворительно, благодаря одному *делу*". В письме 12 дек. 1868 г. к тому же Кугельману, Маркс, поясняя фразу предыдущего письма относительно *дела*, пишет: „что касается *дела*, то вопрос идет не о том, чтобы мне поступить на службу или же заняться какими нибудь прибыльными операциями.—(Кугельман, вероятно, спрашивал Маркс какого рода *дело* он предпринимает)... Все дело заключается в следующем:—но это пусть останется только *между нами*,— с одной стороны я устроил сделку с моими родными, а с другой стороны, Энгельс, без моего ведома, при ликвидации своего дела с своим пайщиком, назначил мне известную сумму, благодаря которой я могу с будущего года спокойно заниматься работой."

франков 40 сант. представляющую взнос за 104 члена за 1868—69 год...

В надежде, что Вы активно будете пропагандировать идеи нашей ассоциации, примите, дорогой гражданин Хенг, а также и все друзья, мои братские приветствия.

Г.-Юнг.

Секретарь по делам Швейцарии в Главном Совете.
25 августа 1869."

После этого я поставил следующие два вопроса:

1) Действительны-ли эти письма?

2) Было-ли после 25-го августа 1869 г. (дата последняго письма) постановление Главного Совета о том, чтобы исключить секцию Альянса из Интернационала?

Юнг,, который председательствовал на заседании, в ответ на мои вопросы долго рассказывал историю одного письма которое он написал Гильому после раскола в Шо-де-Фоне и на которое он не получил ответа. Я ему уже говорил раньше о причинах, почему Гильом не ответил на письмо, но он счел нужным рассказать еще раз всю эту историю. В конце концов, Юнг кончил свою речь тем, что он признался, что он действительно писал второе из вышеуказанных писем (что служит в то же время доказательством того, что первое письмо тоже не *подложно*). Энгельс, с своей стороны, начал также какую то бессвязную речь, но после различного рода отступлений и уклонений в сторону, признал, что невозможно отрицать действительность обоих писем.

„Тогда я поставил в ответ на первый вопрос: *да*.

„В ответ на второй вопрос Энгельс снова начал плести какую то бессмыслицу и, обращаясь ко мне, сказал: „нужно подождать созыва конференции“ и т. п.

„Чего же ждать, отвечал я, вопрос очень прост: был-ли Альянс исключен из Интернационала?—Да, или нет?

„В этот момент вмешался Маркс: „Алльянс не вносил свои членские взносы,“—сказал Маркс.

„Хорошо, отвечал я, в ответ на второй вопрос я напишу: *нет,—но алльянс не состоит в Интернационале фактически, так как он не платил свой членский взнос.* (Известно что из двадцати секций, по меньшей мере девятнадцать также не вносили своих взносов, но, тем не менее, не считались исключенными).

„Нет, не так,—сказал Маркс.

„Как же я должен написать?

„Напишите—*нет*; но весь этот вопрос решит конференция (sic!)

„Я написал против второго вопроса ответ: *нет* и передал листок секретарю, чтобы скрепить его подписью. и приложить печать Совета.

„Дайте мне взглянуть, сказал Маркс; это еще новая махинация против *наших* друзей,—проговорил он, рассматривая мой листок; в Женеве есть *русская* секция, которую я должен об этом предупредить.(!)“

„Какие комментарии можно прибавить к этому?

„Листок с двумя приведенными выше вопросами и с полученным ответом был написан в двух экземплярах: один предназначался для Алльянса, а другой для женевского федерального комитета. Отдельными письмами обе организации извещались, что та и другая получает по копии, Маркс, повидимому, был очень взволнован всем происшедшим. Великий человек, привыкший к тому, чтобы действовать авторитетно и не встречать противоречий, был как бы поражен всем происшедшим. Он был уличен во лжи и его поступок был зафиксирован на бумаге. Мне было неприятно видеть Маркса, этого большого социалистического философа таким мелким человеком...“

Полученный таким образом ответ Главного Совета был переслан Робэном в Швейцарию по назначению. Вместе с этим Робэн извещал своих швейцарских друзей, что Главный Совет решил созвать вместо общего

конгресса Интернационала конференцию в Лондоне. Когда было получено известие от Робэна о том, что Альянс не исключен из Интернационала, Бакунина уже не было в Романской Швейцарии, он снова уехал в Локарно, где жила его семья. Решив временно не участвовать практически в движении, Бакунин все свое время посвящал писанию своей книги „Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция". Мы уже говорили, что в апреле 1871 г. вышла из печати первая часть этого сочинения. В июне месяце он уже закончил введение ко второй части. В этом „введении" мы находим очень ясное изложение двух течений, которые в то время намечались в социализме, а также и взгляд Бакунина на историческую роль Парижской Коммуны. По поводу двух течений в социализме, одно из которых Бакунин называл „социалистическим и революционно-коллективистическим, а другое „авторитарно-коммунистическим", Бакунин говорит:

„Я—фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиться и процвести ум, достоинство и счастье людей, не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное, как привиллегию избраных, основаную на рабство всех остальных...

„Нет, я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы...

„Я имею в виду свободу каждого, которая, входя в соприкосновение с свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида, не

ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу восторжествовавшую над грубой силой и над принципом авторитета — неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру,—миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств.

„Я убежденный сторонник *экономического социального равенства*, так как я знаю, что вне этого равенства свобода, справедливость, человеческое достоинство, нравственность и благосостояние отдельных лиц, так же, как и процветание целых наций,—есть ложь. Притом, будучи приверженцем свободы, этого первого условия человечности, я думаю, что равенство должно быть установлено в мире путем добровольной организации труда и коллективной собственности, путем промышленных ассоциаций в коммунах и посредством добровольной же федерации коммун,—но отнюдь не через верховную и покровительственную власть государства.

„Это тот пункт, в котором принципиально расходятся социалисты-коллективисты, сторонники сильной власти и абсолютной инициативы государства с федералистами и коммунистами. У них одна цель: и та и другая партия стремятся к созданию нового социального строя, основанного исключительно на коллективном труде, самой силою вещей равномерно распределенном между всеми без исключения членами общества, при равных для всех экономических условиях, т. е. при условии коллективной собственности на орудия труда. Только социалисты коллективисты воображают, что они смогут придти к этому путем развития и организации политического могущества рабочих классов, в особенности городского пролетариата, рука об руку с буржуазным радикализмом, между тем как коммунисты-федералисты, враги всякого смешения и всякого двусмысленного союзничества, думают, наоборот, что они достигнут этой цели путем развития и организации не политического, но социального, следовательно, анти-политического мо-

гущества рабочих масс, как городских, так и сельских, включая сюда также и людей, хотя и принадлежащих по рождению к высшим классам, но добровольно порвавших со всем своим прошлым и открыто присоединявшихся к пролетариату, приняв его програму.

„Отсюда два различных метода. Социалисты-коллективисты думают, что нужно сорганизовать силы рабочих, чтобы овладеть политическим могуществом государств. Социалисты-федералисты организуются, имея целью уничтожение, или, если хотите более мягкое выражение, ликвидацию государства. Коллективисты-сторонники принципа и применения авторитета, социалисты же федералисты верят только в свободу. Те и другие—ровно поклонники науки, долженствующей убить суеверие и заменить собою веру; но при этом первые находят возможным уничтожить предрассудки и насаждать знание посредством декретов, между тем как вторые непосредственно заботятся о распространении наук, из сокровищницы которых каждый черпает то, к чему чувствует склонность, пропагандируют добровольную и свободную организацию в группы и федерации, опять таки в полном согласии с природными склонностями и насущными интересами, но отнюдь не по заранее начертанному плану, предписанному невежественным массам несколькими высшими умами.

„Социалисты-федералисты думают, что в инстинктивных стремлениях и реальных нуждах народных масс гораздо больше осмысленного и практического разума, чем в глубоком уме всех этих благодетелей и учителей человечества, которые, имея пред собою печальный пример стольких неудавшихся попыток—сделать человечество счастливым, мечтают еще о возможности вложить в это дело свои усилия. Социалисты же федералисты думают, наоборот, что человечество достаточно долго, даже слишком долго позволяло управлять собою, и что источник его несчастья заключается не в той или иной форме правления, а в самом принципе существования правительства, каково бы оно ни было.

„Это разногласие, между коллективизмом, научно изложенным немецкой школой и американскими социалистами, с одной стороны, и прудонизмом, широко развитым и доведенным до последних выводов, принятым пролетариатом латинских стран,—с другой, стало под конец историческим [1]). Революционный социализм только что сделал попытку первого блестящего практического выступления в Парижской Коммуне“.

Далее, Бакунин, говоря о парижской коммуне, указывает, что в коммуне столкнулись оба вышеназванных направления, при чем социалисты-революционеры, члены Интернационала, были в меньшинстве в Совете Коммуны, а „якобинцы“—сторонники власти, составляли большинство.

„Я, говорит Бакунин, сторонник Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце Европейского пролетариата; я—сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным, отрицанием Государства.

„Что это практическое отрицание Государства имело мосто именно во Франции, бывшей доселе по преимуществу страны политической централизации, и именно в Париже, в историческом центре той великой французской цивилизации,—это факт громадной исторической важности...

„Парижская Коммуна существовала слишком недолго и была слишком стеснена в своем внутреннем развитии смертельной борьбой, которую ей приходилось выдерживать против Версальской реакции, чтобы быть в состоянии, я уже не говорю, применить, но хотя бы выработать теоретически свою социалистическую программу. К

---

[1]) Этот вид социализма анти-государственного разделяется и всегда будет пользоваться предпочтением и у славянских народов, благодаря их антиполитическому инстинкту. (Примеч. Бакунина).

тому же большинство членов Коммуны не были социалистами по убеждению, а если они считались таковыми, то лишь потому, что они были вовлечены в социализм непреоборимой силой вещей, самою природой среды, в которой они вращались. Социалисты, во главе которых естественно пришлось стать нашему другу Варлену, составляли в Коммуне очень незначительное меньшинство... Большинство составляли „якобинцы“. Но нужно оговориться, что есть якобинцы и якобинцы. Есть якобинцы адвокаты и доктринеры, как Гамбетта, ...и есть якобинцы, непримиримые революционеры, герои, последние могикане демократической веры 1793 г., готовые скорее пожертвовать единством власти ради нужд революции, чем поступиться своей совестью перед наглостью реакции. Эти великодушные якобинцы, во главе которых стоял Делеклюз, великая душа и сильный характер, хотят прежде всего торжества революции; а так как никакая революция невозможна без участия народных масс и так как эти массы, руководимые безсознательным социалистическим инстинктом, в настоящее время могут произвести только экономическую и социальную революцию, то правоверные якобинцы, постепенно увлекаемые логикой революционного движения, кончают тем, что делаются социалистами, сами не отдавая себе отчета в этом.

Именно таково положение якобинцев, принявших участие в Парижской Коммуне. Делеклюз и многие другие вместе с ним подписывались под программами и прокламациями, общий смысл и обещания которых были положительно социалистичны. Но, так как, несмотря на все свое чистосердечие и самоотверженность, они были социалистами поневоле, а не по убеждениям, и так как у них не было ни времени, ни возможности победить и уничтожить в себе массу буржуазных предразсудков, стоявших в роковом противоречии с их практическим социализмом, то само собой станет понятным, почему утомленные этой внутренней борьбой, они не оказались способными ни возвыситься над большинством, ни принять одну

из тех решительных мер, которые порвали бы навсегда все их связи с миром буржуазии.

„Это было величайшим несчастьем и для Коммуны и для них самих; они были обессилены этим противоречием и обессилили Коммуну. Но нельзя ставить им в упрек эту ошибку; люди не перерождаются в один день, не изменяют своей натуры и своих привычек по первому желанию. Они доказали свою искренность, отдав за Коммуну свою жизнь. Кто осмелится требовать большаго?!.

„Им это тем более простительно, что сам парижский народ, под влиянием которого они мыслили и действовали, был социалистом более по инстинкту, чем по идее или строго обдуманному убеждению.

„Все его практические тенденции были в высшей степени социалистичны, но его идеи, его традиционные понятия стоят далеко ниже этого уровня. У пролетариата больших городов Франции так же, как и у парижского пролетариата, есть еще много якобинских предрассудков: о спасительности диктатуры и проч. Культ власти, рокозой продукт религиозного воспитания, этот первоисточник всех исторических зол, народной испорченности и порабощения, еще не был дискредитирован и искоренен из его сознания. Это до такой степени верно, что даже наиболее интеллигентные сыны народа, самые убежденные социалисты не в состоянии окончательно отрешиться от этого предрассудка. Загляните поглубже в сердце каждого из них и вы там найдете якобинца, сторонника государства, правда, скромно притаившегося в каком нибудь темном уголке, но все же не совсем еще умершего, Как следствие этих причин, положение немногочисленных убежденных социалистов, принимавших участие в Коммуне, было чрезвычайно трудно. Не чувствуя под собою почвы в поддержки значительного большинства парижского населения, секция Интернационала, плохо соорганизованная, едва насчитывавшая в своих рядах несколько тысяч человек, должна была выдерживать ежедневную борьбу с якобинским

большинством. И при том при каких обстоятельствах! Она должна была организовывать, вооружать, давать работу и хлеб нескольким сотням тысяч рабочих на пространстве такого огромного города, как Париж, притом осажденного и угрожавшего с одной стороны голодом, а с другой—происками со стороны реакции, прочно утвердившейся в Версале, *с разрешения и по милости Пруссаков*. Правительству и Версальскому войску они были вынуждены противопоставить революционное правительство и войско, т. е. чтобы одолеть монархическую и клерикальную реакцию, они должны были, забыв и поступившись первыми условиями революционного социализма, прибегнуть к якобинской реакции.

„Я знаю, что очень многие социалисты, весьма последовательные в своих теориях, упрекают наших парижских друзей в том, что они выказали себя в недостаточной мере социалистами в своих революционных действиях; в то же время все крикуны буржуазной прессы, наоборот, обвиняют их в „преступной последовательности“ в деле осуществлени социалистической программы. Оставив пока в стороне гнусных доносчиков этой прессы, я должен заметить по адресу строгих теоретиков социализма, что они неправы по отношению к нашим парижским товарищам, потому что теории, даже самые разработанные, отделяются от их практического осуществления бесконечным пространством, которое в несколько дней неперешагнешь.

„Если кто имел, например, счастье знать Варлена, в гибели которого теперь уже нельзя, к несчастью, сомневаться, тому достаточно только напомнить его имя, чтоб показать, сколько в нем и в его друзьях было пламенной, глубокой и продуманной социалистической убежденности. Для тех, кто знал их близко, это были люди, энтузиазм, самоотверженность и искренность которых были вне всякого сомнения. Но именно потому, что они были людьми честными, лишенными самомнения и высокомерия, их дееспособность и была парализована

сознанием громадного дела, которому они посвятили и душу свою и жизнь! Кроме того, по их глубокому убеждению в деле социальной революции, диаметрально противоположной во всем революции политической, действие отдельных лиц были почти ничем, а самостоятельная деятельность масс должна была быть всем. Разработать, осветить и распространить идеи, отвечающие народному инстинкту, и своими непрестанными усилиями придать революционной организации стихийную мощь народного движения—вот все, что могут сделать отдельные лица, и ничего более; все остальное должно и может быть сделано только самим народом. Думай они иначе, они неизбежно пришли бы опять к политической диктатуре, т. е. к восстановлению государства, к привиллегиям, неравенству, и пришли бы хотя обратным, но логическим путем к восстановлению политического, социального и экономического рабства народных масс...

„Вопреки убеждению авторитарных коллективистов,— по моему, совершенно ошибочному, что социальная революция может быть предписана и организована при посредстве диктатуры или учредительного собрания, как естественное следствие политической революции, наши друзья, парижские социалисты, думали, что социальная революция может быть совершена и руководима самостоятельным действием, исходящим из народных масс, групп и ассоциаций.

„Наши парижские товарищи были тысячу раз правы. Потому что в самом деле, какой ум настолько гениален, или—если хотят говорить о коллективной диктатуре, хотя бы состоящей из нескольких сотен лиц, одаренных высшими способностями,—какая комбинация интеллектов могла бы быть настолько целесообразной, чтобы обнять бесконечное множество и разнообразие реальных интересов, убеждений, желаний и потребностей, составляющих в сумме коллективную волю народа, и чтобы изобрести социальную организацию, могущую удовлетворить всех? Эта организация будет всегда Прокрустовым ложем, на котором насилие, более или менее

санкционированное государством, заставило бы улечься несчастное общество. Так было до сих пор. И именно этой старой системе организации, основанной на насилии, социальная революция должна положить конец, предоставив полную свободу массам, группам, коммунам, ассоциациям, а также и отдельным индивидам, и уничтожив раз навсегда историческую причину всякого насилия — самое существование государства, падение которого увлечет за собою все несправедливости юридического права и всю ложь различных культов, так как это право и эти культы всегда были ничем иным, как услужливой санкцией всяких насилий, нравственных и физических, осуществляемых и поддерживаемых государством" [1]).

Бакунин, как мы видим из приведенной цитаты, видел в Парижской Коммуне первую попытку осуществления чисто народного социализма, который стремится заменить централизованное политическое Государство федерацией свободных и автономных коммун. Бакунин считал своим долгом защищать как саму Парижскую Коммуну, так и ея борцов. Вот почему он, вскоре после того, как им были написаны вышеприведенные строки, вошел в полемику с знаменитым итальянским революционером Мадзини, который весною 1871 г. в своей газете „Народный Рим", в ряде статей нападал на Парижскую Коммуну, обвиняя ее в атеизме и социализме. В июле месяце Мадзини напечатал статью против Интернационала, в которой он предостерегал итальянских рабочих от этой организации, называя ее „опасной". Прочитав эту статью, Бакунин решил написать ответ, который и был напечатан ввиде брошюры под заглавием: „Ответ одного интернационалиста Джузеппе Мадзини".

В этой брошюре Бакунин отдает должное революционной деятельности Мадзини и называет его „наиболее благородной и наиболее чистой личностью нашего

[1]) Бакунин. Избранные сочинения том IV изд. „Голос Труда" 1920 г. стр. 250—258.

века". „С тяжелым сердцем, говорит Бакунин, я решился вступать в полемику с Мадзини, которого уважаешь и любишь даже тогда, когда с ним борешься"...

Мадзини упрекал социалистов в том, что они материалисты, и атеисты, на это обвинение Бакунин отвечал:

„Я не могу эго опровергнуть, потому что это правда... Материалисты, всегда сообразуя свои социальные теории с реальным историческим развитием, рассматривают животное состояние, людоедство, рабство, как первые отправные точки прогрессивного движения общества,— тогда как идеалисты, признающие основой своих теорий существование бессмертной души и свободы воли, неизбежно приходят к обожествлению существующего порядка как, например, Тьер, и к обожествлению власти, как Мадзини, то-есть к обречению людей на вечное рабство... Вчера, на наших глазах, на какую сторону стали материалисты и атеисты? Мы их видим в Парижской Коммуне. Где же в это время были идеалисты и верующие в Бога? В Версальском Учредительном Собрании. Чего добивались парижские коммунары? Освобождение труда и через это освобождения всего человечества Чего же хочет теперь торжествующее версальское собрание? Угнетения человечества под двойным игом—светской и духовной власти".

Защищая парижский пролетариат и Интернационал, Бакунин пишет: „Мадзини переходит в своих нападках всякие границы. Всегда искренний и воодушевленный идеализмом, он совершил ныне два преступления, которыя в моих глазах, а также и в глазах всей европейской социалистической демократии, непростительны.

„В критический момент, когда геройский парижский народ избивался десятками тысяч вместе с женщинами и детьми за то, что он защищал дело гуманности, дело справедливости, великое дело освобождения трудящихся целого мира, в этот момент, когда подлая реакция выливает на парижский народ целые потоки лжи и клеветы, Мадзини, великий и чистый демократ, поворачи-

вается спиной к делу пролетариата, забывает свою роль пророка и апостола, и, в свою очередь, также выступает с своим порицанием...

„С тех пор, как Мадзини занимается общественной деятельностью, он неустанно твердил итальянским рабочим и пролетариату всей Европы свою проповедь: „будьте нравственны, любите Бога, примите нравственный закон, который я даю во имя его, помогите мне установить на земле республику, основанную на об‘единении разума и веры, божественной власти и человеческой свободы, и вы достигнете счастья, свободы и равенства“.

Социализм, наоборот, говорит рабочим, устами Интернационала:

„Экономическое подчинение трудящихся обладателям сырых продуктов и орудий труда является источником рабства во всех его видах: социальной нищеты, морального вырождения, политического подчинения и т. д.

„Вследствие этого, экономическое освобождение рабочих классов представляет ту великую цель, которой всякое движение политическое должно быть подчинено как простое средство“.

Такова основная идея Интернационала.

Само собой разумеется, что Мадзини должен был ее предать проклятию,—это его второе преступление“.

Брошюра Бакунина произвела в Италии большое впечатление. Мадзини не решился выступить против Бакунина и только в газете „Итальянское Единство“ было напечатано в августе и сентябре несколько статей против Бакунина; об этом мы скажем несколько слов в одной из следующих глав, теперь же перейдем к швейцарским делам.

Выше мы уже говорили, что член Главного Совета Интернационала, Робэн, выяснил в Главном Совете подлинность двух писем Главного Совета о признании Альянса и узнал, что после этого в Главном Совете не поднимался вопрос об исключении секции Альянса из Интернационала. Ответ Главного Совета Робэн сообщил Федеральному Комитету в Сент-Имье и бывшему Феде-

ральному Комитету в Женеве. Вместе с этим Робэн сообщал швейцарским секциям, что в скором времени в Лондоне предполагается созвать международную конференцию вместо общего конгресса. Получив извещение от Робэна, Федеральный Комитет в Сент—Имье решил послать в Лондон на конференцию своего делегата с докладом о том, что произошло на конгрессе в Шо-де-Фоне и просить Главный Совет признать федеральный совет в Сент-Имье как правомочный и законно-избранный большинством конгресса. Чтобы пойти на уступки Главному Совету и снова не поднимать вопроса об Альянсе социалистической демократии, некоторые представители юрских секций написали секретарю женевской секции Альянса предложение такого рода: ввиду того, что Главный Совет признал, что Альянс был принят в Интернационал и до сих пор не исключен и, таким образом, за секцией Альянса признано законное право на существование, не лучше было бы распустить теперь секцию Альянса, дабы в будущем вопрос об Альянсе не мог бы послужить новым поводом к распрям и расколу; членам же секции Альянса войти в соответствующие секции Интернационала. Таким образом вопрос был бы исчерпан.

Получив письмо с этими предложениями, Бакунин не согласился с изложенными в нем доводами и написал членам секции Альянса следующее письмо:

6-го августа 1871 г. Локарно.

„Товарищам секции Альянса в Женеве.

„Друзья и братья!

„Мой друг Джемс написал мне, что он послал Вам письмо Робэна, (я прошу вас немедленно переслать это письмо мне), в котором Робэн пишет, что не только над нашей секцией Альянса, но над всей Юрской Федерацией собирается большая гроза, тщательно подготовляемая нашими женевскими врагами с согласия немецких авторитарных коммунистов.

Обеспокоенный этой новостью, друг Джемс, который послал вам в это же время акт Главного Совета, признающий законность нашей секции, дает совет воспользоваться этим заявлением Совета для того, чтобы произвести то, что называют мастерской штукой, и что, по моему мнению, было бы актом непростительной слабости. Он предлагает добровольно распустить и закрыть нашу секцию, и просить, после этого великодушного самоубийства, быть принятыми в члены центральной секции Интернационала...

„Без сомнения, акт роспуска секции Альянса был бы встречен с радостью членами центральной женевской секции, так как они увидали бы в этом поступке публичное сознание в наших предполагаемых ошибках, и отказ от наших принципов. Ваша просьба о том, чтобы вас приняли в секции Интернационала встретила бы, я клянусь вам в этом своей головой, следующий ответ: „мы согласны принять в свою среду наших заблуждавшихся и наказанных братьев из Альянса, но за исключением Перрона, Жуковского, Бакунина и Сутерланда, которые были исключены по суду из членов центральной секции благодаря их проступкам. Быть может они скажут, чего я не думаю, что нам они могут дать амнистию, но, в действительности, они не перестанут ненавидеть нас. Но, если бы они и амнистировали нас, я никогда не принял бы этой амнистии. Их интриги и их клеветы против меня были настолько гнусны и подлы что я никогда не соглашусь получить от них прощение так как, в действительности, не меня они должны прощать, а у меня просить прощение.

„Пусть не говорят мне, что я должен принести жертву ради блага и успокоения самого Интернационала. Никогда благо чего либо не может быть достигнуто при помощи подлости. Мы не имеем права склоняться перед ними, потому что, уступая им, мы унижаем наше дело и наши идеи, и чтобы сохранить видимость мира в Интернационале мы должны будем пожертвовать для этого правдой и нашими принципами.

„Вообще я думаю, что не путем уклончивой политики и христианского смирения мы можем восторжествовать над нашими противниками и принести пользу Интернационалу, но лишь твердой и открытой поддержкой и защитой нашего права. Разве наше право не ясно? Разве мы не подвергались вот уже более года всевозможным нападкам, интригам, клеветам, отвечая на все это молчанием? Наше молчание было большой ошибкой с нашей стороны, а наше решение о закрытии секции Альянса будет постыдным самоубийством.

„Я вам предлагаю вместо закрытия секции следующий план действия:

„1) Нужно составить и послать Федеральному Комитету в Сент-Имье,—единственный орган Романской Федерации, который мы можем признать,—особую *Оправдательную Записку*, проект которой я уже набросал и частью послал Джемсу. На днях я пошлю ему и окончание. Моя записка вышла немного длинна, но в ней содержатся все существенные пункты нашей защиты и Жуковскому или Перрову будет легко ее сократить. После этого, когда мы, таким образом, восстановим нашу правоту, докажем наше право, можно об'явить, если это вы найдете нужным,—я сам лично не вижу в этом необходимости,—о том, что для блага Интернационала вы решили распустить секцию Альянса; но это нужно сделать никак не раньше того, когда Альянс будет признан или на конгрессе, или на Лондонской конференции, и когда будет открыто заявлено, что нападки на Альянс были несправедливы.

„2) Но может-ли и должна ли сделать точно также федерация горных секций? Должна-ли она точно также распустить себя, чтобы подчиниться деспотической власти женевского федерального Комитета и уступить перед Утиным, Перре, Беккером и компанией? Мне кажется, что поставить этот вопрос—значит уже решить его. Потому что это все равно, что спросить: следует-ли под предлогом единства (видимого) в Швейцарском Интерна-

ционале пожертвовать своей индивидуальностью и отказаться от своих мыслей?

„На это я вам повторю то, что я уже писал Гильому Подобная жертва была бы добровольной низостью, но нисколько не обязательной.

„Наконец, мои дорогие друзья, думаете ли вы, действительно, что Интернационал является такой организацией, в которой, для того, чтобы жить, дышать и действовать, необходимо прибегать к дипломатии, к интригам и к низости? Если бы так было в действительности, Интернационал не стоил бы ни гроша; в этом случае его следовало бы как можно скорее распустить как учреждение буржуазное или пропитанное буржуазным духом. Но, этого упрека нельзя сделать Интернационалу. Не Интернационал стал плохим, а мы сделались слабы и нерешительны. Мы, в сознании нашей правоты, все время молчали как благоразумные мученики, тогда как мы должны были бы вывести наших клеветников на свежую воду и на удары ответить ударами... Точно также и федерация Юрских секций к несчастью стала проводить политику Господа нашего Иисуса Христа, политику терпения, добровольного смирения и прощения оскорблений. Но это разве тронуло наших врагов? Нисколько. Они лишь воспользовались этим только для того, чтобы больше клеветать и поносить. Не служит ли это доказательством, что пора оставить эту христианскую политику. Что же нужно делать? спросите вы. Только одно—возобновить нашу борьбу. Не бойтесь убить этой борьбой Интернационал. Если что нибудь и может его убить, то это именно дипломатия и интриги, тайные, планы, которые теперь составляют против нас наши враги не только в Женеве, но и в Лондоне. Открытая борьба придаст Интернационалу силу и жизнь, потому что в открытой борьбе в столкновении будут замешаны не только личности, но и принципы и идеи: борьба будет происходить между авторитарным коммунизмом и революционным социализмом.

„Поэтому я предлагаю федеральному Комитету в Сент-

Имье, после того как он получит вашу оправдательную записку, составит с своей стороны, особый доклад, где он должен рассказать все факты и события, происшедшие на конгрессе в Шо-де-Фоне и после него, и таким образом он докажет правоту Федерации Юрских секций.

„а) Этот доклад должен будет быть послан в Лондон, а копии с него в Бельгию, Италию, Испанию, Францию и в Германию.

„б) Федеральный Комитет в Сент-Имье должен обратиться к Бельгийской центральной секции Интернационала с просьбой быть третейским судьей в разборе этого дела.

„с) Наконец, так как в Лондоне вскоре должна собраться Конференция, или своего рода анонимный и дружеский конгресс, то необходимо, чтобы юрцы послали туда своего делегата; этим делегатом, по моему мнению, должен быть Джемс Гильом. Сколько будет стоить поездка? Четыреста франков? Я постараюсь найти поменьшей мере двести; я уже написал об этом своим русским и итальянским друзьям. Вы тоже что нибудь соберете. Мне кажется необходимым, чтобы Гильом поехал в Лондон. По дороге туда он заедет в Брюссель, где он переговорит обо всем с бельгийцами. Итак, мои дорогие друзья, я твердо убежден, что если Гильом поедет в Лондон, он одержит там победу... Наши враги будут в буквальном смысле слова раздавлены, потому что справедливость на нашей стороне и их интриги действительны только в потемках, но не при свете дня.

„Наконец, мое последнее слово: перестанем стыдиться самих себя, нашей правоты, наших идей; не будем иметь вид просящих прощение за то, что мы существуем; не станем больше унижаться под тем предлогом, что этим самым мы спасаем единство Интернационала; не будем убивать душу этого Интернационала под предлогом, чтобы сохранить живым его тело. Не будем искать

силу в хитрости и в дипломатии, где мы явимся всегда более слабыми, потому что мы не жулики. Будем бороться и сражаться во имя наших идей.

Ваш друг и брат

М. Бакунин".

В тот самый день когда Бакунин писал это письмо своим женевским друзьям, членам секции Альянса,— секция с ничем необ'яснимой поспешностью, созвала общее собрание, на которое собрались некоторые французы эмигранты, коммунары; после речи секретаря секции Жуковского, рассказавшего подробно историю возникновения Альянса, собрание постановило распустить секцию. Жуковский не счел нужным немедленно же сообщить об этом факте ни Бакунину, ни Федеральному Комитету в Сент-Имье. Бакунин узнал о том что секция Альянса в Женеве больше не существует лишь неделю спустя после ея закрытия из письма своего друга Озерова.

По настоянию Гильома, узнавшего о закрытии секции от Жуковского. Жуковский решил уведомить о факте роспуска Альянса Главный Совет Интернационала, сообщив ему резолюцию по этому поводу, принятую общим собранием 6-го августа.

10-го августа Жуковский послал в Лондон, на имя Юнга письмо следующего содержания:

„Гражданину секретарю по делам Швейцарии в Главном Совете Интернационала.

Гражданин!

"Альянс социалистической демократии уполномочил меня уведомить вас о получении письма Главного Совета, от 25-го июля 1871 г.— признающего подлинность писем, адресованных Альянсу гражданами Эккариусом и Юнгом, и подтверждающего что после 25-го августа 1869 г. Главный Совет не предпринимал никаких мер, чтобы распустить Альянс как секцию Интернационала,—

„Вместе с сим прошу вас, дорогой гражданин, передать Главному Совету прилагаемую при сем декларацию, согласно которой Альянс социалистической демократии об'являет себя распущенным.

„Прошу вас, гражданин, уведомить меня о получении вышесказанной декларации, адресуя письмо на мое имя по адресу: Пре-л'Эвек, 40, Женева.

Примите, гражданин, мой братский привет.

Секретарь Н. Жуковский.

Резолюция о роспуске секции Альянса была составлена в следующих выражениях.

„Настоящая декларация составлена для того, чтобы положить конец всем интригам и клеветам против Альянса;

„Чтобы сделать их невозможными в будущем;“

„Чтобы не служить причиной раз'единения, которое существует между женевскими секциями и секциями юрских гор,—раз'единения, которое имеет основанием различие взглядов на принципы интернационализма;“

“Альянс социалистической демократии как секция Интернала об'являет себя распущенным. Члены бывшего Альянса не отказываются этим самым от своей программы; они не могут отказаться от нее до тех пор, пока не будет выработана другая программа более социалистическая и более революционная“

Одновременно с этим Жуковский написал такое же письмо с извещением о роспуске секции Альянса и Федеральному Комитету в Сент Имье, но это письмо почему то осталось не посланным и Федеральный Комитет узнал о том что секция Альянса больше не существует только частным образом.

Федеральный Комитет решив послать делегата на Лондонскую конференцию, счел нужным предварительно написать письмо на имя Главного Совета; письмо было послано 6-го августа; в нем Федеральный Комитет просил установить регулярные сношения и сообщать, как это делается по отношению ко всем другим федеральным

комитетам, о всех решениях Главного Совета. Это письмо было оставлено Главным Советом без ответа. Ввиду этого, а также и благодаря стесненным материальным обстоятельствам, Комитет решил не посылать делегата в Лондон, а ограничиться следующим письмом, посланным 4-го сентября:

„Членам Международного Товарищества Рабочих, собравшимся на конференцию в Лондоне.

„Товарищи!

„С тяжелым прискорбием мы вынуждены вам сообщить, что со стороны тех, на которых лежит обязанность способствовать развитию нашего товарищества, наблюдается несправедливое отношение к целой Федерации Интернационала.

„6 го августа сего года, мы сообщили Главному Совету через посредство секретаря по делам Швейцарии Германа Юнга о перевыборе нашего Федерального Комитета и просили Главный Совет войти с нами в регулярные сношения. Но, на наше письмо мы не получили никакого ответа.

„Теперь мы случайно узнали, что на 17-ое сентября в Лондоне назначено открытие экстренной Конференции Интернационала. Главный Совет был обязан уведомить об этом все областные группы; мы совершенно не можем об‘яснить, почему он хранит упорное молчание по отношению к нам. Несмотря на это мы хотели было послать в Лондон нашего делегата, но большие экстренные расходы на выполнение священной обязанности [1]) исчерпали наши слабые средства.

„Видя невозможность послать в Лондон делегата, мы решили представить на конференцию особый подробный доклад о происшедшем расколе среди швейцарских секций, но, мы слишком поздно узнали о том, что в Лондоне назначена конференция и поэтому мы не смогли

---

[1]) Помощь французским эмигрантам-коммунарам.

приготовить доклад. Таким образом, мы вынуждены отказаться от всякой мысли оправдаться от тех нападок, которыя, без сомнения, будут сделаны на нас.

„Однако, мы не сомневаемся, что конференция, как и всякое собрание Интернационала, будет проникнуто духом справедливости, и поэтому мы не хотим пропустить этот случай и решили искать справедливости.

„Вот уже полтора года как мы существуем и все это время мы являемся парнями в Интернационале: это наказание мы несем за то, что на национальном конгрессе мы имели смелость представлять другое мнение, чем прежний состав Комитета. Главный Совет встал на сторону прежнего федерального совета и с этого момента целая область Романской Швейцарии была лишена сообщений от Главного Совета. Мы надеемся, что Конференция обсудит дело и выскажет свое мнение по этому поводу, и поэтому мы позволяем себе обратить внимание Конференции на следующие пункты:

„1) Было бы противно самой элементарной справедливости осудить целую Федерацию, не дав ей возможности защищаться.

„2) Решение, уничтожающее все права нашей Федерации, будет иметь самые отрицательные результаты для существования Интернационала в нашей области.

„3) Мы считаем, что окончательное решение по вопросу о расколе в Романской Федерации может вынести лишь законно созванный общий конгресс.

„Мы доказали своей деятельностью нашу искреннюю преданность Интернационалу и желая и в дальнейшем посвятить ему все наши силы, мы решаем поднять свой голос и просим, чтобы уполномоченные Интернационала не совершили бы ошибку, которая может принести вред самому Интернационалу.

„Вследствие всего этого, мы просим Конференцию поручить Главному Совету, чтобы он предпринял серьезную анкету о том, что произошло в Романской Федерации. Эта анкета помогла бы будущему общему конгрессу установить справедливость...

„То, что мы требуем—это акт правосудия и мы глубоко убеждены, что Конференция не откажет нам в этом. Мы горячо желаем, чтобы ея постановления способствовали процветанию Интернационала.

„Примите, товарищи, наш братский привет.

„Принято на заседании 4-го сентября 1871 г.

За Романский Федеральный Комитет (в Сент-Имье)

Секретарь Адэмар Швицгебель,

гравер, в Сонвилье (Бернская Юра. Швейцария).

XI.

Лондонская конференция (17—23 сентября 1871 г.).

Лондонская конференция Интернационала происходила от 17 до 23 сентября 1871 г. Она состояла из 23 членов—6 делегатов от Бельгийских секций, 2 делегатов от Швейцарских, 1 делегата от Испанских, тринадцать членов Главного Совета и одного неизвестного без мандата. Два делегата от швейцарских секций были Утин и Перре, получившие мандаты—первый от женевской немецкой секции, а второй от женевского федерального комитета.

В числе тринадцати членов Главного Комитета мы видим самого Маркса, его друга Энгельса, Эккариуса, Галя, Роша, Кова, Зябицкого и Юнга. Тринадцать членов Главного Комитета, не имевшие никаких мандатов и не представлявшие никакие секции, составляли между тем *большинство* конференции и поэтому могли проводить все свои постановления.

Что произошло на конференции мы можем узнать от правдивого свидетеля, члена Главного Совета, Робэна, который присутствовал на нескольких ее заседаниях.

„Я не буду рассказывать, говорит Робэн, о приготовлениях Совета к конференции. За дальним расстоянием и по семейным обстоятельствам я не мог в это

время аккуратно посещать заседания Совета.. Я был лишь на одном заседании Совета, на котором Маркс запугивал членов Совета французскими шпионами и настаивал, чтобы на конференцию не допускать ни одного французского коммунара... Наконец, наступил день открытия конференции; место конференции и время ее заседаний было известно лишь членам; это делалось под предлогом того, чтобы о конференции не узнала полиция, но, в действительности, организаторы конференции боялись, что на нее могут явиться в качестве публики члены Интернационала и могут контролировать слова и речи ораторов...

„Перед открытием первого заседания разыгрался маленький инцидент, который, однако, показал весь характер этой конференции. Открытие конференции было назначено в пять часов. К этому времени все члены были уже на лицо. Но с открытием почему то медлили. Маркс, сильно озабоченный, бегал от одного своего лейтенанта к другому и несколько раз куда то исчезал из залы заседаний. Членам начинало уже надоедать бесцельное сидение и я, в один из моментов, когда Маркс вышел, предложил собранию выбрать председателя и начать работу, председателем я предложил Юнга. Я видел, что мое предложение удивило многих своей смелостью; кто-то произнес слово „временно"; предложение было поставлено на голосование и большинство членов голосовало за то, чтобы Юнг был „временно" председателем собрания, Эккарпус голосовал против. Юнг стал отказываться от председательства, члены стали настаивать, в зале поднялся шум. Этот шум заставил Маркса торопливо вернуться в залу вместе с Энгельсом, который тотчас же поспешил предложить собранию избрать председателя. На мое замечание, что председателем уже избран Юнг, Энгельс, с своей стороны сказал, что и он предлагает Юнга, и хотя Юнг был уже избран, собрание снова еще раз проголосовало, и за Юнга на этот раз поднял руку и Эккарпус.

Первые сеансы конференции прошли в выслушивании

речей Утина. Не разрешив ни одного вопроса, конференция постановила избрать комиссии, в которыя вошли Маркс и его друзья. Затем Маркс прочитал свой проект работ, составленный совместно с Энгельсом и одобренный Главным Советом. Из всего было ясно видно, что вся конференция и ее занятия должна иметь главной своей целью уничтожение личных врагов Маркса Бакунина, Гильома и компанию. Однако, хотя Маркс и был уверен, что конференция состоит почти вся из его сторонников, он, тем не менее боялся некоторых иностранных делегатов, которые по своей наивности могли задать нескромные вопросы. Чтобы избежать этого, Маркс предложил, чтобы конференция *не вотировала в окончательном виде ни одной резолюции*; но, чтобы голосовала свои постановления лишь *в общем смысле*, предоставив Главному Совету *окончательную редакцию постановлений*. Благодаря такому смелому приему господа из Главного Совета могли затем опубликовать все что им будет угодно под названием „Постановлений Конференции“.

„На одном из заседаний разбирался вопрос о расколе между швейцарскими секциями. Докладчиком по этому делу был Утин. В своем докладе Утин возвел целую гору обвинений против своих противников и в грубых словах характеризовал их. Когда после его доклада поднялся вопрос о передаче дела о расколе среди швейцарских секций в особую комиссию, то Утин заявил, что председателем этой комиссии должен быть Маркс. На это заявление я заметил, что в комиссию должны войти люди совершенно непричастные к конфликту и не заинтересованные. Утин возмутился моим замечанием, а Маркс стал отказываться от участия в комиссии. Однако, по настойчивой просьбе большинства, он соглашается, в конце концов, принять участие в комиссии. В эту комиссию выбрали еще верного слугу Маркса Эккариуса, одного молчаливого ирландца, незадолго перед этим ставшего членом Интернационала, одного француза и одного бельгийца.

„Комиссия избрала, вероятно ради беспристрастия, местом своих заседаний салон Маркса. Приглашенный туда, как свидетель, в восемь часов вечера, я с большой неохотой отправился на квартиру Маркса. Моя квартира находилась на расстоянии двух часов ходьбы от квартиры Маркса, почему, я придя на заседание комиссии заявил, что ввиду дальности расстояния я должен буду уйти в десять часов. Несмотря на мое заявление и несмотря на то, что заседание было назначено в восемь часов и все члены были в сборе, заседание открылось лишь в девять часов с половиной. С восьми до половины десятого комиссия пила чай, за которым присутствовали дочери Маркса, которыя остались и на заседании комиссии. Наконец, приступили к выбору председателя. Секретарем был назначен Энгельс, хотя он и не состоял членом комиссии. Наш гостеприимный хозяин, беспристрастный судья, изложил дело о расколе среди швейцарских секций, причем дело изложено было так, что можно было подумать, что это обвинительный акт против юрских секций.

„В заключение Маркс, бывший в одно и то же время свидетелем, обвинителем и судьей по этому делу, сделал вывод, что раскол имел своей первой причиной нападки членов Альянса в статьях, напечатанных в „Прогрессе“ и „Равенстве“, направленных против Главного Совета, неодобрение этих статей женевскими интернационалистами и *переизбрание* (sic) редакционного Комитета Романским Федеральным Советом.

„После чтения доклада Маркса я взял слово, потому что я думал, что благодаря присутствию других беспристрастных судей мои лояльные заявления могут уладить конфликт; я рассказал об истинной причине отставки редакционного Комитета газеты „Равенство“ и я прочитал протест юрских секций против всякого суда при отсутствии обвиняемых. Я прибавил еще, что, с своей стороны, я нахожу, в противоположность моим швейцарским друзьям, что Конференция имеет право, обязанность и власть разрешить вполне этот вопрос и

всех примирить—признав, чтб обе части Романской Федерации имеют одинаковое право на существование и что в будущем Главный Совет войдет в регулярные сношения как с той, так и с другой. Я добавил, что высказывать свое порицание и осуждение той или иной части Романской Федерации Конференция не имеет никакого права, так как одна половина Федерации *не приглашена на разбор ее дела.*

„Перре, делегат от женевского Комитета был удивлен моим заявлением и спросил Юнга правда ли, что юрским секциям не было послано приглашение прибыть на Конференцию.

„Юнг, вместо того, чтобы ответить на этот вопрос, стал снова рассказывать старую историю о том, как он послал письмо Гильому и как тот ничего на него не ответил...

„Между тем я должен был покинуть заседание, так как время было уже позднее. Но, прежде чем уйти с заседания, я стал настаивать, чтобы комиссия сказала мне сейчас же, что она не будет выносить окончательного решения по вопросу о расколе среди швейцарских секций; после некоторых колебаний мне дали в этом слово.

„После этого я встал, собираясь уходить, но меня стали удерживать. Я категорически заявил, что мне необходимо уйти, тем более, что я сказал уже все, что я мог сказать по делу швейцарских секций.

„Тогда Утин вдруг мне сказал, что он считает и меня в числе обвиняемых.

„На это я, уже уходя, ответил Утину, что я с презрением отношусь к его обвинению.

„Само собою понятно, что было бы противно человеческому достоинству оставаться и играть неблаговидную роль во всей этой комедии и, кроме этого, быть неизвестно кем, не то свидетелем, не то обвиняемым перед этим трибуналом, который совершенно не считался с какими бы то ни было требованиями законности и правосудия.

„Вследствие этого я написал и передал одному своему другу записку, которую я просил прочитать на заседании Комиссии в случае, если меня захотят вновь пригласить на допрос. Записка эта была следующего содержания:

„Призванный как свидетель по делу о расколе среди швейцарских секций Комиссией, которой было поручено разбор этого дела, я согласился дать ей свои показания в надежде, что этим самым я буду способствовать улажению конфликта. Но, получив обвинение, что я являюсь непосредственным участником в этом деле, я заявляю, что я не хочу играть роль обвиняемого и поэтому отказываюсь присутствовать на заседаниях Комиссии по делу о швейцарских секциях.

19 сентября 1871 г.“.

П. Робэн.

В ответ на это 26-го сентября Робэн получил следующее письмо:

„Гражданин! Ваше письмо Конференция считает оскорбительным для себя и постановила на заседании своем 22 сентября потребовать от Вас, чтобы Вы взяли свое письмо обратно. В случае отказа с вашей стороны сделать это, дело будет передано на рассмотрение Главного Совета“.

В тот же день вечером, на заседании Главного Совета Робэн сделал словесное заявление, а затем написал письмо, где он просил внести поправку в свое письмо от 19 го сентября; письмо было следующего содержания:

„Гражданину Серайэ (Председателю Комиссии). В ответ на Ваше письмо от сего числа, я сделал заявление в Главном Совете сделать поправку в моем письме от 19-го сентября; эта поправка покажет, что Конференция плохо поняла меня. К фразе—„получив обвинение, что я являюсь непосредственным участником в расколе“, я прибавляю: получив обвинение *от одного*

свидетеля в Комиссии, что я... и т. д. Взять свое письмо обратно я совершенно отказываюсь.

П. Робэн.

Члены Главного Совета познакомившись с содержанием второго письма Робэна, ничего не ответили, лишь один Маркс взял слово и в горячей речи стал говорить, что Робэн нанес оскорбление его другу Уэну в его, Маркса, квартире, и что поступок Робэна показывает, что он смотрит на Конференцию как на фарс (!). После этой речи послушное собрание постановило отложить разбор дела до следующего заседания.

Спустя несколько недель Робэн узнал, что он считается выбывшим из состава Главного Совета. Он тотчас же поспешал в Главный Совет. „Председатель Энгельс, пишет Робэн в своей записке, об'явил, что я, действительно, считаюсь выбывшим из Совета. Я ответил, что я не подавал прошения об отставке, на каком же основании меня исключили из Совета? После полуторачасового спора мне было об'явлено, что Совет не будет менять своего постановления о моем исключении... Тогда я заявил, что так как я считаю, что *отставка* может быть дана в случае просьбы самого члена, таковой же я не подавал и подавать не хочу, то я уйду из Совета лишь только в том случае, когда меня *выгонят* силой. Пусть Совет имеет смелость исполнять те решения, которые он принимает. Это заявление вызывает новые споры среди членов Совета. Энгельс *излагает* мою мысль и предлагает поставить на голосование вопрос о моем *исключении*"...

24-го октября 1871 г. Робэн послал в Главный Совет письмо следующего содержания:

„Генеральному Секретарю Главного Совета М. Т. Р.

„Согласно обычаю, который мне кажется очень благоразумным, всякий трибунал посылает осужденному им копию своего приговора. Я удивлен, что до сих пор я не получил никакого оффициального об'яснения о моем

исключении из Главного Совета М. Т. Р., я думаю, что это произошло просто по случайной забывчивости и, я надеюсь, что вы будете любезны немедленно исправить свою ошибку.

Ваш слуга П. Робэн.

В ответ на это письмо Робэн получил следующее письмо:

Международное Товарищество Рабочих.

26-го октября 1871 г.

„Милостивый Государь! Так как согласно *английским обычаям* копии судебных протоколов никогда не посылаются, как этого хотите вы, я советовался по этому поводу с Советом, и он решил, что я не должен исполнять вашу просьбу. Я очень сожалею, что я должен отказать Вам в вашей просьбе.

Остаюсь вашим покорным слугою

Джон Хэльс.

Ко всему этому инциденту прибавить нечего. Он показывает очень красноречиво отношение кружка марксистов, захвативших в свои руки Главный Совет, ко всем инако мыслящим. Этот инцидент с Робэном многое может об'яснить и дальнейшие акты Главного Совета, о которых мы будем говорить в следующих главах. Теперь же вернемся снова к Конференции.

Но, прежде чем говорить о работах Конференции и ее резолюциях мы приведем выдержку из воспоминаний делегата испанских секций, Ансельмо Лоренцо, о том впечатлении, какое у него осталось от знакомства с Марксом и от самой Конференции. Из рассказа Лоренцо мы видим, что насколько Маркс ненавидел своих противников, настолько он был мил и любезен с теми, кого хотел привлечь в свой лагерь. Вот что рассказывает Лоренцо о своем знакомстве с Марксом:

„По приезде в Лондон, я поехал на извозчике по данному мне адресу. Вскоре извозчик остановился около одного дома я позвонил; на звонок вышел почтенный

старец, который стоя в двери и освещаемый прямо в лицо светом фонаря, казался каким то патриархом. Я робко и с уважением подошел к нему и отрекомендовался как делегат испанской федерации Интернационала; старец обнял меня, поцеловал в лоб и стал говорить по-испански слова приветствия и просил меня войти в дом. Это был Карл Маркс...

„На следующий день Маркс проводил меня в помещение Главного Совета. У входа в Совет я встретил француза Бастелика, уже знакомого мне по конгрессу в Барцелоне. Бастелика принял меня с распростертыми об'ятиями и представил своим коллегам; фамилии некоторых были мне уже знакомы по Интернационалу. Здесь были Эккариус, Юнг, Джон Эльс, Серайэ, Вальян, член Парижской Коммуны и др. Маркс представил меня Энгельсу, который пригласил меня к себе жить во время моего пребывания в Лондоне. В зале заседаний я встретил бельгийских делегатов с Цезарем де-Папом во главе, несколько французов и швейцарского делегата Перре и увидел несимпатичную и отвратительную фигуру Утина, который считал как своей специальной целью разжигать ненависть и страсти, оставаясь совершенно чуждым великому идеалу, который воодушевлял нас, представителей рабочих интернационалистов.

„О неделе, проведенной мною в Лондоне на Конференции у меня остались самые печальные воспоминания. Все виденное и слышанное здесь произвело на меня удручающее впечатление. Я надеялся встретить здесь великих мыслителей, геройских защитников рабочего дела, пропагандистов-энтуазиастов, предтеч и апостолов нового перерожденного Революцией, общества, где будет царить справедливость и счастье; вместо всего этого я встретил глубокую злобу и ужасные распри, царившие между теми, которые должны были быть об'единены единой волей чтобы достичь скорее общей цели...

„Я вынес убеждение, что вся цель созыва Конференции заключалась только в том, чтобы утвердить господство в Интернационале присутствовавшего на Кон-

ференции Карла Маркса в противовес Бакунину, который отсутствовал на Конференции и который будто бы тоже стремился к господству в Международном Товариществе Рабочих.

„Чтобы достигнуть этой цели, те, кто был в этом заинтересован, составили целый обвинительный акт против Бакунина и Альянса социалистической демократии, снабженный оправдательными документами, перечислением преступных дел, действительность и верность которых никто, однако, категорически не мог доказать. Обвинение Бакунина поддерживалось только одним Утиным, который не скупился на выбор слов, чтобы втоптать в грязь своих врагов. Обвиняющая сторона была тем более смела, что присутствующий член Альянса выслушивал обвинение с полным молчанием или же ограничивался робкими извинениями [1]). Но, разбирательство швейцарского вопроса на Конференции, все таки более или менее было обставлено известными формами приличия, но в самой комиссии по этому делу обвинители не считались ни с чем и давали полный простор своей злобе. Я присутствовал на одном из заседаний этой комиссии в квартире Маркса и я воочию убедился до чего может унизиться великий человек. После этого заседания Маркс сошел для меня с того пьедестала, на который он был вознесен моим уважением к нему; его сторонники и друзья своим поведением перед Марксом напоминали мне льстивых и преданных лакеев, стремящихся исполнить всякий хозяйский каприз...

„Я возвратился в Испанию разочарованным, убедясь, что наш идеал очень далек от действительности и что многие из его пропагандистов являются скорее его врагами, чем друзьями“ [2]).

[1]) Лоренцо Ансельмо говорит здесь о Бастелика, который, действительно, состоял одно время членом Альянса, но приехав в Лондон всецело подпал по влияние Маркса и не смел ему противоречить.

[2]) Anselmo Lorenzo. El Proletariado militante стр. 314—322.

Выше мы уже сказали, что, по настоянию Маркса, Конференция не вотировала своих постановлений, а поручила составить резолюции особой комиссии, в которую вошли члены Главного Совета во главе с Марксом. Эта комиссия уже после Конференции составила 17 резолюций, которые были изданы отдельной брошюрой под заглавием: „*Постановления делегатов* (!) *Конференции Интернационала, происходившей в Лондоне от 17 до 23 сентября 1871 года*". Вот наиболее характерная из этих резолюций:

О политической деятельности рабочего класса.

„На основании устава Интернационала, где сказано, что „экономическое освобождение рабочих является великой целью, которой всякое движение политическое должно быть подчинено *как средство*".

На основании „Вступительного Манифеста" Интернационала, в котором сказано: „Обладатели земли и капиталисты будут всегда употреблять свои политические привиллегии для того, чтобы защищать и увеличить свои экономические привиллегии. . (вследствие этого) завоевание политической власти является первой обязанностью рабочего класса".

На основании резолюции Лозанского конгресса Интернационала в 1867 г., где сказано, что „социальное освобождение рабочих неотделимо от их освобождения политического"...

Принимая во внимание, что неверные переводы основного устава дали возможность ложного толкования и что эти ложные толкования наносят вред развитию и деятельности Интернационала ..

Принимая во внимание, кроме того:

Что против коллективной власти господствующих классов пролетариат может действовать как класс только в том случае, если он образует отдельную политическую партию, противоположную всем прежним партиям, созданным господствующими классами;

Что это об'единение пролетариата в политическую партию необходимо, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее конечной цели—*уничтожение классов;*

Что коалиция рабочих сил уже достигнутая благодаря экономической борьбе должна также служить рычагом для рабочих масс в их борьбе против политической власти своих эксплоататоров;

Конференция напоминает членам Интернационала следующее:

Что в периоде борьбы движение экономическое рабочего класса и его деятельность политическая неразрывно связаны друг с другом".

Резолюция по вопросу об „Альянсе социалистической демократии".

„Принимая во внимание:

„Что Альянс социалистической демократии об'явил себя распущенным;

„Что в своем заседании 18-го сентября Конференция постановила, чтобы все существующие организации, входящия в Интернационал, согласно общего устава, отныне назывались исключительно лишь секциями, отделами и т. п. и что, следовательно, этим самым запрещается различным группам, примыкающим к Интернационалу принимать названия сект, как, например, групп мютюэлистов, позитивистов, коллективестов, коммунистов и т. д.;

Что более не позволяется никакому отделу или обществу уже принятому в Интернационал, образовывать сепаратистскую группу под именем „секция пропаганды", „Альянс социалистической демократии" и т. д., и задаваться специальными целями помимо общей цели, преследуемой борющимися пролетарскими массами, об'единенными в Интернационале;

Что в будущем Главный Совет Интернационала должен истолковывать и проводить на практике постановление Базельского конгресса, гласящее: „Главный Совет имеет право принять или отказать в приеме в Ин-

тернационал всякому новому обществу или группе, предоставляя право апелляции Конгрессу“;

Конференция об‘являет вопрос об Альянсе социалистической демократии исчерпанным“.

После этой резолюции, казалось бы, борьба против Бакунина и его последователей должна была прекратится. Но, в действительности, мы увидим обратное в следующих главах расскажем о том походе, который предпринял Маркс с компанией против Бакунина, и который закончился исключением Бакунина из Интернационала, что, в свою очередь, повлекло за собою распад всего Интернационала.

Что вопрос об Альянсе не переставал и после этой резолюции беспокоит Маркса и его друзей, видно из того, что Конференция поручила Утину установить связь между Альянсом и так называемым „Нечаевским делом“. Конференция просила Утина собрать подробные сведения о деятельности Нечаева и напечатать в газете „Равенство“ отчет по делу Нечаева, сообщив его предварительно Главному Совету. Все это было сделано с единственной целью, чтобы оклеветать Бакунина и уронить его во мнении рабочих масс; хотя Маркс и Утин отлично знали, что Бакунин еще в 1869 г. порвал с Нечаевым и относился к нему крайне отрицательно.

Но, это не помешало однако Утину сделать историю Нечаевского дела почти историей самого Альянса социалистической демократии и тесно связать деятельность Бакунина с деятельностью Нечаева. Гнусная ложь Утина была повторена самим Марксом в его брошюре *„Альянс социалистической демократии и Интернационал“*.

Что касается до вопроса по делу о расколе в Романской Федерации, то Конференция вынесла по этому вопросу очень длинную резолюцию, в которой говорилось, что Конференция имеет полное право разрешить вопрос в окончательном смысле. Конференция решительно отказалась признать Федеральный Комитет в Шо-де-Фоне или в Сент-Имье, куда он был переведен в

1871 г. так как считала настоящим представителем Романской Федерации только Комитет в Женеве, за которым шло меньшинство швейцарских секций.

Вместе с этим Конференция советовала юрским рабочим интернационалистам примкнуть к женевским секциям, если же это окажется неисполнимым, то в таком случае Конференция разрешает секциям образовать новую федерацию под наименованием „*Юрской Федерации Интернационала*“.

XII

Отголоски Лондонской Конференции [illegible] Созыв конгресса швейцарских секций [illegible] Бакунин и Интернационал в Италии.

Вследствие того, что Лондонская конференция при разборе дела о расколе в Романской Федерации стала всецело на сторону прежнего женевского Комитета, и, не выслушав другой стороны, вынесла ей обвинение в том, что она вносит раздор в среду Интернационала, Федеральный Комитет в Сент Имье решил составить подробный доклад, который и должен был быть разослан всем секциям Интернационала. Ввиду того, что главной причиной раскола была секция Альянса, то секретарь Федерального Комитета в Сент Имье, Швицгебель, написал бывшим членам женевской секции Альянса следующее письмо:

Сонвилье, 27 сентября 1871 г.

„Членам бывшей секции Альянса в Женеве.“

„Товарищи! Мы узнали неоффициально о роспуске вашей секции.

„После того, как мы очень долгое время позволяли нашим врагам клеветать на нас по всей Европе, мы решили, что сейчас наступил момент, когда необходимо чтобы был услышан и наш голос. Ваша секция, которой история воздаст со временем дань уважения, не может,

после того как она совершила по своей воле акт самоубийства, оставаться мишенью для несправедливых нападок со стороны лиц, руководящихся исключительно только своими личными интересами.

Вот почему нам кажется необходимым, не только для Альянса, но также и для того, чтобы об'яснить причины раскола в Романской Федерации, составить обо всем этом деле подробный доклад. Этот доклад должен быть разослан всем интернациональным центрам, чтобы все, кто интересуется вашими делами, могли бы судить о нем с полным знанием действительных причин. Мы полагаем что товарищ Джемс Гильом более всех нас способен на то, чтобы взять на себя труд редактирования этого доклада. Для этого ему необходимо иметь в своих руках все документы, относящиеся к Альянсу и к расколу.

Будьте добры, поэтому, товарищи прислать ему в возможно скором времени все архивы вашего Альянса.

Вам понятна вся важность предпринимаемой нашим другом Гильомом работы и мы надеемся, что Вы постараетесь облегчить ему его задачу, поспешив передать в его распоряжение все просимые документы, а также дать ему все сведения, которые каждый из вас сочтет нужным предать гласности".

Между тем, поведение Маркса и марксистов на Лондонской конференции вызывало возмущение не только таких независимых людей, как Робэн, но даже и лиц относившихся к Марксу с большим почтением и стоявших скорее на его стороне. Так, например, в конце сентября, бывший секретарь секции Альянса, Жуковский получил из Лондона, от Бастелика, француза эмигранта, бывшего одно время довольно дружным с Бакуниным, но затем отошедшего от него, письмо такого содержания:

„Мой дорогой Жук! От Робэна я узнал твой адрес и немедленно же решил написать тебе, тем более, что есть о чем сообщить. Вероятно в Женеве уже известны постановления Лондонской конференции; как член делегат этой конференции, могу сказать лишь только то, что я вынес от ее заседаний тяжелое впечатление. Су-

шествует, если я не ошибаюсь, в среде Интернационала заговор очень тонко, умно задуманный и направляемый; этот заговор, если ему суждено осуществиться, приведет нас к диктатуре некоторых личностей... Если какая либо сила или событие не помешают захватным стремлениям некоторых лиц, то раскол в среде Интернационала неминуем... разделение уже существует и есть лица, которые имеют желание предать анафеме и исключению еретиков; но это придет в свое время.

„Я должен тебе сказать, что в Совете на меня смотрят враждебно и что я накануне исключения“...

Необходимо заметить, что Маркс особенно ласково обходился с Бастелика по приезде его в Лондон, часто приглашал его к себе и фамильярно называл его „мой маленький корсиканец.“ Бастелика вел себя в Лондоне так смирно, что на конференции при разборе швейцарского раскола, на все инсинуации Утина, не произнес ни слова в защиту Бакунина, или же как говорит испанский делегат Лоренцо, в своем письме, цитированном нами выше, „ограничивался робкими извинениями.“

Летом и осенью 1871 г. в Швейцарию прибыло много французских эмигрантов, которым удалось избежать преследований версальского правительства; в числе их было много видных членов парижской Коммуны, как например, Лефрансе, Малон, Арну, Разуа; в это же время в Швейцарию прибыл и Жюль Гэд, молодой журналист из Монпелье, приговоренный французским правительством к пяти годам тюрьмы за преступление по делам печати. Большинство этих эмигрантов смотрели на раскол в Романской Федерации как на личную борьбу между Бакуниным и Утиным. Некоторые из них вступили членами в центральную женевскую секцию Интернационала, где все дела вершал Утин. Однако, они вскоре увидали, что Утин не терпел никаких противоречий и, пользуясь покровительством Маркса, позволял себе чисто диктаторские выходки. Так, когда Бенуа Малон и Лефрансе стали делать ему некоторые замечания, то Утин добился того, что Малона и Лефрансэ исключили из

центральной секции под предлогом, что оба они являются *агентами* Бакунина и Альянса. В действительности, Лефрансе не был знаком с Бакуниным, а Малон хотя и знал Бакунина, но не был с ним в дружеских отношениях.

Вернувшись из Лондона в Женеву после конференции Утин снова начал компанию против Бакунина, стараясь оклеветать его и дискредитировать в глазах французских коммунаров.

Однако, более вдумчивые и проницательные из коммунаров начинали уже понимать, что борьба происходит не на почве личной вражды или антипатии, но имеет под собою глубокую идейную основу. Многие из них стали ясно представлять себе, что Утин является только ширмой, за которой скрывается Маркс, горевший ненавистью к Бакунину не столько как к человеку, сколько как к своему идейному противнику.

Известная французская писательница-социалистка, жена члена Парижской Коммуны, Бенуа Малона, Андре Лео (Шамисей) одна из первых поняла действительные мотивы раскола и в письме к одной своей подруге писала:

„Да, в Интернационале существуют разногласия, как и всюду в мире. Немцы, в лице Маркса, стремятся к централизации и деспотизму, хотят видимого единства, как Бисмарк. Латинские элементы протестуют и требуют бороться. Вполне возможно разделение. Это очень досадно..."

Несколько позднее Андре Лео посвятила расколу в Романской Федерации несколько статей, напечатанных в издававшейся в Женеве газете „Социальная Революция", В одной из этих статей она говорит: " пангерманизм заражает, как эпидемическая болезнь все немецкие головы так что, когда немцы проповедуют социализм, они не вполне отрешаются от мысли, что они немцы. Бисмарк вскружил голову всем немцам от Рейна до Одера. Карл Маркс хочет быть папой Интернационала..." Далее в своей статье Андре Лео говорит: „не единство, к которому

стремится Интернационал, не есть единообразие, а наоборот,— это проявление инициативы, полной свободы, выражение всех мнений, об'единенных между собою лишь общим интересом.... эту автономию гражданина в социальной группе пробовала осуществить Парижская Коммуна. После первого акта последует неизбежно второй акт великой Революции.. Теперь Международное Товарищество Рабочих, дав увлечь себя узким и самолюбивым личностям, пробует создать единство силой. Этого не должно быть. Пусть политика старого мира будет изгнана из Интернационала, социализм не имеет ничего общего с ней; социализм должен идти совершенно другой дорогой—путем свободы всех в равенстве."

Андре Лео не удовлетворилась борьбой против централистических стремлений Маркса и его последователей только при помощи газетных статей, она стала выступать в кружках и собраниях, указывая на опасность для Интернационала, если он превратится в централизованную и авторитарную организацию. „Мы предприняли здесь компанию против постановлений Лондонской Конференции, писала она в одном своем письме, так как эти постановления проникнуты духом унитаризма и авторитаризма. Вместе с этим мы повели компанию и против Карла Маркса, который является злым гением Интернационала, его Бисмарком..."

Осенью 1871 г. в Женеве некоторые французы эмигранты - коммунары, швейцарцы и русские, бывшие члены распущенной секции Альянса и непринятые в центральную секцию Интернационала, организовали новую „секцию пропаганды и социалистического действия в Женеве". Эта секция не была принята Главным Советом в Интернационал на основании резолюций Лондонской конференции, в которых говорилось, что отныне запрещается образовывать сепаратные группы под наименованием секций пропаганды". Секция просила три раза Главный Совет принять ее в Интернационал, указывая, что большинство ея членов коммунары социалисты-ре-

волюционеры, доказавшие на деле свою преданность социализму. Но, Главный Совет упорно молчал.

Ввиду такого поведения Главного Совета женевская секция пропаганды и социально-революционного действия решила протестовать против поведения Главного Совета и довести дело до сведения интернациональных федераций, прося их войти в ее положение. Около этого же времени французские эмигранты в Лондоне также образовали свою группу, которой дали название „французская секция 1871 г.“ Просьба этой секции о принятии ее в Интернационал была точно также отвергнута Главным Советом.

Интернациональные секции юрской Швейцарии, находясь как бы на нелегальном положении после резолюций Лондонской Конференции, решили, чтобы обсудить свое положение, созвать национальный конгресс Романской Федерации, который не собирался уже с весны 1870 г. то есть более чем полтора года [1]) Конгресс решено было созвать 12 ноября в городе Сонвилье (кантон Бернская Юра). По этому поводу федеральный Комитет в Сент-Имье разослал 31 октября всем швейцарским секциям следующее воззвание:

Международное Товарищество Рабочих.
Романская Федерация.

Четвертый циркуляр Секциям.

„Товарищи!“

„Уже давно наш национальный конгресс должен был-бы быть созван, но события, происшедшие в Европе, послужили причиной того, что делегаты не могли собраться на конгресс.

„Все внимание было направлено на французские революционные коммуны, которые делали попытки открыть

---

[1]) По уставу конгресс Федерации должен был-бы быть созван в апреле 1871 г.

для рабочего народа новую эру его экономического освобождения. Лион, Марсель, Париж пали под ударами буржуазии, которая была сильнее организована, чем мы.

„Геройская борьба парижского народа, безчисленные жертвы, которые он принес ради освобождения рабочих, неудача этой коммунальной борьбы—все это заставляло искренних интернационалистов задумываться и проверить свою тактику. Мы, лично, думаем, что теперь Интернационал входит в новую фазу своего развития, теперь он должен соорганизоваться так, чтобы использовать в интересах рабочих всякую частичную борьбу, могущую возникнуть между рабочими и буржуазией.

„Другая причина, заставляющая вступить Интернационал на новый путь—это диктаторская наклонность Главного Совета по отношению к секциям. Последняя недавняя конференция в Лондоне приняла постановление которые близко нас касаются. Вы знаете все, что на конгрессе Федерации в Шо-де-Фоне в 1870 г. произошел раскол. Меньшинство конгресса, вопреки здравому смыслу, об'явило себя настоящими представителями Романской Федерации. Мы рассчитывали, что Главный Совет Интернационала посмотрит на дело вполне беспристрастно и мы надеялись, что он разрешит справедливо возникший конфликт, или, по крайней мере, признает за нами право на существование как Федерации, наравне с нашими женевскими собратьями. Но, Главный Совет все время хранил необ'яснимое молчание. Нам ничего не оставалось делать, как ждать созыва общего конгресса Интернационала, который и разрешит конфликт

„Однако, мы. видим, что созыв общего конгресса в данный момент почти невозможная вещь, а с другой стороны ждать дольше тоже нельзя, так как Конференция в Лондоне, не приглашавшая нас на ее заседания, приняла диктаторские замашки, составляя *декреты* [1],

[1] Слово *декреты* в циркуляре поставлено потому, что в своей резолюции относительно швейцарского вопроса, Лондонская Конференция говорит: „она *декретирует* что Федерация Горных секций будет называться Юрской Федерацией.

что совершенно противно основным принципам Интернационала.

„Все сказанное выше обязывает нас, товарищи, созвать в возможно непродолжительном времени наш областной конгресс, который установит нашу линию поведения сообразно общим интересам Интернационала и частным интересам нашей Федерации.

„Мы предлагаем вам следующий порядок дня:

1) Доклад Федерального Комитета.

2) Главный Совет Интернационала и Лондонская Конференция.

3) Реорганизация Федерации и пересмотр ее устава.

4) Швейцарский рабочий союз.

„Товарищи! Мы вполне уверены, что вы пришлете на конгресс ваших делегатов и мы надеемся, что работа конгресса поможет укреплению тех связей, какие соединяют наши Секции.

„Конгресс имеет быть 12 ноября в Сонвилье. Открытие состоится в 9 часов утра в Отель де Баланс. Будьте добры уведомить нас о числе ваших делегатов.

„С товарищеским приветом"

„За Романский Федеральный Комитет

Секретарь *Адемар Швицгебель.*"

Марксисты, защищая Маркса, говорят, что Маркс вынужден был бороться, потому что на него нападал Бакунин. Они утверждают, что секции Юрской Швейцарии были послушным орудием в руках Бакунина и все делали по его желанию. В действительности же, мы видим, что Бакунин, живя в Локарно, вдали от Юры и Женевы, не принимал никакого участия в происходившем расколе. Выше мы уже говорили, что летом 1871 г. Бакунин был занят, главным образом, полемикой с Мадзини по поводу Интернационала и Коммуны. В эту полемику Бакунин вступил движимый лишь одним жела-

нием: раз'яснить итальянским рабочим действительные цели и задачи Интернационала и Коммуны и защитить Интернационал и Коммуну от нападок и клеветы. Всю осень 1871 г. Бакунин был занят писанием брошюры против Мадзини и мадзинистов, которую он впоследствии озаглавил: *„Политическая теология Мадзини и Интернационал.“* В это же время он заканчивал вторую часть „Кнуто-Германской Империи,“ которая позднее была издана Элизе Реклю и Кафиеро под названием *„Бог и Государство.“*

Насколько Бакунин мало интересовался и вмешивался в борьбу между централистами и автономистами или федералистами в Интернационале, мы можем судить по письму Бакунина, писанному им Огареву 14-го ноября, то-есть во время собрания конгресса в Сонвилье. В нем Бакунин ни слова не упоминает о Марксе и своей борьбе с ним. Вот это письмо:

14 ноября 1871. Локарно.

„Мой милый, старый Ага. Я так долго не писал тебе, потому что положение мое стало из рук вон мерзко и каждый день становится хуже, так что я ничего веселого сказать не могу:

„1) Жена потеряла последнего брата. Она и все семейство ее в отчаянии. Она боится за жизнь матери, отца, сестер, которых страстно любит. Я вожусь с ней день и ночь, чтоб хоть несколько ее успокоить, уверяя что все остальные живы. Мы потратили последние 25 франков, чтобы послать телеграмму в Красноярск сестре; но до сих пор вот уже 11-й день, нет ответа. Может, правительство перехватило, а может быть, случилось и новое несчастье. Я дрожу.

„2) Прибавь к этой лихорадке не только совершенное безденежье и всеобщее погружение в долгах, но несносные приставания хозяйки дома, еписьера и мясника. Последние два отказались давать провиант, так что мы вот уж второй день, как перестали есть мясо и скоро останемся без свечей и без дров. А денег взять не

откуда. Может быть пришлет что нибудь сестра Антоси, если правительство не перехватит. Пожалуйста не говори об этом никому, чтобы Женева не заболтала, не то ведь последняя надежда лопнет.

„До сих пор я надеялся, что братья пришлют,—и еслиб не твои милые protegés M-me Herzen и прелестный пасынок ее, мне не нагадили, то, без сомнения, прислали-бы, потому что Л. взялся за дело горячо. Но они нагадили. Кому угодно отрицать это, а я знаю.—Ну, да чорт с ними.

„3) Не смотря на все это, я по силам продолжаю делать свое дело,—веду в Италии отчаянную и победоносную борьбу со всеми мадзинистами и идеалистами. Ты находишь, что все это не нужно. Ну, в этом отношении, как и во многих других, мы с тобой не согласны— И тут также Герцены старались подгадить мне. Прислали Мадзини перевод пасквиля Александра Ивановича против меня в посмертных сочинениях.—Напечатали в Unita Italiana.—Все напрасно. Я даже не почел нужным отвечать. Пусть себе собаки лают.

„Вот, милый друг, моя жизнь. Ты поймешь теперь, что нет большой охоты писать. Доживаю свой век в борьбе, ну, и буду бороться, пока сил станет.

„Прощай, обнимаю тебя и всех твоих. Русские газеты наконец получил. Пришлю, только на почте не заплачу. Не франкирую даже этого письма, а письмо к Озерову ты передай. Он такой же нищий, как и я,— значит не франкированных писем ему посылать нельзя

Твой М. Б.

„К нам приехал Зайцев. Он, кажется, очень хороший человек.“

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Юрская Федерация.

I

(Первый период.—Ноябрь 1871—Сентября 1872 г.)

Конгресс в Сонвилье (12 ноября 1871 г). Основание Юрской Федерации. Воззвание конгресса в Сонвилье ко всем Федерациям Интернационала.

Областной конгресс Романской Федерации открылся 12 ноября 1871 г. в городе Сонвилье. На конгресс прибыли 14 делегатов от восьми юрских секций и кроме того женевская секция пропаганды и социально-революционного действия прислала двух делегатов—Жюля Гэда и Н. Жуковского. Конгресс открылся чтением доклада Федерального Комитета. Докладчик, секретарь Федерального Комитета, Адемар Швицгебель констатировал с полной откровенностью то печальное состояние дезорганизации, в какой находился Интернационал в Швейцарии. Причиной такого упадка и разрухи, Швицгебель считал с одной стороны—результаты франко-прусской войны, а с другой—интриги женевцев и их защитников в Лондоне.

После доклада, конгресс избрал комиссии для составления докладов по другим вопросам, стоявшим в программе, а именно: о Лондонской конференции и о действиях Главного Совета; о реорганизации федерации и о проекте созыва швейцарского рабочего конгресса.

По вопросу о реорганизации Романской Федерации конгресс, заслушав доклад комиссии по этому вопросу, принял единогласно следующую резолюцию:

„Конгресс,“

„Принимая во внимание, что Романская Федерация, *законным представителем которой является настоящий конгресс*, утратила свой первоначальный характер благодаря отпадению одной части секций.

„Полагает, что необходимо распустить эту Федерацию и поэтому ее распускает.

„Принимая во внимание, с другой стороны, что конгресс романских секций, состоявшейся в городе Сент-Имье, в октябре 1870 г. уже обсуждал вопрос об основании новой Федерации, которая должна была бы называться *Юрской Федерацией*, но признал в то время вопрос об образовании новой федерации преждевременным, теперь же, когда многими секциями снова поднят этот вопрос". Конгресс постановляет образовать из секций, представленных на конгрессе, и тех, которые пожелают присоединиться впоследствии,—новую Федерацию, которая принимает название *Юрской Федерации*"

Конгресс утвердил устав вновь образованной Федерации, состоявший из девяти статей. Мы приводим этот устав полностью:

Устав Юрской Федерации, принятый на конгрессе в Сонвилье, 12 ноября 1871 г.

Статья первая.—Интернациональные секции, принимающие настоящий устав, образуют между собою федерацию, которая будет называться *Юрская Федерация*

Ст. 2.—Федерация признает и принимает основной устав Международного Товарищества Рабочих.

Ст. 3.—Федеральное единство имеет своего представителя в лице Федерального Комитета, состоящего из пяти членов, которому вверяется управление федеральными делами под контролем секций.

Федеральный Комитет не облечен никакой властью. Он является лишь простым исполнительным бюро для справок, переписки и статистики.

Ежегодно Федеральный конгресс назначает город и место пребывания федерального Комитета.

Статья 4.—Секции, входя в Федерацию, сохраняют

свою полную автономию и на них не возлагается никаких обязательств кроме исполнения настоящего устава

Статья 5.—Секциям предоставляется свобода образовывать между собою местные или специальные федерации.

Статья 6.—Всякая интернациональная секция может быть принята в Федерацию при условии подчинения настоящему уставу.

Федеральный Комитет имеет право принять новые секции, уведомив об этом Федерацию в двухнедельный срок. В случаях вызывающих сомнение, он должен оповестить об этом все секции и опросить их и каждая секция обязана сообщить Комитету свое решение по данному вопросу то-есть за принятие новой секции в Федерацию, или против принятия.

Статья 7.—Федеральный взнос определяется в 20 сантимов в год с каждого члена секции. Взнос уплачивается в январе месяце кассиру федерального Комитета.

Секции, не внесшие своих взносов до 31 марта, будут рассматриваться как выбывшие из Федерации. Им, однако, предоставляется право войти вновь в Федерацию уплатив свои недоимки.

Статья 8.—Федеральный Конгресс созывается ежегодно в апреле месяце в городе, выбранном большинством секций.

Каждая секция имеет право послать на конгресс двух делегатов.

Рассмотрению конгресса подлежат дела общего характера федерированных секций, а также и все вопросы относящиеся к пролетарскому освобождению. Конгресс не имеет права вмешиваться во внутренние дела секций.

Конгрессу представляется доклад Федерального Комитета о действиях комитета и конгресс высказывает по этому докладу свое мнение.

Каждая секция имеет право предложить вопросы в программу дня конгресса. Порядок дня окончательно устанавливается при открытии конгресса.

Статья 9.—Настоящий устав подлежит пересмотру на конгрессе во всякое время, по требованию какой либо секции.

Принято единогласно.

Председатель конгресса в Сонвилье,—*Август Спичингер*; секретари—*Шарль Шопар и Жюль Гэд.*

По поводу Лондонской конференции и принятых ею постановлений, конгресс в Сонвилье постановил обратиться с воззванием ко всем секциям Интернационала о скорейшем созыве общего конгресса Интернационала, чтобы установить права и обязанности Главного Совета. Это воззвание было выработано и принято конгрессом в следующей редакции.

Воззвание ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих.

„Нижеподписавшиеся делегаты, являющиеся представителями группы интернациональных секций, объединившихся в федерацию, которая приняла название *Юрской Федерации*, обращаются с настоящим воззванием ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих и просят их присоединиться к ним и потребовать, чтобы в возможно непродолжительном времени был созван общий конгресс Интернационала.

„В коротких словах мы постараемся изложить Вам те мотивы, которые заставляют нас требовать созыва общего конгресса, необходимого для того, чтобы удержать Интернационал от вступления на опасный путь, который приведет неизбежно к его гибели.

„С начала основания Интернационала был образован как известно, Главный Совет, который был должен, согласно уставу, служить центральным бюро для письменных сношений между секциями, но которому не была вручена абсолютно никакая власть, что было бы, впрочем, совершенно противоречащим самому духу Интерна-

ционала, который является выражением протеста против власти.

„Рамки деятельности Главного Совета точно определены следующими статьями основного устава и общим регламентом:

„Основной устав.—Статья 3.—Образован Главный Совет из рабочих, представителей различных наций, примыкающих к Интернационалу. Совет состоит из членов президиума—председателя, главного секретаря, казначея и частных секретарей для различных стран.

„Ежегодно общий конгресс Интернационала назначает местопребывание Главного Совета, избирает его членов, предоставляя ему право кооптации добавочных членов...

„В определенное конгресом время, без особого на то приглашения, делегаты собираются в городе, где назначен конгресс. В случае непредвиденных препятствий Главный Совет может переменить место конгресса, не меняя однако времени.

„Статья 4.—Каждому общему Конгрессу Главный Совет обязан представить подробный доклад о своих работах за истекший год. В случае необходимости, он может созвать конгресс ранее назначенного времени.

„Статья 5.—Главный Совет должен установить сношения с отдельными рабочими ассоциациями, таким образом, чтобы рабочие каждой страны были постоянно в курсе рабочего движения в других странах; чтобы возможно было сразу иметь понятие о социальном положении рабочих в разных странах, чтобы все предложеные каким нибудь союзом вопросы, имеющие общий интерес были бы подвергнуты рассмотрению всех секций, и чтобы, когда какая либо практическая идея или возникшие затруднения потребовали бы выступления всего Интернационала, этот последний мог бы проявить свою деятельность всюду единым образом...

„Главный Совет должен издавать бюллетень, чтобы облегчить свои сношения с федеральными комитетами.

„*Регламент.* Статья первая.—Главный Совет обязан исполнять постановления конгрессов.

„Для этой цели он собирает все документы, присылаемые ему федеральными Комитетами различных стран и получаемые Советом другим путем.

„Главному Совету поручается организация конгрессов и ему вменяется в обязанность ознкомить с программой предстоящего конгресса все секции через посредство федеральных комитетов различных стран.

„Статья 2.—Главный Совет должен издавать, поскольку позволят ему средства, бюллетень, содержащий все, что может интересовать международную ассоциацию: спрос и предложение труда в различных областях, кооперативные товарищества, положение рабочих классов в разных странах и т. д."

„Главный Совет был оставлен на первый год в Лондоне по многим причинам; в Лондоне происходил митинг, положивший начало Интернационалу, и кроме того, Лондон представлял город, где члены Главного Совета могли чувствовать себя более в безопасности, чем в других европейских городах.

„На последующих общих конгрессах Интернационала, в Лозанне (1867 г.) и в Брюсселе (1869 г.), Главный Совет был также оставлен в Лондоне. Что же касается до состава Совета то все, кто присутствовал на конгрессах знают как происходили выборы членов Главного Совета: конгресс вотировал за списки, представленные Главным Советом; большинство лиц, стоявших в этих списках, были абсолютно неизвестны делегатам. Доверие простиралось так далеко, что Главному Совету давалось право кооптировать в свою среду всех лиц, которых он найдет нужным. Благодаря этому, избрание Главного Совета общим конгрессом превратилось в чисто фиктивное действие. В самом деле, Главный Совет, после избрания, мог сам принять в свою среду всех лиц, которые могли бы совершенно изменить его физиономию.

„На Базельском конгрессе слепое доверие достигло точки до полной отдачи себя в руки Главного Совета. Благодаря *административным постановлениям* Главный Совет мог вносить незаметным образом чувстви-

тельные изменение в основной устав, где автономия каждой секции и каждой группы в секции была ясно и определенно провозглашены. Судите сами:

„Административная резолюция Базельского конгресса: Резолюция VI. „Главный Совет имеет право распустить до будущего конгресса какую либо секцию Интернационала".

„Резолюция VII.—Когда между секциями, или национальными группами возникнут какие либо недоразумения, Главный Совет имеет право высказать свое суждение по поводу разногласий, предоставляя право аппеляции предстоящему конгрессу, который может вынести окончательное решение по данному вопросу."

„Принять такие постановления значило дать в руки Главному Совету опасную власть, и Базельский конгресс имел оплошность принять эти постановления и не подумал, какие могут произойти от этого результаты.

„Нужно признать тот неоспоримый факт, подтверждающийся тысячи раз на опыте, что власть портит всех людей, в руки которых она попадает. Совершенно невозможно, чтобы человек, имеющий власть над себе подобными оставался бы человеком нравственным.

„Главный Совет не мог избежать этого фатального закона. Состоящий в течение пяти лет подряд из одних и тех же лиц, постоянно переизбираемых, и облеченный в силу базельских постановлений большой властью над секциями, он кончил тем, что стал смотреть на себя как на законного главу Интернационала. Мандат члена Главного Совета сделался в руках некоторых личностей как бы их личной собственностью, и Лондон стал казаться им безсменной столицей Интернационала. Мало по малу эти лица, которые, в действительности, должны быть нашими уполномоченными, но, большинство которых, на самом деле, ни, от кого не получало никаких полномочий, не быв избраны никаким конгрессом,—эти лица, говорим мы, привыкнув идти впереди и во главе движения и говорить от имени Интернационала, стали стремиться сделать господствующими в Интернационале свои

теории и свою личную программу. Сделавшись, своего рода правительством, Главный Совет, вполне естественно стал рассматривать свою личную доктрину, как официальную теорию Интернационала. Все другие идеи, расходящиеся или противоречащие этой теории, исходящие от других групп, стали считаться ересями. Таким образом, постепенно сложилась и образовалась ортодоксия, центром который явился Лондон, а представителями— члены Главного Совета. Вскоре секретари—корреспонденты Главного Совета для различных стран стали видеть свою миссию не в том, чтобы служить нейтральными и безпристрастными посредниками между различными федерациями, но превратились в апостолов ортодоксальной доктрины и стали вербовать пропагандистов этой доктрины, ставя на первое место интересы секты, а не общие интересы всего Интернационала.

„Что должно выйти из всего этого? Главный Совет должен был встретить, неизбежно, на этом новом пути оппозицию. Благодаря этому началась борьба; а с нею на сцену выступили личные ссоры, Главный Совет становится очагом интриг; оппозиционеров предают проклятию, пускают в ход клевету; в среде Интернационала открытая война разражается.

„После базельского конгресса в 1869 г. общие конгрессы Интернационала не созывались. Главный Совет был предоставлен самому себе втечение двух последних лет. Франко-немецкая война послужила причиной перенесения конгресса в 1870 г. на следующий год; но в 1871 г. этот конгресс был заменен тайной конференцией созванной Главным Советом, хотя в Уставе нигде не говорится, что Главному Совету разрешаются подобные вещи. Эта тайная конференция, не являлась истинной представительницей Интернационала, так как многие секции, в частности наша, не были на нее приглашены эта Конференция которая не могла никоим образом присвоить себе права конгресса, тем не менее взяла на себя смелость вотировать постановления, вносящие существенные изменения в основной устав, которые стре-

мятся превратить Интернационал из свободной федерации автономных секций, в иерархическую и властную организацию, находящуюся всецело в руках Главного Совета. Главный Совет может, в силу этих постановлений по своей собственной воле принять или отказать в приеме в Интернационал любой федерации или группе, или же распустить секцию и прекратить ея деятельность. Чтобы увенчать здание, Конференция приняла еще постановление о том, что Главный Совет назначит сам время и место будущего общего конгресса Интернационала или *Конференции, которая заменит этот конгресс.* Таким образом, мы имеем уже реальную угрозу, что общие конгрессы могут не созываться и вместо них мы будем иметь, по милости Главного Совета секретные Конференции, аналогичные той, какая происходила в Лондоне.

„Пред лицом этих фактов, что должны мы делать?

„Мы не обвиняем Главный Совет. Лица, составляющие Главный Совет, стремятся, вполне искренно думая, что так будет лучше, к торжеству своих личных доктрин и хотят ввести в Интернационал принцип власти. Обстоятельства благоприятствовали этим стремлениям, и вполне естественно, что эта школа, идеал которой заключается *в завоевании политической власти рабочим классом,* пришла к заключению, что вследствие последних событий, необходимо изменить первоначальную форму организации Интернационала и превратить его в иерархическую организацию, управляемую Центральным Комитетом.

„Но, если мы находим об'яснение этим фактам и этим стремлениям, мы, тем не менее, нисколько не имеем желания подчинится им, а, наоборот, считаем своим долгом бороться против них, бороться во имя той Социальной Революции, к которой мы стремимся и программа которой говорит: „Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся.“ Это освобождение должно быть достигнуто помимо всякой власти, даже помимо власти, избранной самими рабочими.

„Мы просим поддержки в Интернационале, и просим встать секции на защиту их автономии, которая была до сих пор основой Интернационала. Мы требуем, чтобы Главный Совет, права и обязанности которого были изменены постановлениями базельского конгресса, удовольствовался бы своей нормальной ролью, которая заключается лишь в том, чтобы он был простым корреспондентским бюро, центром статистики;—то единство, которого Главный Совет стремится достигнуть путем централизации и диктатуры, мы хотим добиться при помощи свободной федерации автономных групп.

„Будущее общестсо не должно быть ничем иным, как той организацией, типом которой является теперь Интернационал. Следовательно, мы должны заботиться возможно более приблизить нашу организацию к идеалу. Каким же образом хотят, чтобы свободное общество равных вышло из авторитарной организации? Это невозможно, Интернационал—зародыш будущего общества—должен быть уже теперь верным отражением наших принципов свободы и федерации, и отбросить всякую идею, стремящуюся к власти, к диктатуре.

„Мы настаиваем на необходимости скорейшего созыва общего конгресса Интернационала.

„Да здравствует Международная Ассоциация рабочих.

Сонвилье, 12 ноября 1871 г.

Делегаты на конгрессе Юрской Федерации: Генри Девсonож, Леон Швицгебель, Фриц Шуп, Жустин Гербер, Х. Гофер, Фредерик Грозье, Август Спишигер, Николай Жуковский, Жюль Гэд, Шарль Шопар, Альфре Жакрено, Нума Бранд, Джемс Гильом, Дюпни, А. Шепер, Луи Картье.“

II

Отклики на воззвание конгресса в Сонвилье.—Брошюра Бакунина: *Политическая теология Мадзини и Интернационал.*

Воззвание конгресса Юрской Федерации в Сонвилье, разосланное всем национальным центральным организа-

циям Интернационала, было встречено одобрительно в Испании, Италии, Бельгии и Франция. Испанския и итальянские секции были уже до получения воззвания юрцев глубоко возмущены постановлениями Лондонской конференции и стремлениями Главного Совета. Делегат испанских секций на Лондонской конференции, Анcельмо, Лоренцо, вернувшись в Испанию, говорил, что Главный Совет Интернационала является *„двором Карла Маркса.“* „Я невольно краснел, добавляет он, когда увидал с каким рабским подобострастием относится большинство членов Главного Совету к Марксу, который царствовал в Совете как неограниченный властитель [1])“. Между тем Лоренцо не был сторонником Бакунина и поехал в Лондон полный уважения к Марксу и его учености. Вероятно, чтобы агитировать в пользу Главного Совета, в декабре месяце 1871 г. в Испанию приехал зять Карла Маркса Поль Лафарг, который успел привлечь на сторону Маркса несколько видных испанских интернационалистов, убедив их, что борьба, предпринятая юрцами против Главного Совета, ведется ими лишь из за личных интриг.

В Италии воззвание Юрской Федерации было встречено также сочувственно и перепечатано в *„Красной Газете“*, издававшейся в Милане, а также и некоторыми другими рабочими газетами. В *„Красной Газете“* в нумере от 29 декабря было помещено также письмо, подписанное *группой интернационалистов* в котором между прочим говорилось: „глубоко убежденные, что принцип автономии секций, федераций областных и национальных, составляет истинную силу Интернационала:... признающие за Интернационалом блестящее будущее, мы думаем, что Интернационал не может быть подчинен воле или власти каких либо личностей, но должен быть делом коллективной деятельности и свободы поэтому мы принимаем предложение Юрской Федерации

[1]) Question de la Alianza, стр. 2—3

о созыве общего конгресса, который должен положить конец авторитарным стремлениям Главного Совета.“

Несмотря на то, что Энгельс, бывший секретарем в Главном Совете по делам Италии, стремился в своих письмах доказать правоту Главного Совета и обвинял Бакунина и его юрских друзей в интригах, большинство итальянских секций признавали законность и правильность требований Юрской Федерации. Клевета и нападки Энгельса на Бакунина имели даже как раз обратные результаты и главный корреспондент Энгельса в это время, один молодой итальянец, лично бывавший у Маркса и Энгельса в Лондоне и разделявший их идеи, вскоре перешел на сторону Бакунина. Этот молодой человек был Карло Кафиеро“ [1]).

В Бельгии воззвание Юрской Федерации было получено перед открытием годичного конгресса бельгийских секций Интернационала и вопрос о созыве общего конгресса Интернационала был поставлен в порядок дня. После обсуждения этого вопроса конгресс принял следующее постановление:

„Бельгийская Федерация, собравшаяся на конгрессе 24 и 25 декабря 1871 г.—

„Принимая во внимание нелепые клеветы, распространяемые реакционными газетами о том, что Интернационал представляет собою организацию деспотически подчиняющуюся дисциплине и приказам, исходящим сверху

„Считая, что, наоборот, Интернационал, стремящийся действовать против деспотизма и централизации, должен всегда сообразовать свою организацию с своими принципами;

[1]) Карло Кафиеро, происходивший из богатой итальянской буржуазной семьи, первоначально готовился к дипломатической карьере и с этой целью провел несколько лет во Франции и в Англии. В Лондоне он познакомился с Марксом и Энгельсом и был обращен ими в социализм. Вернувшись в 1871 г. в Италию, он вместе с Палладино и Энрико Малатеста основали в Неаполе секцию Интернационала. В 1872 г. Кафиеро подружился с Бакуниным и стал одним из его ревностных учеников.

„Об'являет, раз навсегда, что Интернационал является и должен быть об'единением автономных федераций;

„Что Главный Совет есть лишь центр для корреспонденции и справок;

„Бельгийская федерация приглашает все областные и национальные Федерации вынести такие же постановления, чтобы доказать ложность всех обвинений со стороны тех, кто хочет представить нас как послушное орудие в руках нескольких лиц;

„Принимая во внимание, с другой стороны, что устав Интернационала, принятый при основании Интернационала и частично дополненный на общих конгрессах, не ярко выражает все права федераций и не отвечает существующей практике;

„Заявляет, что необходимо предпринять полный пересмотр устава;

„Вследствие этого, Бельгийская Федерация поручает федеральному бельгийскому Совету составить проект нового устава и опубликовать его во всеобшее сведение, чтобы все секции могли обсудить его, прежде чем он будет подвергнут обсуждению на конгрессе бельгийской федерации этот проект устава должен быть представлен будущему общему Конгрессу Интернационала.

„Бельгийская Федерации приглашает все другия Федерации сделать то же самое, чтобы будущий интернациональный конгресс мог заключить окончательный федеративный договор."

В то время, как в Юрской Швейцарии, в Испании, Италии и Бельгии, наростал протест против действий Главного Совета, в то время, как Главный Совет посылал в Испанию Лафарга, а Энгельс старался в письмах к итальянским интернационалистам оклевстать Бакунина и представить, что вся затеянная история является интригой Бакунина против Маркса,—в это время Бакунин продолжал жить самым мирным образом в Локарно и был поглощен своей брошюрой. *„Теологическая политика Мадзини и Интернационал.* В этой

брошюре Бакунин, определяя свои коллективистическия идеи, между прочим, говорит: „только коллективный труд создает цивилизацию и богатство. Эта истина, раз понятая и принятая, предполагает только две возможных формы собственности или эксплуатации социального богатства: существующую буржуазную форму, то-есть эксплуатацию коллективного труда отдельными привилегированными личностями... или же новую форму... *коллективной собственности...*“

Интересно отметить, что в этой брошюре Бакунин, говоря о новой форме коллективной собственности, идущей на смену частной буржуазной собственности, указывает, что эта „идея была высказана и развита вот уже более двадцати лет главным образом Карлом Марксом“. Таким образом, мы не видим у Бакунина стремления затушевать или уменьшить научные заслуги Маркса. Воззвание Юрской Федерации о необходимости созыва общего конгресса Бакунин получил только в конце ноября: он считал действие конгресса в Сонвилье вполне правильными и находил, что воззвание вполне „законный протест“ юрцев.

III

„Бюллетень Юрской Федерации“. Приезд П. А. Кропоткина в Швейцарию (весна 1872 г.). - Поль Лафарг в Испании. - „*Альянса* социалистической демократии“ в Испании. Мое знакомство с Элизе Реклю.

В начале 1872 г. Юрская Федерация, чтобы укрепить связь между секциями и более широко распространить свои идеи, решила основать свой собственный печатный орган. Первый нумер этого органа вышел 15 февраля 1872 года под названием — „Бюллетень Юрской Федерации“. В этом нумере был помещен отчет о конгрессе в Сонвилье и резолюция конгресса бельгийских секций, которая приведена нами в предыдущей главе.

В четвертом нумере „Бюллетеня Юрской Федерации“

была напечатана статья по поводу годовщины Парижской Коммуны. В этой статье говорилось:

„18 марта стоило слишком дорого пролетариату, чтобы можно было считать этот день годовщиной радости. Нет, 18-ое марта, которым открывается, трагическая история Парижской Коммуны, пробуждает в нас печальные думы: воспоминание о попранном праве и торжествующем зле.

„Не нужно создавать себе иллюзий: с практической точки зрения 18-ое марта принесло большой вред делу Революции, наступление которой, благодаря поражению Коммуны, отодвинуто быть может на многие годы.

„Но от этого поражения остается один хороший результат: социалистическая революционная идея вышла наконец из области теоретических абстракций и в первый раз проявилась конкретным образом. Социалисты перешли от идей к действию.“

В марте месяце в Швейцарию приехал из России один молодой социалист, происходявший из старинного княжеского рода. Это был Петр Алексеевич Кропоткин, которому позднее суждено было стать главным продолжателем дела Бакунина и его юрских друзей. Он приехал познакомиться с Интернационалом и его деятельностью. Прожив некоторое время в Цюрихе среди русской молодежи, Кропоткин посетил затем Женеву, где познакомился с Николаем Утиным и другими членами интернациональной секции. Утин принял Кропоткина очень хорошо и ввел в среду интернационалистов Женевы, но скоро Кропоткин был разочарован кружком Утина, который на публичных собраниях говорил одно, а в тесном кругу друзей—другое. Кропоткин присутствовал на нескольких заседаниях Комитета и на публичных собраниях. Это было как раз в тот момент, когда известный в то время женевский адвокат Амберни, член Интернационала получил от кантонального Комитета обещание, что Комитет постарается помешать строительным рабочим устроить стачку. Кропоткин был очень удивлен и разочарован, когда Утин дал ему понять, что стачка в данный мо-

мент могла бы отрицательно отозваться на избрании адвоката Амберни. Это сообщение открыло Кропоткину глаза и после этого он пожелал тогда познакомиться с другой фракцией швейцарского Интернационала, которая вела борьбу с Утиным и его друзьями, и с Главным Советом. Кропоткин познакомился с Н. Жуковским и тот дал ему рекомендательное письмо к Гильому, одному из видных деятелей Интернационала в Юрских горах. В Юре Кропоткин подружился, кроме Гильома, с Швицгебелем и многими другими членами Юрской Федерации. Юрцы произвели на Кропоткина очень хорошее впечатление и вот в каких словах он сам описывает свое пребывание среди юрцев в своей известной книге—„*Записки Революционера*:“ „юрские часовщики отличались большой самобытностью и большой независимостью. Но также и отсутствием разделения на вожаков и рядовых об'яснялось то, что каждый из членов федерации стремился к тому, чтобы самому выработать собственный взгляд на всякий вопрос. Здесь работники не представляли стада, которым вожаки пользовались бы для своих политических целей. Вожаки здесь были просто более деятельные товарищи, скорее—люди почина, чем руководители. Способность Юрских работников, в особенности средних лет схватить самую суть идеи, и их уменье разбираться в самых сложных общественных вопросах произвели на меня глубокое впечатление; и я твердо убежден, что если Юрская Федерация сыграла видную роль в развитии социализма, то не только потому, что стала проводником безгосударственной и федералистической идеи, но еще и потому, что этим идеям дана была конкретная форма здравым смыслом юрских часовщиков. Без нея, оне, вероятно, еще долго оставались бы в области чистой отвлеченности“ [1]).

С основанием Юрской Федерации нападки и клеветы со стороны Главного Совета и марксистов не только не уменьшились, но, наоборот, сильно увеличились. Сторон-

[1]) Записки Революционера стр. 222. изд. 1918 г.

ники Маркса стали распускать слух, что в Сонвилье образовался тайный комитет обширной организации, которая поставила своей целью уничтожить Главный Совет Интернационала и захватить затем Интернационал в свои руки. Вожаком и вдохновителем этой тайной организации являлся, конечно, Бакунин, хотя Бакунин ни давал положительно никакого повода к такому обвинению. Он продолжал безвыездно жить в Локарно и был поглощен, главным образом, заботой о добывании средств существования для своей семьи. Мы уже говорили выше насколько приходилось бедствовать Бакунину в 1871 г. к началу 1872 г. нужда еще более увеличилась и семье Бакунина приходилось буквально голодать. Насколько печально было материальное положение Бакунина в это время мы можем видеть из писем жены Бакунина к Огареву. Вот эти письма:

„9 февраля 1872 г. Локарно.

Николай Платонович! Нужда теснит нас. Хозяйка отказала бы нам в квартире, еслибы мы не выплатили к 8 февралю,— срок месячный найму квартиры, 317 франков.—Мы были принуждены сделать lettre de change в 300 фр. и в конце февраля мы должны будем выплатить эту сумму в здешний национальный банк, иначе у нас опишут все наши вещи. Николай Платонович, вы легко поймете мое отчаяние, мой ужас, не из за страха потери наших вещей, но нам после этого нельзя будет даже оставаться в Локарно. Я все средства уже истощила, я не знаю, что делать. Семья моя далеко. Мишель не имеет никаких средств, а у меня двое маленьких детей. Николай Платонович, вы старый друг Мишеля, постарайтесь помочь нам, спасите нас от горького стыда описания нашего бедного имущества. Отвечайте, отвечайте скоре ради всего, что есть для вас святого.

„Простите безпорядок моего письма, но мне так тяжело, что и голова то не ясна. Пишу без ведома Мишеля, который был бы против моего письма

Антони Бакунина“

„Николай Платонович.—Не сейчас отвечала вам потому, что мне грустно было; не знаю как, но я имела надежду, что вы успеете помочь нам. Ошиблась. Простите безпокойство, безполезную тревогу, причиненную вам моим письмом. Ничего не пишите о моем письме Мишелю. К чему! Arrive ce que arrive, не нам первым, не нам последним познакомиться близко с настоящей нуждой. До этих пор мы как то счастливо ея избегали, а теперь, вероятно, придется и нам заплатить ей дань...

„Простите короткость моего письма, а также, что посылаю его не франкированным, в эту минуту мы a la lettre sans son [1]).

Преданная вам Антонии Бакунина 18 февраля 1872.
Locarno.

Бакунин не хотел вступать в полемику с марксистами и не хотел опровергать их клеветы, так как, он сознавал, что это вызовет еще большее ожесточение с их стороны. Вот что писал Бакунин в письме к итальянскому социалисту Серетти по поводу компании марксистов:

„Нападки еврейско-немецкой секты для меня не являются новостью. Вот уже с 1848 г... до настоящего момента я воздерживался отвечать на эти нападки. Мне кажется, что они задались целью, чтобы я прервал свое молчание. Хотя и против своей воли, мне придется сделать это. Мне противно вмешивать наши личные счеты в великий идейный спор, и ничто меня так сильно не коробит, как то, что я должен служить об'ектом внимания со стороны публики. Я делал все, чтобы моя фамилия не фигурировала в полемических статьях по поводу Интернационала, печатавшихся в итальянских газетах. Я прекратил даже с этой целью печатание моих статей против мадзинистов, и когда г. Энгельс косвенным образом задел меня в своем ответе Мадзини, я удержался и ничего не ответил... В настоящее время они распускают

---

[1]) в буквальном смысле, без гроша.

относительно меня разного рода клеветы. В тот момент, когда я получил ваше письмо, я получил подобное же письмо из Милана, и другое из Неаполя; в них сообщаются компрометирующие меня клеветы. Ввиду этого я решил напечатать в итальянских газетах протестующее письмо, адресованное интриганам Главного Совета. Я это сделаю обязательно, если они выведут меня из терпения Но, прежде, чем это делать, я хочу попытать в последний раз пойти путем примирения; я думаю написать частное письмо в Главный Совет копию которого пошлю вам. Если Главный Совет не даст мне удовлетворяющий меня ответ, тогда я заставлю его об'яснить его поведение по отношению ко мне публично".

К сожалению, Бакунин не привел в исполнение свой проект: он не написал ни письма частного характера Главному Совету, ни напечатал официального вызова в газетах. Это отчасти еще более придало смелости его врагам и заставило усилить свои клеветы.

Между тем борьба марксистов и бакунистов начинала затрагивать и рабочие круги. Первые результаты этой борьбы обнаружились в Испании.

Мы уже говорили, что в Испании в 1868 г. под влиянием пропаганды Фанелли был в то же время членом бакунистского Альянса социалистической демократии и попутно с организацией секций Интернационала основывал и группы Альянса, об'единяя в них наиболее активных и революционно настроенных работников. Когда в 1869 г. Альянс добровольно распустил себя и закрыл свои секции, предложив всем группам преобразоваться в секции Интернационала, то испанские члены Альянса, распустив официально секции Альянса, решили все таки сохранить прежнюю связь между собою и образовали новый товарищеский союз, который они также назвали „Альянсом социалистической демократии." В этот новый союз вошли Рафаель Фарга-Пелисье, типограф, из Барцелоны, Жозе Пелисье. маляр из Барцелоны, Кордова и Лопец, журналисты из Мадрида, Жозе Рюбо, депутат из Мадрида, Томас Гонзалес Мораго, гравер, из Мадрида

Анжель Сенегорта, портной, из Мадрида, Гаспар Сантиньон, доктор из Барцелоны и Сельмо Гомис из Барцелоны.

Эта група лиц, об'единившись для революционной пропаганды, приняла следующий устав:

„1—*Альянс социалистической демократии* основан членами Международного Товарищества Рабочих и имеет своею целью пропаганду и развитие идей Интернационала, изучение и применение на практике всех средств, могущих служить для достижения немедленного освобождения рабочего класса.

„2.—Чтобы достигнуть наилучших результатов и не мешать развитию самого Интернационала, Альянс будет тайной организацией.

„3.—Для приема новых членов избирается из членов Альянса особая комиссия, которая тщательно должна рассмотреть мотивы и характер побуждающие человека вступать в члены Альянса. Кандидат принимается если за его прием выскажется большинство членов Альянса, предварительно заслушав доклад приемной комиссии.

„5.—Альянс должен, насколько будет возможно, оказывать свое влияние в рабочей федерации, чтобы эта федерация не могла уклониться на реакционный или анти-революционный путь.

„8.—Между всеми членами Альянса должна существовать полная солидарность и все постановления, принятые большинством Альянса, обязательны для всех членов...

„9.—Большинство членов может исключить из Альянса любого члена без указания мотивов".

Статьи 4, 6, 7, 12—13 содержали положение чисто административного характера и потому не представляют для нас никакого интереса.

В течение 1870—71 группы Альянса были основаны в Валенсии, в Севилье, в Кордове, Кадиксе и в Мадриде.

Когда в Мадрид приехал зять Маркса Поль Лафарг он вошел в дружбу с членами мадридской групы Альянса

Мора и Меза. Мора и Меза настолько поверили в искренность намерений Лафарга ознакомиться с организацией испанского пролетариата, что предложили ему стать членом Альянца. Но, когда Лафарг узнал, что наиболее видные деятели Альянца являются друзьями Бакунина, он тотчас же написал обо всем этом Марксу и Энгельсу и получил от них ответ, что Альянц в Испании необходимо во чтобы ни стало разрушить.

С этой целью был придуман такой план: ввиду того, что в этот момент испанское правительство намеревалось открыть преследование против Интернационала, федеральный совет под влиянием Лафарга решил организовать на случай борьбы тайную организацию наиболее активных членов Интернационала под наименованием „*Защитников Интернационала.*" Мысль Лафарга была такова: разрушить Альянс, поглотив его и растворив его в другой организации. В этом признается и сам Маркс, который в своем памфлете „*Альянс социалистической демократии*" пишет по этому поводу: „Испанский федеральный совет понял, что необходимо как можно скорее освободиться от Альянса. Правительственныя преследования *послужили для него предлогом.* Чтобы принять меры на случай роспуска Интернационала, совет предложил образовать тайные группы „*Защитников Интернационала,*" в которых должны нечувствительно раствориться секции Альянса. Но, Альянс, *предугадав сокровенную цель этого плана,* разрушил его [1]).

Для приведения этого плана в исполнение весной 1872 г. в разные города Испании были посланы федеральным советом два члена с целью организовать всюду группы „Защитников Интернационала„.—Этими делегатами были Мора, знавший хорошо истинную причину основания новой организации, и Анзельмо Лоренцо для которого была скрыта эта цель.

Мора направился в Каталонию, а Лоренцо поехал в

---

1) Alliance de la gemocratie socialiste p 33.

Андалузию. Лоренцо говорит, что он был встречен всюду очень радушно и в Андалузии группа Альянса очень охотно преобразовалась в „Защитников Интернационала“. Так что совершенно неверно утверждение Маркса, что „испанские альянисты предугадали сокровенную цель этого плана и разбили его.“ Никто из членов Альянса не подозревал, что они являются орудием в руках интриганов и сам пропагандист идеи о необходимости создания групп „Защитников Интернационала“, Анзельмо Лоренцо вполне искренно был убежден, что федеральный совет принял эту меру для действительной защиты Интернационала.

Между тем от 4 до 11 апреля 1872 г. должен был состояться в Сарагоссе годичный конгресс всех испанских секций. На этот конгресс прибыло около 40 делегатов. В числе делегатов был и Лафарг, который получил мандат от федерации города Алькала де Генарес, и выступавший на конгрессе под фамилией Пабло Фарга. Лафарг успел привлечь на свою сторону много делегатов. Но тем не менее много делегатов осталось, всетаки недовольно деятельностью прежняго федерального комитета и при выборах нового комитета все члены прежняго комитета, за исключением одного Ансельмо Лоренцо, были забаллотированы. Местопребывание федерального совета решено было перенести из Мадрида в Валенцию.

Видя, что его усилия подчинить себе федеральный комитет не увенчались успехом, Лафарг решил привлечь на свою сторону некоторых членов нового комитета; с этой целью он пригласил в Мадрид двух наиболее видных и деятельных членов нового комитета—Монторо и Мартинеца—обещая им перенести издание газеты „Освобождение“ из Мадрида в Валенцию.

Продолжение испанских событий будет рассказано ниже в следующей главе.

Здесь я должен отметить начало моего знакомства и дружбы с братьями Эли и Элизе Реклю.

Как известно, Элизе Реклю был взят в плен вер-

сальскими войсками 4-го апреля 1871 г. при аттаке у Шатильонского холма, и после семимесячного заключения по разным тюрьмам, был приговорен к ссылке в Новую Каледонию, и лишь благодаря вмешательству европейских ученых эта ссылка была заменена ему десятилетней высылкой за пределы Франции. Элизе был выслан в Швейцарию, где он поселился сначала в Цюрихе, у своего старшего брата Эли, у которого уже жили в это время жена Элизе и две его дочери. Моя дружба с Элизе Реклю росла и крепла с годами. Поселившись с 1874 г. в Веве, Элизе стал активным членом Юрской Федерации. Эта дружба позднее еще более сделалась прочной, когда мы оба переселились в Париж Мы никогда не расходились с Элизе во взглядах на все серьезные вопросы. После тридцати-трехлетней дружбы, в наше последнее свидание, 1-го мая 1905 г., в небольшой комнатке, где остановился Элизе, приехав на несколько дней из Брюсселя в Париж, (123, бульвар Монпарнас) и только за два месяца до его смерти, мы беседуя друг с другом, констатировали наше полное совпадение взглядов и надежд относительно синдикального движения французского пролетариата, об'единенного во Всеобщую Конфедерацию Труда. В тот день вечером Элизе прислал мне следующую небольшую записку, которая была последним письмом Элизе, полученным мною от него. Записка эта была следующего содержания:

„Мой друг и товарищ!“

„Перемена ветра заставила меня изменить мои планы и поспешить уехать в Бельгию. Я тем более счастлив, что успел повидаться с вами прежде, чем мне пришлось покинуть Париж. Я с большим удовольствием выслушал от Вас изложение плана вашего сочинения [1]). появление этого произведения в свет будет большим событием.“

Сердечно расположенный Элизе Реклю.

Понедельник вечер.

---

[1]) Дело идет о настоящем произведении.

IV

Юрская федерация в апреле—мае 1872 г.—Развитие Интернационала в Италии.—Среди испанских секций Интернационала; письма Бакунина к Мора, Лоренцо и Мораго.

Борясь против Юрской Федерации и Бакунина, Утин стремился посеять вражду к юрцам и среди швейцарских рабочих. Почти в каждом нумере газеты „Равенство", издаваемой Утиным в Женеве и являвшейся официальным органом Романской Федерации, мы встречаем статьи где Утин возводил на юрцев всевозможные обвинения.

Федеральный Комитет Юрской Федерации старался, по возможности воздерживаться от полемики, продолжая вести пропаганду своих идей. 19-го мая 1872 г. в Локле был созван общий годичный конгресс Юрской Федерации, В числе других вопросов на конгрессе обсуждался вопрос и об отношении к Главному Совету Интернационала. В докладе по этому вопросу говорилось:

„Со времени конгресса в Сонвилье, на котором мы имели смелость подвергнуть сомнению непогрешимость Главного Совета, наша федерация и ея наиболее достойные представители не перестают подвергаться постоянным клеветам и нападкам со стороны Главного совета и его агентов во всех странах. Эта глухая, подпольная борьба против нашей Федерации приняла за последнее время такой характер, что всякое примирение, кажется, невозможно; и поэтому, мы считаем, что в интересах всего рабочего дела, мы должны добиваться, чтобы этот вопрос был бы подвергнут подробному и всестороннему рассмотрению на общем конгрессе Интернационала который обязан восстановить попранную справедливость.

Весной 1872 г. в Италии произошло одно важное событие, имевшее большое влияние на развитие Интернационала в этой стране: один из самых энергичных и видных деятелей итальянской секции Интернационала, Карло Кафиеро, в апреле и мае 1872 г. познакомился лично с Бакуниным и сделался его близким другом.

Выше я уже говорил, что Кафиеро был в очень хороших отношениях с Энгельсом и поддерживал с ним постоянную переписку; я уже говорил, что Энгельс в своих письмах стремился дискредитировать Бакунина и его теории, но стремления Энгельса достигли как раз обратного результата, Систематические нападки Энгельса на Бакунина заставили Кафиеро задуматься над причиной такого злобного отношения и Кафиеро решил лично познакомиться с Бакуниным, чтобы самому убедится в правоте нападок Энгельса. Обменявшись с Бакуниным несколькими письмами, Кафиеро сам поехал к Бакунину и вскоре стал его ревностным учеником.

20-го мая он приехал в Локарно в сопровождении Фанелли, и пробыл здесь до 18 июня. Из дневника Бакунина за этот период мы видим, что он проводил с Фанелли и Кафиеро целые дни. 3-го июня Кафиеро написал Энгельсу большое письмо по поводу отношения Энгельса к Бакунину; Кафиеро дал прочесть его самому Бакунину. Письмо было написано в таком резком тоне, что Энгельс никогда не упоминал об этом письме и сделал вид, что он его не получал.

Из дневника Бакунина за этот же период мы видим что он был также в переписке с двумя испанскими интернационалистами Алерини и Сентиньоном. Из переписки видно, что Бакунин не знал в это время ничего о существовании в Испании особой организации „Альянса“. Конечно, оба испанские корреспондента Бакунина знакомили его в своих письмах со всем тем, что происходит в испанском рабочем движении и Алерини, описывая раздоры между двумя вождями интернационалистов Испании — Мора и Мораго, просил Бакунина написать письмо к Мора (которого Бакунин лично не знал), чтобы повлиять на него и заставить его прекратить свое враждебное отношение к Мораго.

Получив письмо от Алерини, Бакунин немедленно, в тот же день, 5-го апреля, написал и послал письмо к Мора. Это письмо послужило для марксистов обвинительным документом против Бакунина. Марксисты, приводя

это письмо, доказывали, что Бакунин являлся, по выражению Лафарга, „папой“, посылающим из своего „таинственного центра“ в Локарно свои приказы верным подданным. Хотя письмо, написанное Бакуниным к Мора и было само по себе совершенно невинного содержания. В этом письме Бакунин называет Мора „дорогим союзником и товарищем“, такое обращение дает марксистам повод утверждать, что Бакунин знал о существовании испанского тайного Альянса. Далее Бакунин говорит: „Мои друзья из Барцелоны просили написать вам...“ и затем излагает идеи, изложенные в воззвании конгресса в Сонвилье. После этого Бакунин добавляет: „наша программа (Юрской Федерации) есть также и ваша программа, она таже самая, которую вы развивали на вашем конгрессе прошлого года (в Барцелоне); и если вы остаетесь верными этой программе, —то вы с нами, мы ненавидим диктатуру, гувернементализм, власть так же, как ненавидите вы... Человек так устроен что всякая власть вырождается неизменно в эксплуатацию... Мы разсматриваем Лондонскую конференцию и все ея резолюции как амбициозную интригу и как опасный для Интернационала поворот, вот почему мы и протестовали против этого и будем протестовать до конца...“

Дальше в своем письме Бакунин говорит о движении в Италии и видит причину успеха революционных идей в том, что в Италии в движение вступил целый ряд энергичных и горячих юношей, при чем он приводит целый ряд фамилий, как, например, Фанелли, Фрисчиа, Тучи, Гамбуцци и др. Заканчивая свое письмо, Бакунин просит Мора после прочтения „сжечь его, так как в нем приведены фамилии.“

Мора, получив это письмо вместо того, чтобы уничтожить это письмо, как просил Бакунин, передал его Лафаргу, который, с своей стороны, постарался доказать, что это письмо является неопровержимой уликой тайной диктатуры Бакунина и поэтому на основании этого письма требовал безпощадной войны против Альянса и *альянсистов.*

Один момент можно было думать, что резолюция принятая на конгрессе в Сарагоссе положила конец раздорам в мадридской секции. Действительно, согласно решению конгресса мадридская федерация аннулировала свое постановление о исключении шести членов редакции газеты „Освобождение“. Однако, этот шаг примирения не привел ни к чему. Редакция газеты „Освобождение“, под влиянием Лафарга, начала борьбу против мадридской федерации, встав на сторону Главного Совета и защищая идеи власти и централизма.

В это время Анселько Лоренцо присутствовавший на конференции Интернационала в Лондоне, писал в одном из своих писем к своим берцелонским товарищам по поводу всего, что ему пришлось увидеть в Лондоне и резюмировал свой вывод в следующих словах: „если правда все то, что говорил Маркс о Бакунине, то Бакунин безчестный человек, если же это неправда, то безчестным человеком будет Маркс,—настолько были серьезны те обвинения, которые я услышал в Лондоне.“ Алерини и Фарга сообщили об этом Бакунину. Бакунин решил, наконец, заставить Главный Совет открыто высказать свои обвинения против него. Предварительно он решил написать Анселько Лоренцо письмо и спросить в чем обвиняет его Маркс. В своем письме к Лоренцу Бакунин писал, что он, лично, не питает никакой вражды к Марксу, а наоборот, относится к нему с уважением „Я знаю Маркса давно, писал Бакунин, и всегда уважал его, несмотря на все отрицательные стороны его характера—властность, самолюбие, ненависть ко всем, кто, не разделяя его убеждений, имел несчастье признаться в том, что он может принять ни его теории, ни, в особенности, его власти—считавшиеся его почти идолопоклонствующими друзьями и учениками единственно верными и правильными. Констатируя все эти недостатки, которые часто разрушают все доброе и хорошее что делает Маркс, я тем не менее, всегда высоко ценил —и многочисленные мои друзья могут это подтвердить— и всегда воздавал должное действительно выдающимся

научным заслугам Маркса, его уму, его неутомимой, беззаветной и активной преданности делу освобождения пролетариата. Я признавал и признаю великие заслуги Маркса перед Интернационалом, одним из главных основателей которого он был, что является в моих глазах наиболее высшей заслугой Маркса. Наконец, я искренно думаю и теперь, что если бы Маркс,—ослепленный своими честолюбивыми стремлениями и движимый своими идеями в истинность которых он верит и которые нам, наоборот, кажутся заблуждениями,—вздумал лишить нашу великую ассоциацию своей поддержки, то это был бы большой удар для Интернационала... Но, однако, все это не может служить причиной того, чтобы из боязни потерять сотрудничество Маркса, стать послушным орудием в руках Маркса и поэтому я не колеблясь заявляю что если нужно делать выбор между признанием теории Маркса или его уходом из Интернационала—я предпочту последнее."

Бакунин кончает свое письмо следующими словами:

„Я буду ждать от вас правдивого описания дела во всех его подробностях. Я рассчитываю на вас как на друга Фанелли и как на союзника. Я прошу вас только не упоминать ни слова в вашем ответе об Альянсе, потому что Альянс является тайной организацией и каждый из нас, распространяя сведения о нем, совершил бы предательство [1]). Поэтому я прошу вас не называть меня союзником и писать мне как просто члену Интернационала. Я должен вас предупредить, что вашим

[1]) Здесь дело идет, естественно, не о „международном союзе социалистической демократии", ассоциации открыто основанной в 1868 г, после конгресса Лиги Мира и Свободы в Берне, но об организации тайной, основанной Бакуниным еще в 1864 г. (см. об этом том 1 стр) эту организацию Бакунин и называет здесь „Альянсом" Бакунин, благодаря тому, что испанцы назвали свою тайную чисто испанскую организацию словом „Альянца" был введен этим самым в заблуждение и думал, что он обращается к члену международной тайной организации Альянса.

ответом я воспользуюсь, как основой для обвинения моих противников. Я чувствую, что настала пора положить конец всем этим несчастным и подлым интригам, которые имеют единственной целью установление диктатуры марксистской партии на развалинах Интернационала. Я жду вашего ответа. С братским приветом.

М. Бакунин [1]).

Письмо Бакунина к Лоренцо было послано в Барцелону не прямо, на адрес Лоренцо, которого не знал Бакунин, а на адрес общих друзей Бакунина и Лоренцо. Когда это письмо было получено в Барцелоне, Лоренцо уехал уже из Валенсии, где он жил, и поэтому письмо Бакунина попало в его руки только 15-го августа. Лоренцо ответил Бакунину 24-го августа. Его письмо сохранившееся в бумагах Бакунина, носит уклончивый характер. Он писал, что он оставил должность в федеральном испанском совете Интернационала, дабы не принимать участия в тайной борьбе, которая угрожает существованию Интернационала в Испании. Лоренцо писал также, что он не хочет вмешиваться и в ссору между Марксом и Бакуниным и поэтому он отклоняет от себя ту роль, какую предлагает ему Бакунин. Лоренцо писал:

„Товарищ Бакунин!... Я не могу в точности назвать ни одного обвинения, которые направлены против вас Утиным... Что я услышал относительно вас в Лондоне было сказано на оффициальных заседаниях конференции

---

[1]) По просьбе Ансельмо Лоренцо, я сообщил ему в начале 1906 г. выписки главных мест из писем Бакунина от 24 апреля и от 10 мая 1872 г. (Лоренцо забыл почти целиком содержание письма, оригинал которого, посланного Бакуниным в Испанию, был им утерян или уничтожен). 30-го января 1906 г. Лоренцо, прочитав полученные от меня копии бакунинских писем, писал мне: „Я признаю, что Бакунин был прав, говоря, что я должен был бы обратиться к Фанелли; извиняющей причиной для меня может быть лишь то, что, во-первых мне не хотелось вмешиватся в личные ссоры и поэтому я воздержался предать гласности те сомнения, какие возникли у меня под впечатлением слов Утина, а, во-вторык, я не знал адреса Фанелли“.

и напечатано в документах, которые могут быть вами потребованы на предстоящем конгрессе в Гааге. Из этих документов вы увидите все, что вас интересует, помимо меня, и, таким образом, я избегну роли доносчика... Я воздерживаюсь от споров по принципиальным вопросам. Я вам очень благодарен за изложение ваших идей, с своей стороны, я также считаю не лишним познакомить вас с моими взглядами, или, вернее, с моим убеждением относительно того как должен относиться каждый интернационалист к организации. По моему мнению, каждый интернационалист должен признавать необходимость об'единения всех рабочих в единую организацию которая, представляя из себя социальную силу для борьбы против современного общества, или силу интеллектуальную, которая изучает, анализирует и проявляет себя сама, без всяких руководителей и учителей, и в особенности не ища помощи у тех, кто обладая научными знаниями, претендуют быть представителями пролетариата“ [1]).

Насколько Бакунин был плохо осведомлен о всем, что делается в Испании, показывает его письмо, написанное им 21-го мая 1872 к Мораго [2]). (Отрывки из этого письма приведены у Нетлау (стр. 283). Из этого письма мы видим, что Бакунин не подозревал истинного

---

[1]) Nettlau p. 590.—По поводу этого ответа я также писал письмо Лоренцо в 1906 г. и он мне, в свою очередь сообщил следующее: „Я перечитал свое письмо к Бакунину, и нахожу в нем свои обычные фразы. Я сожалею, что я ответил Бакунину, благодаря некоторым обстоятельствам, несколько сухо и с некоторой жесткостью, далекой от того уважения и чувства восторженности, какия я питал всегда к Бакунину. Под влиянием моей отставки из федерального Совета Интернационала, вследствие борьбы против меня, я был в то время очень огорчен, и поэтому я написал письмо в таком тоне, который теперь я признаю совершенно несправедливым.

[2]) Быть может это письмо осталось не посланным. В дневнике Бакунина мы видим лишь заметки 18 и 19 мая что он занят составлением большого письма к Мораго Об этом упоминается также 2, 3, и 4, 5 и 7 июня.

характера испанского Альянса и не представлял себе, что эта организация чисто испанская и не находится в связи ни с какой тайной международной организацией. Обращаясь к Мораго, (к которому Бакунин писал в первый раз, как и к Лоренцо), Бакунин также напоминает о Фанелли и говорит об Альянсе 1868 г., от имени которого Фанелли вел пропаганду в Испании и основал Интернациональную секцию в Мадриде.

V

Частный циркуляр Главного Совета *Мнимый Раскол в Интернационале* — Главный Совет созывает общий конгресс Интернационала в Гааге. - Из жизни Интернационала в Испании и в Италии. • Конгресс Юрской Федерации в Шо-де-Фоне (18 августа 1872 г.)

В июне 1872 г. в Швейцарии появился печатный секретный циркуляр (в виде брошюры в 40 страниц) Главного Совета, направленный против Юрской Федерации. Циркуляр носил название— „*Мнимый раскол в Интернационале*“, и был подписан 47 членами Главного совета.

История происхождения этого документа такова: Маркс, желая одним разом покончить с ненавистными ему юрцами и Бакуниным, собрав через своих агентов данные, сгруппировал их и снабдил их своими комментариями. Прочитав эту брошюру перед некоторыми членами Главного Совета, Маркс заставил их подписать брошюру и отпечатал ее в виде „частного циркуляра“ Главного Совета.

Член Главного Совета Поль Робэн, бывший в это время в Лондоне, так разсказывает в своей *Оправдательной записке* об этом событии:

„Однажды вечером в конце мая 1872 г. Маркс собрал у себя на квартире несколько верных ему членов Главного Совета и прочитал им свое новое произведение „*Мнимый раскол в Интернационале*“ Избранные выслушали с благоговением слова учителя. В следующем

заседании Главного Совета было заявлено, что *под-комитет* составил и предлагает издать циркуляр по поводу швейцарских разногласий. Любопытным членам Совета, желавшим узнать детальнее в чем дело, отвечали что вопрос, трактуемый в циркуляре, имеет чисто местный характер и совершенно незначительный, и что во всех подобных случаях прежде Совет давал свое согласие на веру. Предложение было принято без возражений. В одном из первых июньских заседаний Главного Совета членам была роздана брошюра, подписанная 47 членами Совета; брошюра была отпечатана в Женеве, в Лондоне же она раздавалась только избранным. Циркуляр был помечен *пятым числом марта*...

Циркуляр Главного Совета произвел в Швейцарии гнетущее впечатление и один из видных деятелей Юрской Федерации [1]) писала Андре Лео по этому поводу: „наши господа из Лондона опубликовали против нас циркуляр *секретно отпечатанный*. Я его получила случайно... Вероятно, это произведение Маркса. Как мог такой талантливый человек унизиться до того, чтобы написать подобную гнусную вещь?. Для меня это совершенно непонятно“.

Комментируя это письмо, Андре Лео писала: „все это для нашего общего дела очень печально. Люди, называющие себя строителями будущего, занимаются на деле интригами и пакостями, борясь клеветой и приемами Маккиавели. Куда все это может нас привести?.. Впрочем, я не удивляюсь. Эти люди—фанатики, они думают, что для торжества идей можно вполне губить тех, кто по их мнению является препятствием.

Прочитав циркулярное послание Маркса, многие из тех, против кого была направлена брошюра, совершили большую ошибку. ответив на страницах газеты „Бюллетень Юрской Федерации“ на взводимые на них обвинения. Так с протестом и оправданиями выступили

[1]) Джемс Гильом прим. ред.

Тельер, бывший секретарь французской секции 1871 г. в Лондоне, Малон, Монтель, Кларис и Бакунин.

Бакунин в письме от 12-го июня, адресованном комитету Юрской Федерации, писал: „Дамоклов меч, так долго висевший над нашими головами, наконец, упал. Собственно говоря,—это не меч, а обычное оружие Маркса—куча грязи... Свое письмо Бакунин заканчивал следующими словами: „ничто не доказывает более ясным образом разрушительное господство Маркса в Главном Совете, как настоящий циркуляр. Прочтите фамилии сорока семи членов, подписавших циркуляр и вы с трудом найдете среди них не более семи-восьми человек, которые могли бы высказаться с более или менее некоторым знанием дела в данном вопросе. Все остальные являются послушным и слепым оружием марксистской политики и ненависти. Они подписали возмутительный приговор протвв нас, приговор, который они не видали и не читали, и который они вынесли, не позаботившись даже обратиться к нам хотя бы с единым вопросом!.

„Вот каким образом понимает Главный Совот *Справедливость*, *Истину*, и *Нравственность*, которые-должны служить, согласно устава Интернационала, основой во всех отношениях, как личных, так и общественных, веех членов Интернационала. Ах, господин Маркс, очевидно эти слова легче поставить в загаловке программы, чем выполнять их на практике“...

Кроме писем протестов, напечатанных в „Бюллетене Юрской Федерации“ в № от 15 июни 1872 г. юрцы отпечатали еще небольшую брошюру под заглавием: *„Ответ нескольких интернационалистов на частный циркуляр Главного Совета“*

Борьба разгоралась все больше и больше, и стала еще более ожесточенной после опубликования Главным Советом „частного циркуляра“, которым правящая партия из Лондона словно хотела подлить масла в огонь А между тем, в этом самом циркуляре, на предпоследней странице мы читаем фразу, (которая прошла в то

время не замеченной), доказывающей, самым несомненным образом, единство конечных целей обеих борющихся партий. На самом деле, противники и сторонники Главного Совета, „бакунисты“ и „марксисты“ стремились в конечном счете *к одному и тому же идеалу*. Сар Маркс, проклиная нас и предавая анафеме, должен был признать это и в самом „частном циркуляре“, говоря об анархии, определяет *анархию* совершенно так же, как определяли ее и мы.

„Все социалисты, пишет Маркс, понимают под анархией следующее: цель пролетарского движения,—уничтожение классов,—будучи достигнута, Государственная власть,—помогающая эксплуатирующему меньшинству держать в подчинении огромное большинство производителей,—должна исчезнуть и правительственные функции превращаются в простые административные функции.“

Необходимо прибавить, что Маркс, написав эти слова тотчас же старается отмежеваться от своих противников и пробует представить нас,—федералистов, то-есть людей, стремящихся к федерации, то-есть к организации,—как противников всякой организации. Он пишет:

„Альянс понимает это наоборот, Он провозглашает анархию в пролетарских рядах, как наиболее действительное средство разбить мощную концетрацию социальных и политических сил эксплуататоров. Под этим предлогом Альянс требует от Интернационала—в момент, когда все силы старого мира стремятся его раздавить,—заменить свою организацию анархией. Международная полиция не придумала бы лучшего требования“...

Эта фраза показывает, что Маркс, ослепленной враждой, был глух к нашим заявлениям и хотел навязать нам нелепые идеи, чтобы лучше нас разбить. Но, так как он отрицает то, что мы всегда открыто говорили и писали, то всякий здравомыслящий человек оценит по достоинству поступок Маркса. Но, впрочем, это и не важно. мы вполне можем не принимать во внимание второй части фразы Маркса, а, как наиболее важную,

принять первую, под которой мы можем всецело подписаться.

Основываясь на этой фразе, я мог с полным правом сказать в своей брошюре „Коллективизм в Интернационале“ [1]) что, в сущности, между Марксом и Прудоном нет противоречия. Сам Прудон, определяя свой идеал как *свободу* и *равенство*, говорил, что этот идеал выражает то же самое, что немецкие социалисты обозначают словом *коммунизм*“ (Письмо к Марксу 17 мая 1846 г.) Теперь мы видим, что, с другой стороны, „социальный идеал самого Маркса есть *ан-архия*“

Но, нам пора спуститься с этих высот социальной философии,—где, как я писал недавно по поводу годовщины Генриха Гейне, „мысль немецкая и мысль французская,— ставящия один и тот же высший идеал,— сливаются вместе и становятся мыслью общечеловеческой [2]). С заоблачных вершин философии нам необходимо сойти на шумную арену, где, ослепленные ненавистью оглушенные криками злобы, люди ведут между собою жестокую борьбу.

Женевские марксисты, с Утиным во главе, решили летом 1872 г. попытаться привлечь на свою сторону нейтральные швейцарские секции Интернационала. С этой целью они постановили созвать 2-го июня 1872 г., в Веве, общий конгресс „Романской Федерации“. Не желая, чтобы в этом конгрессе приняли участие юрские секции и не желая принять их в проектируемую обще швейцарскую федерацию, марксисты внесли в проект устава будущей федерации статью, в которой говорилось что в новую обще-швейцарскую федерацию могут быть принимаемы только те секции, которые всецело *признают постановления Лондонской конференции 1871 г.*

---

[1]) La Collectivisme de l' jnternotionale Neuchatel 1904

[2]) Pages hilres № 252 (28 октября 1905) стр. 405.

Однако, план марксистов об'единить все швейцарские секции Интернационала под своим флагом не удался. Конгресс Романской Федерации в Веве показал до какой степени упадка дошла федерация, продолжавшая все еще называться „романской". Из тридцати-восьми секций числившихся номинально в составе федерации, на конгресс прислали своих делегатов лишь десять секций. Секции, не входившие в Романскую федерацию, но которым было послано приглашение принять участие в конгрессе, не прислали своих делегатов. Таким образом, дело марксистов в Швейцарии было проиграно.

В июле месяце Бакунин переехал из Локарно в Цюрих, так как жена Бакунина с детьми решила уехать в Сибирь, чтобы повидаться со своими престарелыми родителями. Бакунин не захотел оставаться один в Локарно и переехал в Цюрих, где поселился среди русской колонии, состоявшей из учащейся молодежи. Из Цюриха Бакунин ездил на несколько дней в Юру, чтобы увидеть своих старых друзей и товарищей. Пробыв несколько дней в Локле, Сонвилье и в Невшателе, Бакунин возвратился снова в Цюрих, где и прожил все лето.

В июле 1872 г. Главный Совет Интернационала, учитывая настроение большинства федераций, требовавших созыва общего конгресса Интернационала, решил созвать осенью 1872 г. пятый с'езд Интернационала. Маркс и Энгельс стали деятельно готовиться к тому, чтобы их партия имела бы на конгрессе большинство. Маркс решил дать генеральное сражение федералистам. Главный Совет назначил время созыва конгресс 2 сентября 1872 г. в городе Гааге, в Голландии. Гаага была выбрана потому, что в Голландии Интернационал был очень слабо развит и там почти ничего не знали о расколе, а, кроме того, Гаага была сравнительно далеко от Швейцарии, Италии и Испании, и Маркс разсчитывал, что за дальностью разстояния Швейцарские испанские и итальянские секции пошлют на конгресс самое минимальное количество делегатов. Этот разсчет оказался до известной степени правильным.

Все лето 1872 г. Маркс и его последователи были заняты подготовкой к великой битве, которую они хотели дать на конгрессе в Гааге всем федералистам, бакунистам и анархистам. Они стремились узнать кто является наиболее активными членами Альянса и приверженцами идей Юрской Федерации. Марксисты не останавливались даже перед угрозами. Вот, например, что писал Энгельс Испанскому Федеральному Совету в своем письме от 24-го июля:

„Граждане! Мы имеем в наших руках неопровержимое доказательство, что в Интернационале, в особенности, в Испании существует тайное общество, называемое Альянсом социалистической демократии. Это общество, *главный центр которого находится в Швейцарии*, имеет своей целью захватить в свое управление Интернационал и направить всю деятельность Интернационала для достижения цели, которая для большинства интернационалистов совершенно неизвестна. Главный Совет уже об'явил в своем циркуляре, что он потребует от предстоящего конгресса сделать анкету об Альянсе, который является настоящим заговором против Интернационала... Решено положить конец всем подпольным действиям этого союза и поэтому мы просим вас прислать Главному Совету для составления особой записки конгрессу в Гааге следующие документы:

1) Список всех членов Альянса в Испании, с указанием должностей, исполняемых этими лицами в Интернационале.

2) Анкету относительно характера и деятельности Альянса, а также доклад об организации Альянса и его отделениях в Испании...

В случае неполучения от вас полного и удовлетворительного ответа *с обратной почтой*, Главный Совет вынужден будет сообщить о вашем поведении публично всем секциям как в самой Испании, так и заграницей, как противном уставу Интернационала при чем вы будете считаться изменниками Интернационала, предавшими его в интересах тайного сообщества, которое

не только не имеет ничего общего с Интернационалом но ему враждебно“ [1]).

Через четыре дня после того, как вышеназванное письмо было отправлено в Испанию, Энгельс, не получив ответа, доложил об этом Главному Совету и внес предложение о роспуске Испанского Федерального Совета за неисполнение требований Главного Совета. Герман Юнг спросил Энгельса, кто ему доставил сведения о том, что в Испании существует тайная организация Альянса. Энгельс ответил, что это ему сказал Лафарг. Так как Лафарг не был секретарем ни одной испанской секции и являлся частным лицом, то Юнг энергично потребовал, чтобы вопрос был передан на разсмотрение пленума Главного Совета Общее собрание Главного Совета разсмотрев заявление Энгельса постановило не давать дальнейшего хода угрозе Энгельса.

В тот самый момент, когда Энгельс послал свое письмо испанскому федеральному совету, в мадридской газете „Освобождение“, издававшейся друзьями Лафарга, в № 59 от 28 июля был напечатан список лиц, бывших членами Альянса, при чем указывалось, что все эти лица являются предателями Интернационала.

Испанский федеральный Комитет в ответ на эту гнусную клевету 30 июля разослал всем секциям Испании циркуляр, в котором говорилось:

„Те, кто еще вчера защищал те же идеи, как и мы, сегодня осмеливаются говорить о предательстве. Они взяли на себя смелость обвинить нас в том, что мы продались лицам, получающим приказы из Швейцарии.. Вот что осмеливаются утверждать эти люди, прекрасно знающие, что это неправда, но утверждающие это потому, что сами они подчиняются всецело приказам, исходящим из королевского кабинета Маркса“...

Испанская Федерация решила послать на конгресс в

---

[1]) В брошюре „Альянс социалистической демократии“ Маркс приводит несколько цитат из этого письма Энгельса, но он не приводит этого ультимативного конца вероятно сознавая, что Энгельс в своих угрозах зашел далеко.

Гаагу четырех делегатов, избранных всеобщим голосованием всеми членами Интернационала в Испании. Избранными оказались Фарга-Пелиссье, Алерини, Мораго и Марсело—*все четверо* члены „Альянса.“

В Италии марксистская политика также не увенчалась успехом. Наоборот, как мы видели уже выше, интриги Маркса и Энгельса заставили наиболее энергичных деятелей Итальянского Интернационала, как например, Кафиеро, перейти на сторону Бакунина и Юрской Федерации. До 1872 г. все итальянские секции Интернационала, в Италии не были об'единены между собою в единую национальную Федерацию. Лишь в августе месяце 1872 г. по инициативе Пецца, Фанелли, Кафиеро, Малатеста, Серетти и Коста, решено было созвать общий с'езд представителей интернациональных секций и основать единую итальянскую Федерацию Интернационала. 4-го августа делегаты с'ехались в Римини. Конференция в Римини, обсудив вопрос о Главном Совете, вынесла постановление, в котором говорилось, что Главный Совет не следует, после всего происшедшего, считать представителем всего Интернационала, и что поэтому не нужно посылать делегатов на конгресс в Гаагу, созываемый Главным Советом. Вместо этого конференция постановила послать своих делегатов в Невшатель в комитет Юрской Федерации, и там совместно выработать план созыва в сентябре месяце анти - авторитарного конгресса Интернационала, который и был бы истинным выразителем Интернационала. Вот в каких словах была составлена резолюция по этому поводу:

„Принимая во внимание, что Лондонская конференция (сентябрь 1871 г). пробовала навязать своей девятой резолюцией всему Интернационалу авторитарную доктрину *немецкой коммунистической партии*..

„Что Главный Совет Интернационала употреблял самые возмутителтные приемы (клевету и обман) для того, чтобы привести Интернационал *к авторитарному коммунизму*;“

„Что Главный Совет перешел все меры порядочности

в своем „*частном циркуляре*“ от 5-го Марта 1872 г. в котором он, выполняя свое дело лжи и обмана, проявил всю жажду власти, к которой он стремится;

„Что реакционные стремления Главного Совета вызвали революционную оппозицию бельгийских, французских, испанских, славянских, итальянских и частью швейцарских секций, и поступили даже предложения об уничтожении Главного Совета и о пересмотре общего Устава“;

„Что Главный Совет, с сознательной целью, назначил местом общего конгресса город Гаагу, более всех других городов отдаленный от стран революционной оппозиции;

„Вследствие всего этого,“

„Конференция, перед лицом рабочих всего мира, заявляет, что с настоящего момента Итальянская Федерация Интернационала порывает все сношения с Главным Советом, но в то же время об‘являет, что она солидарна со всеми рабочими и поэтому она предлагает всем секциям Интернационала, неразделяющим авторитарных принципов Главного Совета, послать 2-го сентября 1872 г. своих делегатов на конгресс Интернационала, но не в Гаагу, *а в Невшатель* (в Швейцарию), где с‘ехавшиеся делегаты и откроют общий анти-авторитарный конгресс Интернационала“.

Юрцы, стремившиеся всегда в своей борьбе с партией Маркса—Энгельса—Лафарга—Утина не переходить известных границ, встретили отрицательно предложение Итальянской Федерации. Они старались держаться примирительной тактики и говорили, что следует принять участие в Гаагском конгрессе Юрцы хотели представить все обстоятельства своей борьбы с Главным Советом на обсуждение общего конгресса и поэтому они не согласились с предложением Итальянской Федерации созвать особый анти-авторитарный конгресс в Невшателе Юрцы решили послать на конгресс в Гаагу двух своих делегатов и Комитет Юрской Федерации написал Итальянской Федерации письмо, в котором он советовал итальянцам

также послать своих делегатов на конгресс в Гаагу Итальянцы ответили, что они не могут уже изменить своего постановления, принятого большинством конференции, таким образом, на когрессе в Гааге от итальянских секций не было ни одного представителя. Такое необдуманное решение было на руку Марксу.

Весь Август месяц прошол в подготовке к конгрессу Маркс и его друзья энергично работали, чтобы окончательно разбить своих противников. Чтобы вернее одержать победу над своими врагами Маркс мобилизовал даже своих домашних; он заставил свою дочь, Элеонору, написать своей подруге, (Элизе Гримм) в Эльзас, письмо в котором она обвиняла некоторых французских коммунаров, бывших членами Юрской Федерации, (в числе их Бенуа Малона и Андре Лео). Однако, эти обвинения не имели успеха, так как членам Парижской Коммуны было очень легко доказать всю ложность взводимых на них обвинений.

С своей стороны Комитет Юрской Федерации созвал 18-го августа с'езд в Шо-де-Фоне, на котором были избраны два делегата на конгресс в Гаагу; избранными оказались Адемар Швицгебель и Джемс Гильом. Конгресс выработал также особую инструкцию и наказ для делегатов. В этой инструкции указывалось, что Юрская Федерация желала бы „уничтожения Главного Совета и всякой власти в Интернационале“. В инструкции говорилось, что делегаты Юрской Федерации должны действовать в полной солидарности со всеми делегатами, которые будут открыто и честно протестовать против принципов авторитаризма“. С'езд также советовал своим делегатам „избегать насколько возможно перехода на личную почву, предложив конгрессу забыть о прошлом.“

На с'езд в Шо-де-Фон прибыл и Бакунин который в это время временно жил в Цюрихе. Вместе с Бакуниным в Шо-де-Фон приехало много русских студентов и студенток, в числе которых была, между прочим, София Бардина. 19-го Августа Бакунин посетил Сонвилье откуда 22 августа уехал в Локль. 24-го Бакунин при-

ехал в Невшатель, откуда на следующий день уехал снова в Цюрих.

VI.

Гаагский конгресс (2—7 сент. 1872 г).

На конгресс Интернационала в Гаагу прибыло из разных стран 67 человек делегатов. Большинство делегатов были сторонники Маркса или его друзья. Маркс заранее принял все меры, чтобы иметь на своей стороне большинство голосов. Чтобы обеспечить победу Маркс решил поехать на конгресс лично; это выступление на интернациональном конгрессе было первым; до этого Маркс предпочитал не присутствовать на конгрессах Интернационала, а действовать, как он выражался сам из за кулис.

Первые три дня конгресса были посвящены проверке мандатов. В мандатную комиссию вошли сам Маркс и четверо из его сторонников; представители меньшинства получили лишь два места. Мандатная комиссия, по предложению Маркса постановила, что ввиду исключительного положения Интернационала во Франции, где Интернационал подвергается жестокому гонению, по отношению к французским делегатам принять следующую меру: не указывать какие секции их делегировали. Таким образом, конгресс не имел возможности установить правильность делегирования относительно французских делегатов. По отношению к американским делегатам произошел следующий казус: представители американских секций выбрали делегатами Зорге и Дерера. После избрания Зорге заявил избравшим его секциям, что ему необходимо несколько *чистых незаполненных мандатных бланок*. Когда один из присутствовавших попытался было сделать возражение на незаконность такого требования, то Зорге вынул из кармана и показал *письмо Маркса*, в котором тот просил привезти в Лондон несколько чистых мандатных бланок. Против такого приказания возражать было нечего. Зорге получил двенадцать чистых мандатов без фамилий и по

приезде в Лондон передал их Марксу. Маркс раздал их по своему усмотрению. Когда об этом узнал Герман Юнг, то он спросил Маркса—верно ли это? Маркс, не отрицая факта, сказал, что Зорге, показавший письмо, *глупый осел.*

Из шестидесяти семи человек, прибывших на конгресс 22 человека были членами Главного совета и являлись сторонниками Маркса. Эти 22 делегата совместно с 12 делегатами от американских секций, мандаты которых Маркс роздал по своему усмотрению, уже составляли большинство конгресса. К этому большинству присоединились немецкие делегаты в числе девяти человек, хотя эти делегаты в сущности говоря не были делегированы *секциями* [1]), а лишь группами и рабочими союзами. Согласно устава Интернационала делегаты рабочих групп и союзов не могли иметь права решающего голоса в вопросах, касающихся организации и управления Интернационала. Но, вопреки этому на конгрессе в Гааге немецким делегатам было дано право решающего голоса. В то же самое время мандатная комиссия сочла неправильным мандаты делегата от одной американской секции, (под предлогом, что эта секция является защитницей *свободной любви*), и мандат делегата от женевской „секции пропаганды и социалистического действия". Делегатом от этой секции был Н. Жуковский и этого было вполне достаточно, чтобы закрыть перед ним двери конгресса. Между тем мандатная комиссия утвердила мандат зятя Лафарга, выданный ему „Новой Мадридской секцией Интернационала", насчитывавшей только девять членов, отколовшихся от старой мадридской секции. Эта новая секция была принята Главным Советом вопреки протестам Испанского Федерального Совета.

Программа конгресса состояла из следующих вопросов: 1) о полномочиях Главного Совета; 2) Предложе-

---

[1]) В Германии закон не допускал существования интернациональных секций.

ние внести в устав девятую резолюцию Лондонской конференции о политической деятельности пролетариата; 3) различные меры административного характера, избрание Главного Совета, назначение места будущего конгресса и т. д.

Дебаты по вопросу о полномочиях Главного Совета открыл делегат от секций города Льежа, бывший в то же время членом Главного Совета, А. Герман. Он указал, что пославшие его секции, как и все вообще бельгийские секции, придерживаются того мнения, что Главный Совет не должен быть политическим центром, навязывающим секциям свою теорию и стремящимся управлять Интернационалом. Главный Совет должен быть реформирован на новых основаниях: каждая страна должна сама выбрать своего представителя и послать его в Главный Совет; ни один человек не может каким либо иным путем сделаться членом Главного Совета. Цель, преследуемая Интернационалом заключается в борьбе с капиталом, для того, чтобы уничтожить систему заработной платы и пролетариат. Каждая страна должна быть свободна в выборе средств действия, которые она считает наиболее подходящими для себя. Заканчивая свою речь, Гарман говорит, что секции его уполномочили добиваться на конгрессе, чтобы конгресс поставил Совет в такие условия, в которых Главный Совет не мог бы больше навязывать свою волю всему Интернационалу.

После Германа выступил зять Маркса Лафарг. Лафарг в своей речи указывал, что делегировавшие его секции—Мадридская и Лиссабонская, наоборот настаивают, чтобы за Главным Советом были сохранены прежния полномочия: так как только благодаря Главному Совету существует Интернационал. Если уничтожить Главный Совет—Интернационал распадется.

После Лафарга слово предоставляется делегату Юрской Федерации, Джемсу Гильому. Гильом говорит от имени пославшей его федерации, и указывает, что в данный момент в Интернационале существует два идейных течения. Представители одного из этих течений

смотрят на Интернационал как на создание группы лиц, исповедующих известную социальную доктрину. Эти лица думают, что применение их теорий на практике сможет освободить труд и вот почему они стремятся всюду пропагандировать свои идеи и стараются помешать пропаганде всяких других идей, противоречащих их теории. Многие думают, что именно благодаря этой группе и ея деятельности существует Интернационал. Представители другого течения, наоборот, считают, что Интернационал не является продуктом деятельности какой либо группы, но возник и развился в силу самих экономических условий. Сходное положение работников в разных странах породило общность чувств, стремлений и интересов, и благодаря этой то общности и возник Интернационал. Интернационал не есть создание какого либо ума ученого теоретика, но является порождением самой жизни и экономических явлений.

Члены нашей Федерации на конгрессе в Базеле предложили сосредоточить в руках Главного Совета известные полномочия, теперь мы настаиваем, чтобы Главный Совет был лишен этих полномочий. Это требование мы основываем на том факте, что Главный Совет стал злоупотреблять данными ему полномочиями и наша Федерация испытала это на себе. Желание нашей Федерации уменьшить полномочия Главного Совета встретило отклик в среде других федераций; бельгийская федерация даже потребовала совершенного уничтожения Главного Совета, как безполезного органа. Мы не идем так далеко. Но, когда это предложение было получено нами, мы обсудили его и задали вопрос: действительно-ли необходимо при данных условиях существование Главного Совета? Мы опросили по этому поводу целый ряд федераций и на основании полученных ответов вывели заключение, что если Главный Совет и нужен, то ни коим образом не ввиде какой то власти и центра управления, но только как центр для письменных сношений и ведения статистики—не больше. Лично нам кажется, что федерации могли бы, без этой промежу-

точной инстанции, входить в непосредственные прямые сношения между собою; но, тем не менее, мы присоединились к мнению большинства.

Защитники Главного Совета возражают нам, что Интернационал должен иметь во главе сильную власть. На чем основывают они это требование? Интернационал ведет борьбу экономическую, которая выражается в стачках, и борьбу политическую, которая в разных странах принимает различные формы — или легальную борьбу на выборах и выставление рабочих кандидатур, или же выливается в революционные формы. Борьба экономическая и политическая неотделимы друг от друга: оне должны вестись вместе. Но, разве Главный Совет обладает способностью руководить нами в этой борьбе? Разве он когда нибудь организовывал хотя бы одну стачку? Нет. Главный Совет не имеет никакого влияния на социальные конфликты; когда они возникают, то только чувство солидарности, но не приказы, заставляют рабочих выступать совместно с своими товарищами. Вспомните какой протест заявила женевская федерация, (я буду приводить примеры только Швейцарии), когда указывалось что стачки 1868 и 1868 годов были предприняты по приказу из Лондона и Парижа. Мы не хотим, чтобы Интернационал действовал по приказам Главного Совета или кого либо другого. Для политической борьбы Главный Совет также совершенно не нужен: он не может вести рабочих к революции, потому что революции возникают самостоятельно, а не под влиянием диктующей власти. Таким образом мы приходим к заключению, что существование Главного Совета безполезно. Однако, мы не требуем его полного уничтожения, но мы предлагаем ограничить его роль и сделать его простым бюро переписки и статистики.“

В ответ на эту речь делегат от Ньюйоркских секций Зорге, говорит, что „американцы, путем опыта, пришли к совершенно противоположным заключениям, чем Юрская Федерация. „Юрская Федерация, говорит Зорге, об‘являет себя противницей власти, я хотел бы, чтобы

она не имела власти печатать те гадости, какие она печатала...“ На этом месте речь Зорге была прервана голосами делегатов меньшинства, которые требовали, чтобы председатель призвал Зорге к порядку дня. Зорге взял свои последние слова обратно и стал продолжать свою речь:

Нам говорят, сказал он что Главный Совет никогда не организовал стачек. Это не верно. Его вмешательство было очень действительно во время стачки бронзовщиков в Париже, а также во время стачки рабочих на фабриках швейных машин в Нью-Иорке и механиков в Ньюкестле“...

Здесь опять речь Зорге была прервана английским делегатом Моттерчидом, который заметил: „это неверно, механики Ньюкестля не имели никакого отношения к Главному Совету.“

Зорге, оставив без внимания это замечание, продолжает свою речь:

„Главный Совет должен быть генеральным штабом Интернационала. Защитники и сторонники автономии говорят, что наша Ассоциация не имеет нужды в голове мы думаем обратное, мы думаем, что голова нужна и она нужна с большими мозгами внутри. (Многие делегаты смотрят на Маркса и смеются). Мы должны иметь сильную централизацию и я заканчиваю свою речь пожеланием, что не только нужно лишить Главный Совет тех полномочий, какие он имеет, но что его полномочия следует увеличить“.

После Зорге слово предоставляется делегату испанской федерации, Мораго. Мораго говорит, что спорить о размерах власти Главного Совета - это только терять понапрасну время, так как, в действительности, Главный Совет не обладает достаточной силой, чтобы держать секции в подчинении. Интернационал, являясь свободной организацией, возникшей из инстинктивной организации пролетариата, уже одним фактом своего существования служит выражением протеста против власти. Было бы поэтому совершенно наивным надеяться на то, что

сторонники автономии рабочих коллективов отказались бы от своих идей. Испанская Федерация стоит за свободу, и она никогда не согласиться признать за Главным Советом иной роли, кроме как центра корреспонденции и статистики“.

После этих речей заседание было закрыто, и на другой день в частном заседании конгресса, закрытым для публики, Главный Совет предложил конгрессу принять в измененной редакции статьи вторую и шестую общего регламента. Статьи эти были составлены в такой редакции:

„Статья 2.—Главный Совет обязан выполнять постановления конгрессов и наблюдать за точным исполнением секциями всех постановлений и устава Интернационала.

„Статья 6.—Главный Совет имеет также право распускать секции, отделения, советы или федеральные комитеты и федерации Интернационала до созыва следующего конгресса.

„Однако, по отношению к секциям, принадлежащим к какой либо федерации, Главный Совет, прежде чем распускать их, обязан предварительно посоветоваться об этом с подлежащим федеральным советом.

„В случае роспуска какого либо федерального совета, Главный Совет должен оповестить об этом секции входившие в эту федерацию и просить избрать в тридцатидневный срок новый федеральный совет.

„В случае роспуска целой федерации, Главный Совет должен немедленно сообщить об этом всем федерациям Интернационала. Если большинство федераций потребует для разбора дела созыва экстренной конференции то Главный Совет обязан исполнить эту просьбу и конференция должна вынести окончательное решение по данному вопросу.“

Эти статьи были приняты большинством конгресса без прений. По поводу предоставления Главному Совету права роспуска целых федераций слово взял сам Маркс Маркс указывал, что нельзя ограничивать право рос-

пуска, тем более что в силу постановлений базельского конгресса, давшего Главному Совету право закрытия секций, Главный Совет может вполне закрыть целую федерацию, только не сразу, а постепенно, закрывая одну секцию данной федерации за другой. Не лучше-ли говорил Маркс, выразить это право более ясным и определенным образом и прямо сказать, что Главный Совет имеет право распускать и закрывать целые федерации? Если его выбор упадет на такую федерацию, как, например, Юрская Федерация, которая позволяет печатать в своем оффициальном органе заведомую ложь и клевету, то предпринятая Главным Советом мера принесет Интернационалу только пользу.“

После того, как были приняты эти статьи, которыми Главный Совет облекался более сильной властью, чем он пользовался до того времени, Энгельс, совершенно неожиданно для большинства делегатов, внес предложение *перенести Главный Совет из Лондона в Нью-Иорк*. „Интересы Интернационала требуют, говорил Энгельс, удаления Главного Совета из Лондона, по крайней мере на один год, и, сообразуясь с обстоятельствами, признается наиболее удобным перенести Главный Совет в Нью-Иорк“.

Предложение о перенесении Главного Совета из Лондона в Нью-Иорк было подписано Марксом, Энгельсом, Мак-Доннелем, Секстоном, Лонге, Лесснером, Ле-Муссю, Серайе и Барри.

Делегаты были ошеломлены. На конгрессе некоторое время царило молчание. Но, затем поднялись протесты, особенно энергично протестовали французы бланкисты, во главе с Вальяном. Дело в том, что эмигрантам бланкистам, жившим в Лондоне, Маркс обещал несколько мест в Главном Совете Интернационала. Однако, Маркс боялся допустить бланкистов в Главный Совет и поэтому решил лишить их всякой возможности оказывать свое влияние на Интернационал.

Но, почему однако, выбор Маркса пал на Нью-Иорк? По всей вероятности Маркс, решая перенести Главный

Совет в Нью-Иорк, рассуждал так: Нью-Иорк слишком далек от Европы, и Главный Совет, находясь там, будет избавлен от всех нежелательных элементов и всякого чуждого Марксу влияния. С другой стороны, сам Маркс также как бы отстранялся от деятельности в Главном Совете. Но, в то же время Маркс хорошо знал, что в Нью-Иорке, где во главе секций стоял его преданный друг Зорге, Главный Совет будет всецело выполнять его желания. Таким образом, думал Маркс, для непосвященных будет видно, что он, ради блага Интернационала, чтобы прекратить все поводы к нареканию, добровольно ушел из состава Главного Совета и даже сам внес предложение перенести совет в Нью Иорк.

Однако, Маркс, несмотря на свой острый ум, не принял во внимание одной вещи: обманывая бланкистов и думая, что он нашел выход из создавшегося положения и обеспечил за собою влияние на Главный Совет, он забыл о том, что та часть Интернационала, которая требовала уничтожения Главного Совета или низведения его до роли, как говорил Маркс, „простого почтового ящика“ для приема и пересылки корреспонденции, могла рассуждать так: „раз Главный Совет перенесен на другой берег Атлантики, это будет для нас служить доказательством того, что возможно вполне обходиться и без Главного Совета, так как, в действительности, нахождение Главного Совета в Нью-Иорке будет равносильно тому, что его как будто нет совсем“.

Действительно, приблизительно таким образом рассуждали часть английских, бельгийских и голландских делегатов и это их заставило голосовать совместно с Марксом и его друзьями за перенесение Совета в Нью-Иорк. Голоса этих делегатов (девять голосов) и дали перевес марксистам (За перенесение Совета в Нью-Иорк было подано 30 голосов, против 14 при 12 воздержавшихся. Если бы девять делегатов из оппозиции вместо того, чтобы голосовать *за*, голосовали бы *против*, то за предложение Маркса было бы собрано только 21 голос, а за оставление Совета в Лондоне 23

голоса (14+9). Таким образом, в то время как Маркс был в восторге от одержанной победы над бланкистами, автономисты были благодарны Марксу за допущенную им огромную ошибку.

Следующее заседание конгресса было посвящено прениям по вопросу *о политической деятельности.* Група делегатов от большинства внесла предложение дополнить основной устав Интернационала девятой резолюцией, выработанной на Лондонской конференции, несколько изменив ея редакцию. Это постановление было редактировано в следующих выражениях:

„В своей борьбе против коллективной власти господствующих классов, пролетариат может действовать как класс только при том условии, если он сам образует политическую самостоятельную партию, противопоставленную всем прежним партиям, основанным господствующими классами.

„Это об'единение пролетариата в политическую партию является необходимым условием для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ея конечной цели—уничтожение классов.

„Коалиция рабочих сил, уже достигнутая благодаря экономической борьбе, должна также служить рычагом в руках рабочего класса в его борьбе против политического могущества его эксплуататоров.

„Обладатели земли и капитала пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увеличения своих экономических монополий и для эксплуатации труда, завоевание политической власти является, следовательно, великой обязанностью пролетариата."

Бланкисты, с своей стороны, внесли предложение принять их резолюцию, в которой говорилось, что „если стачка является формой революционного действия, то баррикада представляет другую форму революционного действия, самую действительную из всех форм." Бланкисты требовали, чтобы в програму следующего конгресса был внесен вопрос „об организации боевых революционных сил пролетариата."

Прения по этому вопросу носили не серьезный ха-

рактер. Два оратора, выступившие за принятие резолюции Главного Совета, бланкист Вальян и марксист Гепнер, в своих речах не касались основных идей и ограничились лишь указанием необходимости политической борьбы. Вальян говорил о великом значении *силы* и *диктатуры*, заявив, что кто не думает так, как он является буржуа и интриганом. Вальян добавил, что раз постановление будет принято большинством конгресса и будет внесено как параграф основного устава в *библии Интернационала* буквальное выражение Вальяна), то весь Интернационал обязан держаться этой политической программы иначе же все несогласные подлежат исключению.

Немецкий делегат Гепнер заявил, что все интернационалисты, не желающие принимать участие в политической избирательной борьбе, как, например, швейцарцы, являются союзниками „шпиона" Швейцера, и что воздержание от голосования ведет прямо в полицейский участок... „Нам говорят, добавил Гепнер, что Главный Совет навязывает свою теорию; это ложь, в Германии мы не видим ничего подобного; политические теории, изложенные в постановлениях Главного Совета, находятся в полном согласии с стремлениями немецких рабочих и поэтому не приходится говорить о каком бы то ни было насилии со стороны Главного Совета.

Со стороны меньшинства слово было дано только одному Гильому, хотя раньше его записалось еще двенадцать ораторов. Считая себя не вправе воспользоваться словом вне очереди, Гильом отказался выступить, но большинство конгресса настояло, чтобы он говорил. Как оказалось впоследствии все это было устроено с задней целью—план Главного Совета заключался в том, чтобы выслушать на публичном заседании теории оппозиции в лице Гильома, а затем, в конце конгресса, исключить из Интернационала представителя этой оппозиции; таким маневром Главный Совет думал убедить широкую публику что принципы и идеи оппозиции не имели других защитников кроме Гильома, которого большинство конгресса нашло недостойным быть членом Интернационала.

Речь Гильома была, неполна, потому что он не успел обсудить все тезисы с представителями меньшинства. Кроме того, Гильом не хотел раскрывать все махинации Главного Совета перед посторонней публикой, присутствовавшей на конгрессе, хотя у него имелись в кармане компрометирующие письма Энгельса к Кафиеро. Вследствие этого Гильом ограничился лишь кратким изложением федералистической и революционной теории, которую он противопоставлял теории, изложенной в знаменитом манифесте коммунистической партии 1848 г. изданном Марксом и Энгельсом. Гильом указал, что внесение в устав Интернационала девятой резолюции будет первым шагом на пути осуществления этой программы. Затем Гильом указал, что термин *абстенционисты*, применяемый Главным Советом к интернационалистам бельгийским, голландским, юрским, испанским и итальянским не совсем правилен... Все интернационалисты, воздерживающиеся от участия в избирательной борьбе, не отрицают политику и не проповедуют политического индефферентизма, но считают необходимым вести политику другого рода, так называемую политику труда, отрицающую политику буржуазии. Различие между положительной политикой большинства конгресса и отрицательной политикой меньшинства заключается в том, что большинство стремится *к завоеванию политической власти*, а меньшинство хочет *уничтожения политической власти*".

Резолюция предложенная Главным Советом была принята большинством 29 голосов против 5, при 8 воздержавшихся.

В субботу 7-го сентября состоялось последнее публичное заседание конгресса, оно было посвящено почти целиком изложению идей Интернационала, имевшее целью познакомить с принципами Интернационала многочисленную публику, явившуюся в залу заседаний конгресса. Вечером в субботу состоялось закрытое заседание конгресса, на котором должен был быть обсужден вопрос об „Альянсе социалистической демократии," Этот вопрос, в глазах Маркса и Энгелчса, был наиболее ва-

жным из всех и ради него, собственно говоря, они созвали самый конгресс [1]).

---

1) Маркс уже с весны 1872 г. сам лично стал заниматься собиранием и обработкой обвинительных материалов против Бакунина. Так уже в своем письме от 28-го мая 1872 г. к известному русскому публицисту Николаю—он'у Маркс пишет: „Один из проживающих в Швейцарии крикливых шарлатанов (Marktschreier)—М. Бакунин—откалывает такие штуки (spielt solche Streiche), что я был бы очень благодарен за всякое точное сведение об этом человеке, а именно: 1) о его влиянии в России и 2) о той роли, которую играла его особа в пресловутом (нечаевском) процессе".

В письме от 25-го августа 1872 г. к тому же Николаю—он'у Маркс пишет: „пишу сегодня второпях, чтобы обратиться к вам с просьбой по одному специальному делу *самого неотложного свойства* (курсив Маркса). Бакунин—бывший руководитель в Нечаевском деле(!)—старавшийся все эти годы подкопать своими тайными происками Интернационал, был в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что нашел себя вынужденным сбросить, наконец, маску и *отколоться открыто* от Союза вместе с руководимыми им глупцами. Так вот этому Бакунину было как то предложено перевести на русский язык мою книгу, при чем часть денег за перевод была им получена вперед; но, вместо того, чтобы доставить свой труд, он написал или велел написать к некоему Лю-ну в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы принести мне громадную пользу, если бы я мог получить его немедленно. Так как это чисто коммерческое дело и так как при пользовании этим документом не будет названо ни каких имен, то я надеюсь, что вы добудете это письмо. Но не следует терять ни минуты времени. Если вы согласны прислать мне это письмо, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на гаагский конгресс."

Как читатель увидит дальше, письмо это Марксу было прислано и послужило в его руках самым важным обвинительным документом. На основании всех материалов присланных Утиным и другими, Маркс составил против Бакунина целый обвинительный акт, который после того как был представлен Марксом Гаагскому конгрессу, был издан им отдельной брошюрой под заглавием: *мнимый раскол в интернационале.*" Примеч. Н. Л.

Разбор дела об Альянсе был поручен особой „комиссии пяти“, в состав которой вошли делегаты Куно (немец), Лукэн (француз), Сплингард (бельгиец), Ришар (француз) и Вальтер (француз). Эта комиссия имела целью установить тот факт, что некоторые члены Интернационала основали в 1868 году тайный союз, названный ими „Альянс социалистической демократии“, и который имел программу противоречащую уставу Интернационала.

Комиссия пяти посвятила несколько тайных заседаний на разбор документов, переданных ей Энгельсом. После этого она сделала допрос некоторым делегатам, при чем одни из них фигурировали в качестве свидетелей, а другие в качестве обвиняемых. С первого же заседания комиссия не ограничилась ролью безпристрастного расследователя, а стала в роль судьи. Она повела форменный допрос свидетелей, вызывая их по одиночке и стараясь запутать их и сбить. Ввиду такого отношения некоторые свидетели отказались давать свои показания; другая часть свидетелей, являвшихся фактически скорее обвинителями, просиживала в комиссии целые часы. Мы не можем сказать, что происходило во время этих заседаний; мы не знаем каковы были показания этих свидетелей, так как протоколы этих заседаний не были опубликованы.

Но, чтобы понять какого рода работой была занята эта „комиссия пяти,“ нам достаточно будет выслушать мнение двух членов этой самой комиссии.

Так, член этой комиссии, делегат Сплингард, после того, как выслушал все показания Маркса и Энгельса, заявил что обвинители не дали никаких веских улик и что все это дело является, по его мнению, ложью и мистификацией. Дальнейшее обсуждение вопроса об Альянсе он считает безполезной тратой времени.

Другой член комиссии пяти, французский делегат Вальтер, принадлежавший к большинству конгресса то-есть, стоявший на стороне Маркса, при виде всего того что происходило в комиссии, решил выйти из ея состава

и написал председателю комиссии Куно письмо, в котором он заявлял, что не может участвовать в подобной комиссии и что он слагает с себя всякую ответственность за все решения этой комиссии. Правда что на следующий день Вальтер изменил свое мнение, но, ниже мы увидим, каковы были причины, заставившие его снова вступить в комиссию.

Другой знаменательный факт, в субботу, 7 сентября, около четырех часов дня граждане Куно, Лукен и Ршар — члены комиссии пяти — заявили Гильому, что несмотря на все заботы и старания некоторых лиц, комиссия не пришла ни к каким серьезным выводам и что когда комиссия представит на вечернем заседании конгресса свой доклад, то делегаты увидят, что гора родила мышь. Затем между Лукеном и Гильомом завязалась дружеская беседа по поводу реорганизации секций во Франции и о необходимости создания французского федерального совета и т. п. Лукен высказывал Гильому свое доверие и просил его вести с ним переписку, дал ему свой адрес и открыл свою настоящую фамилию. Затем члены комиссии расстались с Гильомом и отправились на заседание, чтобы выслушать дополнительные *показания Маркса*. Что мог сказать нового Маркс? Мы не знаем [1].

---

[1]) Вероятно, в доказательство неопровержимой виновности Бакунина Маркс показал письмо Нечаева от имени революционного комитета к Любавину относительно отказа Бакунина от перевода „Капитала“. Маркс считал это письмо самым важным обвинительным документом и держал его до последнего момента в резерве. Когда же он увидал, что члены комиссии не склонны на основании представленных им документов к обвинению Бакунина, Маркс прочитал им это письмо. Вот в каких выражениях писал об этом сам Маркс в письме от 12 декабря 1872 г. к Николаю—ону: „из прилагаемого вложения вы узнаете результаты гаагского конгресса. В заседании следственной комиссии по делу Alliance'a, я прочел письмо к Л—ну, под условием строжайшей тайны и не называл имени адресата. Однако, тайна не была соблюдена, во-первых, потому, что в комиссии заседал в числе прочих бельгийский адвокат Сплингард, который был в действительности

Но, в результате этого получилось то, что мнение всех трех членов комиссии, только что дружески беседовавших с Гильомом, совершенно изменилось и четвертый

просто агентом альянсистов, а во-вторых, потому, что Жуковский, Гильом и К-о (в предвидении грядущего и ради его предотвращения) заранее разсказывали направо и налево это дело, конечно, *по своему* и с апологетическими прибавками. Вследствие этого, комиссия, в своем докладе конгрессу, была вынуждена сообщить относящиеся к Бакунину *факты*, содержавшиеси в письме к Лю-ну (при чем я, конечно, не назвал его имени; но друзья Бакунина знали уже о нем из Женевы).. Вследствие исключения Бакунина, а также Гильома из Интернационала, их Alliance, держащий в своих руках наши секции в Италии и Испании, немедленно открыл повсюду против нас клеветническую войну и в соединении со всякими порочными элементами, стремится вызвать распадение на два лагеря. Однако, ожидающее его окончательное поражение несомненно, и оно только поможет нам *очистить* Интернационал от грязных и слабоумных элементов, вкравшихся в него там и сям“..

Хотя Маркс и считал письмо Нечаева от имени революционного комитета к Любавину самым важным обвинительным документом против Бакунина, тем не менее, в действительности, в этом письме не было ничего особенного и вот почему Маркс предпочел для введения публики в заблуждение говорить об этом письме, но нигде его не опубликовывать. В письме от 3-го августа 1873 г. к Николаю он'у Маркс писал: „мы печатаем в настоящую минуту „Разоблачения“ относительно Alliance'a... Что касается до письма, относящагося к главарю этой ханжеской компании (Бакунину), то мы все еще держим его в резерве“. Это письмо так и осталось Марксом не опубликованным, так как Маркс предпочел, чтобы придать ему более значения, сохранить по отношению к этому письму покров тайны.

Интересно заметить что сам Любавин будучи врагом Бакунина, отсылая письмо с угрозой роволюционного комитета, писал Марксу: „в то время участие Бакунина в этом письме казалось мне несомненным; но теперь, при спокойном обсуждении дела, я вижу, что это ни в коем случае не доказано; очень возможно, что Нечаев послал письмо без всякого соучастия Бакунина.“ См. об этом у Франца Меринга в его книге „Карл Маркс, история его жизни.“ Примеч. Н. Л.

член, Вальтер, отказался от своего письма и присоединился к комиссии.

После переговоров с Марксом, Комиссия неожиданно изменила свое мнение и составила свое знаменитое заключение, которое и было прочитано на вечернем заседании в субботу, за несколько минут до закрытия конгресса. Вот это заключение:

Доклад комиссии по делу Альянса.

За недостатком времени Комиссия не имеет возможности представить конгрессу подробный доклад по делу Альянса, поэтому она ограничивается лишь кратким заключением, основанным на тех документах и данных, какие были ей доставлены.

Выслушав показания граждан Энгельса, Карла Маркса, Вроблевского, Дюпона, Серайс и Шварма от Интернационала,

и граждан Гильома [1]), Швицгебеля, Жуковского, Алерини, Мораго, Марсело, Фарга—Пелисье, обвиняемых в том, что они состояли членами тайного общества Альянса,

нижеподписавшиеся заявляют:

1) Что тайное общество Альянса, имевшее устав совершенно противоположный уставу Интернационала, существовало, но нет достаточных доказательств того, существует-ли это общество в данный момент;

2) Доказано, фактом существования проекта устава и целого ряда писем, подписанных „Бакунин“, что этот гражданин хотел, а может быть и успел, основать в Европе общество, называемое Альянс, имеющее устав совершенно различный с уставом Интернационала как с точки зрения социальной, так и с точки зрения политической;

---

[1]) Гильом отказался давать оффициальным образом показания перед комиссией, как таковой. Он лишь вступил в беседу которая описана выше с членами комиссии просто как с делегатами, и говорил с ними не по делу Альянса, но по вопросам касавшимся Интернационала.

3) Что гражданин Бакунин употреблял мошеннические проделки, чтобы захватить часть средств, принадлежавших другому лицу, что является воровством [1]).

„Кроме этого, чтобы не выполнять взятых на себя обязательств, он и его агенты прибегали к угрозам.

„На основании всего этого члены Комиссии просят Конгресс:

1) Исключить гражданина Бакунина из Международного Товарищества Рабочих;

2) Исключить также граждан Гильома и Швицгебеля так как члены комиссии убеждены, что они состоят и в данный момент членами названного Альянса.

3) На основании документальных данных установлено, что граждане Мал.н, Буске—этот последний секретарь полицейского комиссара в Безья (во Франции [2]) и Луи Маршан, занимались деятельностью, имеющей целью дезорганизовать Интернационал. Комиссия просит также исключить и их.

4) Что же касается граждан Мораго, Фарга-Пелиссье, Марсело, Алерини и Жуковского, Комиссия,—принимая во внимание их определенные заявления, что они

---

[1]) Это обвинение Бакунина в мошенничестве и в воровстве основано на том факте, что Бакунин, взявшись у издателя Полякова переводить *Капитал* Маркса и получив задаток 300 рублей, не выполнил, по независящим от него обстоятельствам, этой работы и не возвратил задаток; при чем Нечаев узнав, что Бакунин взял перевод у Полякова, без ведома Бакунина, написал Полякову письмо, где говорил, что Бакунин не будет переводить „*Капитал*“, так как у него есть работа важнее этой и будто бы Нечаев в этом письме угрожал издателю если тот вздумает затевать против Бакунина дело Этот факт и дал повод обвинять Бакунина „в мошеннических проделктх и „в воровстве“

[2]) Буске, искреннчй и честный республиканец, действительно занимал пост полицейского комиссара в Безье *но во время провозглашения там коммуны в 1871 г.* Этот пост он решился занять только „*из за преданности к демократической и социальной Республике*“. Однако комиссия это замалчивает.

не состоят больше членами названного Альянса,— просит Конгресс оставить их дело без последствий.

Чтобы избежать нареканий в пристрастии, члены Комиссии просят, чтобы все документы, которые были им представлены, а также и все свидетельские показания, были опубликованы в оффициальном органе Интернационала.

Гаага, 7 сентября 1872 г.

Председатель Ф. П. Куно, делегат от Штутгарда и Дюссельдорфа

Секретарь Лукен, делегат от Франции.

Прочитав этот документ, читатель видит, что нет возможности выступить с серьезной критикой всех обвинений, приведенных в нем. Поэтому мы ограничимся лишь кратким указанием тех противоречий, которые встречаются на каждой строке этого документа.

Во первых, с одной стороны, мы читаем, что *тайный Альянс существовал, но что нет достаточных доказательств того, что он существует теперь*, а, с другой стороны, несколько ниже говорится, *что Бакунин хотел, а может быть, и успел, основать общество называемое Альянсом*. Еще несколькими строками ниже мы читаем: Комиссия убеждена что Гильом и Швицгебель *состоят еще членами названного Альянса*. Возможно ли нагромоздить столько противоречий на нескольких строках? На самом деле, или Комиссия должна признать, как она это делает в первом параграфе своего заключения, что нет достаточных доказательств того, что Альянс продолжает существовать, тогда Комиссия не могла сказать, что она убеждена, что Гильом и Швицгебель *состоят еще членами* Альянса,— или же Комиссия должна была сказать, если у нея были на то фактические данные, что Альянс был основан и продолжает существовать, тогда зачем было нужно говорить так неопределенно, что Бакунин *хотел, а может быть и успел основать в Европе Альянс*

Наконец в докладе говорится, что Альянс,— о суще-

ствовании которого Комиссия не может сказать ни *да*, ни *нет*,—*имел устав совершенно противоположный уставу Интернационала*.

В действительности, комиссия отлично знала, что Альянс существовал, что Бакунин не только хотел его основать, но вполне успел это сделать, что Альянс действовал у всех на виду, что Главный Совет, в своем письме от 20 марта 1869 г. признал что программа этого Альянса *не содержит в себе ничего противоречащего общим тенденциям Интернационала* и что программа и регламент секции Интернационала в Женеве носившей название секции Альянса, были одобрены Главным Советом (см. письмо Эккариуса от 28 июля 1869 г.[1]).

Комиссия обвинила Бакунина в мошенничестве но, в подтверждение такого серьезного обвинения она не представила конгрессу даже малейшаго доказательства, и обвиняемый не был ни предупрежден, ни выслушан! На простом языке такой поступок называется клеветой Впрочем, честь Бакунина не могла быть задета подобными обвинениями.

Председатель Комиссии Куно, заявил на конгрессе, что Комиссия не получила, в действительности, ни одного материального доказательства, подтверждающего припи-

---

[1]) Найдутся, быть может, некоторые читатели, которые возразят мне, что дело идет не о программе и уставе „Альянса социалистической демократии", организации публичной, но об уставе и программе тайного общества носившего то же название. На это возражение я отвечу что „Устав тайного Альянса", приложенный в числе оправдательных документов к брошюре *Альянс социалистической демократии* (стр. 118—132) изданной в 1873 г. *составлен* самими *авторами этого памфлета*. Этот устав не составляет, как предполагают авторы брошюры (стр. 2), „одно целое„, а, наоборот, мы видим здесь соединение нескольких разных отрывков, которые если даже признать за всеми ими неоспоримую подлинность, имеют неодинаков е значение. Человек, лучше всех изучивший чрезвычайно сложную историю тайных обществ, существовавших или же только проекти-

сываемые обвиняемым инкриминируемые факты, но Комиссия, заявил Куно, по отношению к этим гражданам имеет *моральную уверенность* в их виновности, и поэтому, не имея возможности представить конгрессу определенных доказательств, Комиссия просит конгресс *довериться* ея заключению.

После речи председателя Комиссии, член комиссии Сплингард просит слова и прочитывает следующее свое заявление:

„Я протестую против заключения Комиссии по делу Альянса и оставляю за собою право об'яснить причину моего протеста перед Конгрессом. В процессе разследования, по моему мнению, выяснилась только одна вещь— это *попытка* Бакунина организовать в среде Интернационала тайное общество.

Что же касается исключений из Интернационала некоторых его членов, предлагаемого большинством Комиссии, я не могу требовать исключения, так как я не получил на это полномочий [1]) и поэтому я буду оспаривать это постановление перед конгрессом

Рох. Сплингард".

рованных, которых Бакунин был основателем или членом,—Макс Неттлау,—говорит по поводу этого устава следующее: „мы имеем здесь, в действительности, несколько различных уставов и проектов о которых нельзя положительно сказать, были-ли они осуществлены или нет; как я уже говорил раньше, все эти проекты теряли свою силу благодаря позднейшим проектам. Всякий у кого находились эти проекты, хорошо это знал. Эти проекты уставов были посланы Марксу и Энгельсу из Женевы, очевидно, Утиным. Интересно знать,—скрыл-ли сам Утин от Маркса и Энгельса *недействительность* этих уставов и этим самым ввел их в заблуждение или же сам Маркс, хорошо осведомленный, что эти документы не имеют никакого значения, ввел в заблуждение комиссию?" (Nettlau p. 724).

[1]) Сплингарт этим хочет сказать, что Конгресс не давал Комиссии полномочия решать вопрос об исключении кого либо из Интернационала; конгресс лишь поручил Комиссии расследовать дело.

Далее в своей речи Сплингард в нескольких сильных выражениях охарактеризовал доклад комиссии и странную речь ея председателя Куно.

После этого председатель конгресса предложил Гильому выступить в защиту себя. Гильом отказался, говоря, что выступать против заключения Комиссии это значило бы принимать в серьез всю комедию, устроенную большинством Конгресса. Гильом ограничился лишь указанием, что большинство конгресса, предпринимая репрессии против некоторых членов меньшинства, хочет нанести удар в лице их всей федералистической части Интернационала Но прибавил он, ваша месть запоздала, мы уже заранее заключили договор солидарности, который вам сейчас прочитают".

После Гильома выступил Швицгебель, который сказал „нам вынесли заранее приготовленный обвинительный приговор, но, рабочие сами вынесут обвинительный приговор решению вашего большинства".

Затем Виктор Дав, делегат от секции в Гааге прочитал следующую декларацию:

Декларация меньшинства.

„Мы, нижеподписавшиеся, члены меньшинства гаагского конгресса, сторонники автономии и федерации рабочих групп, прежде чем конгресс приступил к голосованию своих постановлений, которые, как нам кажется будут идти в разрез с теми принципами, какие приняты в странах, нас делегировавших, желая в то же время избежать всякого рода раскола в среде Интернационала должны заявить конгрессу следующее:

1) Мы будем продолжать поддерживать с Главным Советом чисто деловые сношения, касающиеся уплаты взносов, переписки и статистики;

2) Федерации, представляемыя нами, установят между собою и всеми отделениями Интернационала прямые и постоянные сношения.

3) В том случае если Главный Совет захочет вмешаться в внутренние дела какой либо федерации, пред-

ставители которых подписали настоящее заявление, обязуются совместными силами защищать свою автономию, исключая те случаи когда федерации явно пойдут в своих действиях против устава Интернационала, принятого женевским конгрессом.

4) Мы предлагаем всем федерациям и секциям подготовиться к будущему конгрессу с тем, чтобы в среде Интернационала был принят, как основной принцип организации труда, принцип федеративной автономии.

5) Мы не войдем ни в какие сношения с так называемым всемирным федералистическим Советом в Лондоне [1]), и ни с какой другой организацией чуждой Интернационалу.

Алерини, Фарга—Пелисье, Мораго, Марсело,—делегаты Испанской федерации.

Бризме, Конен, Флюс, Ван ден Абель, Еберг.рд—делегаты Бельгийской федерации.

Швицгебель, Гильом—делегаты Юрской федерации.

Дав, Гергард—делегаты Голландии.

Сова—делегат Америки.

Члены большинства молча выслушали эту неожиданную для них декларацию. Никакого возражения с их стороны не последовало. Председатель спешно предложил приступить к голосованию об исключении членов Интернационала, предложенных Комиссией. В это время из 65 делегатов на конгрессе осталось лишь 43. За исключение Бакунина высказалось 27 *за*, против 7 при 9 воздержавшихся. За исключение Гильома высказалось 25 *за*, против 9 при 9 воздержавшихся. За исключе-

---

[1]) Федералистический Совет в Лондоне была организация основанная по инициативе Везинье в противовес Главному Совету Интернационала.

ние Швицгебеля высказалось 15 голосов *за*, против 17 при 9 воздержавшихся [1]).

Таким образом, Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала, а Швицгебель остался. Узнав результат голосования Швицгебель заявил протест, говоря что он был назначен Комиссией к исключению по тем же причинам как и Гильом и поэтому совершенно абсурдно исключать одного и не исключать другого. Большинство на это ничего не ответило. С своей стороны Гильом заявил, что он будет считать себя, несмотря на исключение, членом Интернационала.

Один член из большинства, поняв, что по отношению к следующим, подлежащим исключению, лицам — Малону, Буске и Маршану,—голоса еще более разобьются внес предложение отклонить предложение Комиссии пяти об исключении этих лиц из Интернационала. Большинством делегатов это предложение принимается.

Таким образом, гражданин Буске, обвиненный,— впрочем, ложно, – в шпионаже, остался членом Интернационала. Бенуа Малон также остался членом Интернационала, хотя Маркс очень хотел, чтобы Малон был исключен; Малон, хотя и не был членом Альянса и не

---

[1]) Известный немецкий социал-демократ, Франц Меринг описывая Гаагский конгресс в своей книге *„Карл Маркс – „История его жизни“*, говоря о процедуре исключения Бакунина и Гильома, пишет: „эта заключительная сцена гаагского конгресса была недостойна его. Конечно, никто не мог знать того, что постановления большинства комиссии уже потому не имели никакого значения, что в составлении их принимал участие один сыщик. Кроме того, имело бы хоть какой нибудь смысл если бы Бакунина исключили из политических соображений, только в силу морального убеждения, что он неисправимый интриган и хотя бы его происки и нельзя было доказать черно на бело (!). Но позорить Бакунина за то, что он будто бы не делал различия мелду „моим“ и „твоим“, было совершенно непростительно. К сожалению, часть вины за это падала на Маркса“. Меринг Карл Маркс. стр 397. Петерб. 1920 г.

Примеч. Н. Л.

состоял в особой дружбе с Бакуниным, был антипатичен Марксу за его независимый дух.

После процедуры исключения Бакунина и Джемса Гильома из членов Интернационала, некоторые делегаты потребовали от „Комиссии пяти“ доклада о действиях Главного Совета, так как многие представители Федераций поручили этой комиссии расследовать также дело о злоупотреблениях Главного Совета (превышение власти несоблюдение устава, клевета на членов Интернационала и т. д.) Однако, комиссия заявила, что за недостатком времени она не имела возможности выполнить вторую половину возложенной на нее задачи. После этого, председатель конгресса Зорге об'явил о закрытии конгресса. Конгресс закончился публичным митингом, на котором выступали Маркс, Беккер, Зорге и другие делегаты от большинства на митинге не присутствовали.

Делегаты меньшинства, прежде чем покинуть Гаагу и раз'ехаться по своим странам, устроили также общее собрание, на котором приняли участие представители почти всех секций Интернационала: американцы, англичане, ирландцы, голландцы, бельгийцы, русские, французы, итальянцы, испанцы и швейцарцы. Между всеми этими делегатами царило полное единодушие и все они горели одним желанием, чтобы Интернационал стал мощной организацией самих рабочих.

На конгрессе в Гааге было произведено расследование о воображаемом „тайном Альянсе“, но, на этом же конгрессе, благодаря свободному соглашению некоторых итальянских, испанских, русских, французских и юрских интернационалистов было положено основание действительной организации, которая поставила целью об'единить все федерации Интернационала на основе свободного соглашения и братской дружбы, связав Интернационал узами солидарности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Том первый.

Часть вторая.

РОМАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ.
(Январь 1869 г. — апрель 1870 г.)

Том второй.

Часть третья.

РАСКОЛ.

(Апрель 1870 г. — ноябрь 1871 г.)

Часть четвертая

ЮРСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

(Первый период. Ноябрь 1871 г. — Сентябрь 1872 г.)